

ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF HISTORICAL STUDIES**

№ 4 (56)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2024**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- Реморенко И. М.** доктор педагогических наук, доцент,
председатель член-корреспондент РАО, почетный работник общего образования Российской Федерации, ректор МГПУ, Москва, Россия
- Рябов В. В.** доктор исторических наук, профессор,
заместитель председателя член-корреспондент РАО, президент МГПУ, Москва, Россия
- Геворкян Е. Н.** доктор экономических наук, профессор, академик РАО,
заместитель председателя первый проректор МГПУ, Россия, Москва
- Агранат Д. Л.** доктор социологических наук, доцент, проректор
заместитель председателя по учебной работе МГПУ, Москва, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- Рябов В. В.** доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент
главный редактор РАО, президент МГПУ, Москва, Россия
- Омельяничук И. В.** доктор исторических наук, доцент, профессор
заместитель департамента истории Института гуманитарных наук МГПУ,
главного редактора Москва, Россия
- Андреев И. Л.** кандидат исторических наук, доцент, профессор
департамента истории Института гуманитарных наук МГПУ,
Москва, Россия
- Брэдли Дж.** доктор философии по истории (PhD), заслуженный
профессор Университета Талса, Александрия,
Вирджиния, США
- Васильев Д. В.** доктор исторических наук, доцент, профессор
департамента истории Института гуманитарных наук МГПУ,
Москва, Россия
- Вишняков Я. В.** доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры
всемирной и отечественной истории МГИМО, Москва, Россия
- Гагкуев Р. Г.** доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН, Россия, Москва
- Гайда Ф. А.** доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры
истории России XIX – начала XX века МГУ
им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- Жангуттин Б. О.** доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой
истории Казахстана им. академика Т. С. Садыкова КазНПУ
им. Абая, Алматы, Казахстан
- Иванов А. А.** доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры
новейшей истории России Института истории СПбГУ,
Санкт-Петербург, Россия
- Кириллов В. В.** кандидат исторических наук, профессор, директор
Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия
- Козловская Г. Е.** доктор исторических наук, профессор, директор
Самарского филиала МГПУ, Самара, Россия
- Копелев Д. Н.** доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры
истории Российского государственного педагогического
университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

- Малышева О. Г.* доктор исторических наук, профессор, профессор
департамента истории Института гуманитарных наук МГПУ,
Москва, Россия
- Матвеев Г. Ф.* доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой истории южных и западных славян
МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- Михайловский Ф. А.* доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой истории древнего мира и средних веков
им. В. Ф. Семёнова МГПУ, Москва, Россия
- Николаев А. Б.* доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой русской истории (XIX–XXI вв.)
РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
- Орлов С. В.* кандидат экономических наук, доцент,
заместитель председателя Московской городской думы,
заведующий кафедрой истории общественных движений
и политических партий МГУ им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия
- Пазин Р. В.* кандидат исторических наук, главный редактор
научно-методического журнала «Преподавание истории
в школе», Москва, Россия
- Рокки Э. К.* магистр исторических наук (PhD), Канада, Торонто
- Ртищева Г. А.* кандидат исторических наук, доцент, доцент
департамента истории Института гуманитарных наук
МГПУ, Москва, Россия
- Селезнев Ф. А.* доктор исторических наук, профессор, профессор
кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории
Института международных отношений и мировой истории
Нижегородского государственного университета
им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
- Сорокин А. А.* кандидат педагогических наук, доцент, начальник
департамента методики преподавания социальных
и гуманитарных наук Института гуманитарных наук
МГПУ, Москва, Россия
- Токарева Е. А.* кандидат исторических наук, доцент, заместитель
директора по учебно-методической работе и качеству
образования Института гуманитарных наук МГПУ,
Москва, Россия
- Черникова Т. В.* доктор исторических наук, доцент, профессор
кафедры всемирной и отечественной истории
МГИМО, Москва, Россия

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

- Рудаков В. Н.** Великий князь Юрий Всеволодович и Ситская битва в исторической памяти второй половины XVIII в. 6
- Макаров Н. А.** Состояние русской внешней торговли в конце 1808–1809 гг. (по депешам А. Б. Куракина).....15
- Герман Р. Э.** Основные тенденции переселенческой политики Российской империи в степном Предкавказье в конце XVIII – первой четверти XIX вв. 25
- Огородникова О. А.** Трагедия Ф. Шиллера «Коварство и любовь» в театральном пространстве российских столиц (XIX в.).....37
- Буланова А. С.** Деятельность Императорской археологической комиссии в области сохранения архитектурного наследия российского государства.....59
- Князев М. А.** Дворцовые коменданты Николая II (1896–1917): опыт просопографии малой придворной корпорации 74
- Иванов А. А.** Джентльмен с повадками змеи: современники о думском дебюте Василия Шульгина 89
- Калюжная О. В.** Выборы в III Государственную думу в оценках газеты «Нижегородский церковно-общественный вестник» 102

Новейшая история России

- Васильев Д. В.** Заселение территории Мургабского государева имения и землепользование: планы и реальность 116
- Павленко А. И.** «Новые медиа» о политическом кризисе осени 1993 г. в России: к вопросу об исторической памяти 131

Всеобщая история

- Шеркова Т. А.** Погребальный обряд в додинастическом и раннединастическом Египте в контексте обрядов перехода 143
- Мирзоев Е. Б.** Конфликт Птолемея Керавна с галатами в 279 г. до н. э.: ход кампании и причины поражения македонян.....159

Критика. Рецензии. Публицистика

- Ипатов А. М.** Рецензия на: Память о второй мировой войне за пределами Европы: коллективная монография / под ред. А. И. Миллера и А. В. Соловьева. СПб., 2022. 264 с. 173
- In memoriam. Памяти Евгения Ивановича Хаванова** 188

Авторы «Вестника МГПУ. Серия «Исторические науки»,

2024, № 4 (56).....189

Требования к оформлению статей.....192

C O N T E N T S

History of Russia: from Ancient Times to 1917

- Rudakov V. N.** Grand Prince Yuri Vsevolodovich and the battle of the Sit in the historical memory of the second half of the 18th century 6
- Makarov N. A.** The state of Russian foreign trade at the end of 1808–1809 (According to A. B. Kurakin’s dispatches) 15
- German R. E.** The main trends of the resettlement policy of the Russian empire in the steppe pre-Caucasus at the end of the 18th – first quarter of the 19th centuries 25
- Ogorodnikova O. A. F.** Schiller’s tragedy “Love and intrigue” in the theatrical space of Russian capitals (19th century) 37
- Bulanova A. S.** The activities of the Imperial Archaeological Commission in the field of preservation of the architectural heritage of the Russian state.... 59
- Knyazev M. A.** Palace commandants of Nicholas II (1896–1917): an experience in prosopography of the small court corporation 74
- Ivanov A. A.** A gentleman with the habits of a snake: contemporaries on Vasily Shulgin’s Duma debut 89
- Kalyuzhnaya O. V.** Elections to the III State Duma in the estimates of “The Nizhny Novgorod Church and Public Bulletin” newspaper 102

Modern History of Russia

- Vasilyev D. V.** Land use and settlement of the territory of the Murgab state estate: plans and reality 116
- Pavlenko A. I.** “New media” about the political crisis of autumn 1993 in Russia: on the issue of historical memory..... 131

General History

- Sherkova T. A.** Funeral rites in predynastic and early dynastic Egypt in the context of transitional rites 143
- Mirzoev E. B.** The conflict between Ptolemy Ceraunus and the Galatians in 279 BC: general course of the campaign and reasons for the defeat of the Macedonians 159

Criticism. Reviews. Publicism

- Ipatov A. M.** Review of: The memory of the Second World War outside Europe: a collective monograph / edited by A. I. Miller and A. V. Solovyov. St. Petersburg, 2022. 264 p..... 173
- In memoriam. In memory of Evgeny Ivanovich Khavanov** 188

Authors of the MCU Journal of Historical Studies, 2024,

- № 4 (56)..... 189
- Requirements for the Style of Articles..... 192

Научная статья

УДК 93/94

DOI: 10.24412/2076-9105-2024-456-6-14

Рудаков Владимир Николаевич

кандидат филологических наук

журнал «Историк»

Москва, Россия

ps-rudakov@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7907-7446

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЮРИЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ И СИТСКАЯ БИТВА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

Аннотация. Статья посвящена формированию образа великого князя владимирского Юрия Всеволодовича и сражения на реке Сити в русской исторической памяти второй половины XVIII в. Этот бой, история которого крайне туманно изложена в источниках, стал одним из символов сопротивления монголам, а ее участник — великий князь Юрий Всеволодович — остался в памяти потомков как едва ли не главный борец с захватчиками. Автор приходит к выводу, что подобная трактовка вряд ли соответствовала действительности, но в свое время именно она оказалась востребована составителем рассказа Лаврентьевской летописи. Впоследствии эта версия легла в основу первых историографических опытов, повествующих о событиях эпохи нашествий, подвергшись рационалистической трактовке в духе своего времени.

Ключевые слова: великий князь Юрий Всеволодович Владимирский, нашествие Батые, битва на реке Сити, историческая память.

Для цитирования: Рудаков В. Н. Великий князь Юрий Всеволодович и Ситская битва в исторической памяти второй половины XVIII в. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 4 (56). С. 6–14. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2024-456-6-14>

Original article

UDC 93/94

DOI: 10.24412/2076-9105-2024-456-6-14

Rudakov Vladimir N.

Candidate of Philological Sciences

“Historian” Magazine

Moscow, Russia

ps-rudakov@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7907-7446

**GRAND PRINCE YURI VSEVOLODOVICH
AND THE BATTLE OF THE SIT IN THE HISTORICAL MEM-
ORY OF THE SECOND HALF OF THE 18th CENTURY**

Abstract. The article focuses on the formation of the image of Grand Prince Yuri Vsevolodovich of Vladimir and the Battle of the Sit River in Russian historical memory during the second half of the 18th century. This battle, whose history is presented very ambiguously in the sources, became one of the symbols of resistance against the Mongols, and its participant — Grand Prince Yuri Vsevolodovich — was remembered by posterity as almost the main fighter against the invaders. The author concludes that such an interpretation likely did not correspond to historical reality. However, at the time, this portrayal was embraced by the compiler of the narrative in the Laurentian Chronicle. Subsequently, this version formed the basis of early historiographical accounts of the events of the Mongol invasion era, undergoing a rationalistic reinterpretation in line with the intellectual trends of its time.

Keywords: Grand Prince Yuri Vsevolodovich of Vladimir, Batu Khan’s invasion, the Battle of the Sit River, historical memory.

For citation: Rudakov V. N. Grand Prince Yuri Vsevolodovich and the battle of the Sit in the historical memory of the second half of the 18th century // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 4 (56). P. 6–14. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2024-456-6-14>

Центральное место в исторической памяти об эпохе Батыева нашествия занимает битва на реке Сити, произошедшая 4 марта 1238 г. В историографии анализ этого сюжета традиционно описывается на трактовку, предложенную составителем Лаврентьевской летописи (далее — Лавр.): «Тое же зимы выѣха Юрьи из Володимеря в малъ дружинъ (здесь и далее в цитатах курсив мой. — В. Р.), урядивъ сыны своя в собе мѣсто Всеволода и Мстислава. И ѣха на Волгу с сыновци своими с Васильком, и со Всеволодом, и с Володимером, и ста на Сити станом, а ждучи к собѣ брата своего Ярослава с полкы и Святослава с дружиною своею...»¹.

Однако некоторые важные особенности поведения великого князя в период нашествия остались за рамками летописного повествования. Прежде всего

¹ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997. С. 461.

это касается причин отъезда Юрия Всеволодовича из хорошо укрепленного Владимира и его появление с малой дружиной на реке Сити, находившейся, по выражению В. А. Кучкина, «на самом краю владений суздальских Рюриковичей»². В науке есть разные точки зрения на этот счет. О том, что Юрий Всеволодович рассчитывал, что, «собрав войско, успеет спасти отечество и столицу», писал еще Н. М. Карамзин³. Такой же точки зрения придерживается и большинство позднейших исследователей⁴, принимающие на веру версию Лавр. Но откуда взялась такая уверенность? Ведь другие ранние летописи иначе описывают события. Согласно Новгородской первой летописи старшего извода (далее — НПЛ), правитель Суздальской земли изначально не собирался драться с врагами: «князь же Юрьи выступи из Володимира и бѣжа на Ярославль», татары «погнашася по Юрьи князи», — и только узнав об этом, тот «начал полкъ ставити около себе». Однако «не успѣвъ ничтоже», он опять «побѣже», в результате чего оказался на реке Сити. Здесь татары и настигли Юрия, «и животь свои сконча ту»⁵. Версия НПЛ полностью подтверждается сообщением Рашид-ад-Дина («мир этой области Ванке Юрку бежал и ушел в лес: его также поймали и убили»⁶). При этом Ипатьевская летопись (далее — Ипат.) сообщает, что Юрий был убит еще до взятия татарами Владимира, т. е. не успев принять участие в отражении нашествия. При этом о событиях на реке Сити в этой летописи вообще не упоминается⁷. Ничего не было известно о сражении на Сити и такому весьма осведомленному современнику событий, как архидиакон Фома Сплитский⁸. Между тем даже Лавр. не позволяет судить о том, что, очутившись на Сити, великий князь готовился оказать сопротивление татарам. Если не брать в расчет молитвы, которые, согласно Лавр., перед боем произносил Юрий Всеволодович, то в сухом остатке картина «битвы», даже в комплиментарном по отношению к князю источнике, оказывается весьма странной. «Внезпну <...> поидоша безбожнии татарове на Сить противу великому князю Гюргю. Слышав же (об этом) князь Юрги с бротом своимъ Святославом, и с сыновци своими Василком, и Всеволодом, и Володимером, и с мужи своими, поидоша противу поганым. И сступишася

² Кучкин В. А. Завоевание Руси Батыем // Российская история. 2020. № 4. С. 14.

³ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IV. М., 1992. С. 8.

⁴ Очерки истории СССР. Период феодализма. XI–XV вв.: в 2 ч. Ч. 1. М., 1953. С. 832.; Черепнин Л. В. Татаро-монголы в Азии и Европе. Монголо-татары на Руси (XIII в.). 2-е изд. М., 1977. С. 195; Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь; М., 1997. С. 59; Карнов А. Ю. Батый. М., 2011. С. 64; Хрусталева Д. Г. Русь от нашествия до «ига». 30–40 гг. XIII в. СПб., 2008. С. 106–108.

⁵ Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 76.

⁶ Там же. С. 75; Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские сочинения. М., 2003. С. 407.

⁷ Записки касательно российской истории: сочинение государыни императрицы Екатерины II. Ч. 5. СПб., 1801. С. 779.

⁸ Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. М., 1997. С. 104.

обои, и бысть стѣча зла, и побѣгоша наши пред иноплеменники. И ту *убьень* бысть князь Юрьи»⁹. При этом князь изображен в Лавр. как человек, готовый к предстоящей искупительной жертве, подобно своим «сродникам» — святым Борису и Глебу (неслучайно автор рассказа вложил в уста Юрия предсмертную молитву, повторявшую предсмертную молитву святого князя Глеба в той же Лавр.)¹⁰. В силу этого нет сколько-нибудь серьезных причин считать, что рассказ, который составлялся в Новгороде (НПЛ), менее достоверен, чем рассказ, который редактировался во Владимире (Лавр.)¹¹. Тем более что отъезд Юрия Всеволодовича из города вполне вписывался в норму поведения значительной части известных нам правителей русских земель того нелегкого времени¹².

Уже в Новое время первым отечественным историографам пришлось немало потрудиться, для того чтобы сформулировать непротиворечивую (разумеется, с позиций их времени) картину событий. При помощи каких приемов они это делали?

Постпетровская Россия нуждалась в новом описании собственного прошлого. Речь шла ни больше ни меньше как о создании героической версии национальной истории. С другой стороны, в этот период на смену провиденциальной концепции истории неумолимо приходила потребность в рациональном объяснении событий прошлого. Все, что раньше беспрепятственно вписывалось в картину религиозного мировосприятия (чудеса, видения, кара или помощь свыше, стремление героев соответствовать в земной жизни поведению праведников и пр.), теперь следовало пропускать через призму прагматического опыта. Прежде всего требовалось «обновление» причинно-следственных связей. Как писал по поводу историографии XVIII в. П. Н. Милюков, «для историка-прагматика сомнения в факте не существует, является только затруднение в подборе психологической мотивировки»¹³. Применительно к истории с князем Юрием Всеволодовичем вопросы о том, почему (под воздействием каких факторов и мотивов) он покинул Владимир в условиях нашествия и оправдано ли было такое решение с практической точки зрения, просто не могли не возникнуть.

«Первый русский историк» В. Н. Татищев представил дело так, что решение об отъезде из Владимира принималось Юрием Всеволодовичем не единолично, а по итогам совета: «Князь Великий... созвал всех на совет и рассуждали, что делать»¹⁴. При этом Юрий вынужден был выбирать между двумя

⁹ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997. С. 465.

¹⁰ Там же. С. 135–136, 464–465.

¹¹ Кучкин В. А. Указ. соч. С. 6–8, 24.

¹² Рудаков В. Н. События на реке Сити в контексте поведения правителей русских земель в годы нашествия Батыя // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2023. № 1. С. 8–13.

¹³ Милюков П. Н. Очерки истории исторической науки. М., 2002. С. 55.

¹⁴ Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. Кн. 3. М., 1774. С. 471.

предложенными ему вариантами поведения. «Многие *разумные* советовали княгиню и все имение и утвари церковныя вывезть в лесные места, а в городе оставить только одних военных для обороны, что татары, уведав, не так ко взятию онаго без имения прилежать будут; а хотя и возьмут, нужнейшее сохранено будет». Однако, согласно В. Н. Татищеву, была и иная точка зрения, которая в итоге и возобладала: «*другие* говорили, что все вывезти вскоре не возможно, токмо тем людей более в робость приведут, и оборонять града прилежно не будут; и для того в городе оставить с княгинею и молодыми князи войска довольно, а князю со всеми полками собравшись стать не далеко от града в крепком месте, дабы татары, ведая войска вблизи, не смели города добывать»¹⁵. В итоге, прислушавшись к «другим», великий князь покинул город, выступил «за Волгу» и оказался на реке Сити. Однако план советчиков Юрия Всеволодовича не сработал: Владимир все равно был взят. Узнав об этом, Юрий решил сражаться с татарами¹⁶. Видимо, В. Н. Татищев весьма скептически оценивал выбор, который сделал Юрий Всеволодович, поскольку назвал тех, кто выступал против сценария, осуществленного Юрием, «разумными»; тех же, кого тот в итоге послушал, просто «другими». Эту трактовку в последующем подхватил и И. М. Стриттер, вслед за В. Н. Татищевым сообщивший о созыве Юрием «военного совета». И. М. Стриттер даже усилил версию предшественника, переименовав оппонентов линии поведения великого князя из «разумных» в «разумнейших»¹⁷.

М. М. Щербатов, работая над своей «Историей», судя по всему, не был знаком с рукописью «Истории» В. Н. Татищева: публикация соответствующих томов их произведений происходила практически одновременно. Тем интереснее то обстоятельство, что независимо от своего предшественника М. М. Щербатов также старался найти рациональное объяснение отъезду Юрия Всеволодовича из Владимира: «великий князь Георгий, видя, что *есть ли сам запрется во граде*, то не может толь поспешить помощью сему граду, за полезнейшее рассудил оставить во Владимире двух своих сыновей Всеволода и Мстислава, придав им в советники лучшего своего воеводу Петра Ослядюковича». По мнению М. М. Щербатова, сыновья великого князя не справились с задачей, «упражняясь в беспрестанной молитве, якобы ожидали себе с выше чрез естественной помощи». При этом, как писал М. М. Щербатов, «подлый народ, видя в знатнейших толикую отчаянность более в робость и ослабление приходил». В итоге «худо предводительствуемые владимирцы» не смогли защитить город. То, почему Юрий так и не смог «поспешить» на помощь «сему граду», как это, согласно М. М. Щербатову, планировалось изначально, историограф не уточнил¹⁸.

¹⁵ Записки касательно российской истории. С. 70–71.

¹⁶ Там же. С. 77–78; Татищев В. Н. Указ. соч. С. 475.

¹⁷ Стриттер И. История Российского государства. Ч. II. СПб., 1801. С. 51.

¹⁸ Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. Т. II. СПб., 1771. С. 567–571.

Трактовка, предложенная М. М. Щербатовым, судя по всему, не пришлась по вкусу императрице. Да и в целом Екатерина II не очень высоко оценивала его «Историю», отдавая предпочтение труду В. Н. Татищева. В одном из писем 1791 г. к Сенак де Мельяну императрица писала: «История князя Щербатова и скучна, и тяжеловата; голова его не была способна к этой работе. История Татищева — совсем другое; это был ум человека государственного, ученого и знающего свое дело»¹⁹. Исторический энтузиазм императрицы, порожденный знакомством с татищевской «Историей», не угасал на протяжении всего ее долгого царствования и отразился в ее «Записках касательно российской истории», которые Екатерина начиная с 1783 г. анонимно печатала в журнале «Собеседник любителей русского слова», а в 1787–1794 гг. — также анонимно — выпустила отдельным изданием²⁰. Трудясь над «Записками», императрица «создавала официальную версию истории России, своего рода канон, согласно которому, как она считала, должны были быть написаны и все новые исторические сочинения»²¹. Екатерина II ставила целью дать более рациональные трактовки тех непонятных, с ее точки зрения, мест летописей, которые, как она полагала, могли бросить тень и на русскую историю в целом, и на деятельность тех или иных русских правителей, «чтобы искусным и подробным изображением древних доблестей русского народа и блестящих судеб его уронить те клеветы, которые возводили на Россию тогдашние иностранные писатели»²².

Занимаясь сюжетом, связанным с событиями на реке Сити, Екатерина, помимо находившихся у нее под рукой «Историй» В. Н. Татищева, М. М. Щербатова и других, судя по всему, имела возможность ознакомиться и с обеими ранними летописными трактовками произошедшего. С рассказом НПЛ — непосредственно, поскольку ее текст был издан в 1781 г.²³ Лавр. к тому времени еще не была известна. Однако сама трактовка событий на реке Сити, повторяющая рассказ Лавр., вероятно, была знакома императрице в передаче более поздних летописных памятников²⁴.

Видимо, Екатерине II хотелось, чтобы в ее «Записках» великий князь Юрий Всеволодович предстал как пусть и неудачливый, но все же отважный

¹⁹ Цит. по: *Стенник Ю. В.* Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX века. СПб., 2004. С. 171.

²⁰ *Горovenko А. В.* Василий Татищев и «древние летописи»: домонгольская Русь глазами первого русского историка. СПб., 2019. С. 175; *Пытин А. Н.* Исторические труды Екатерины II // *Вестник Европы*. 1901. Т. 5. С. 170.

²¹ *Каменский А. Б.* Россия в XVIII столетии: общество и память. Исследования по социальной истории и исторической памяти. СПб., 2017. С. 328–330; *Стенник Ю. В.* Указ. соч. С. 7–11.

²² *Добролюбов Н. А.* «Собеседник любителей русского слова». Издание княгини Дашковой и Екатерины II, 1783–1784 // *Собр. соч.:* в 9 т. Т. 1. М.; Л., 1961. С. 200.

²³ Летописец новгородский, начинающийся от 6525 (1017) года, и кончающийся 6860 (1352) годом. М., 1781.

²⁴ *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. IV. М., 1992. С. 355; *Клосс Б. М.* Предисловие к изданию 2000 г. // *Полное собрание русских летописей*. Т. IX. М., 2000. С. VIII.

правитель²⁵. В дневниковой записи от 27 июля 1791 г. кабинет-секретарь А. В. Храповицкий, помогавший императрице в трудах над «Записками», рассказал о работе Екатерины над этим историческим сюжетом: «показывал я реку Сить, в Ярославской губернии. Она впадает в Мологу, а Молога в Волгу. На Сите убит князь Владимир Юрьевич Рязанский от Татар (речь, конечно, шла о Юрии Всеволодовиче: здесь А. В. Храповицкий допустил ошибку в имени князя, на что обратил внимание еще первый публикатор его «Дневника» Н. П. Барсуков. — В. Р.). *Думали доказать, что он перешел Волгу гораздо ниже, чтобы Татар атаковать; но река Сить показывает, что Владимир* (т. е. Юрий. — В. Р.) бежал к Твери. *Сим открытием не очень довольны для сочиняемой Истории»*²⁶. Очевидно, что попытка подтвердить более комплиментарную по отношению к Юрию версию Лаврентьевской летописи при помощи «рациональных» рассуждений Екатерине не удалась. В итоге описание событий на реке Сити ей пришлось почти в полном виде позаимствовать из «Истории» В. Н. Татищева²⁷, чего изначально делать она, по всей видимости, не хотела, полагая необходимым как минимум уточнить его трактовку за счет собственных наблюдений.

Однако магистральную линию восприятия Ситской битвы и князя Юрия Всеволодовича в историографии сформировал все-таки Н. М. Карамзин, который в примечаниях к «Истории государства Российского» подверг критике версии своих предшественников²⁸. Вместе с тем и он не стал отклоняться от «лаврентьевской» трактовки поведения Юрия Всеволодовича, в отличие от Екатерины II решив попросту не искать каких-либо объяснений отъезду великого князя из столицы: «великий князь содрогнулся: увидел, сколь опасны сии неприятели, и выехал из столицы, поручив ее защиту двум сыновьям, Всеволоду и Мстиславу. Георгий удалился в область Ярославскую с тремя племянниками, детьми Константина, и с малою дружиною; расположился станом на берегах Сити, впадающей в Мологу; начал собирать войско и с нетерпением ждал прибытия своих братьев, особенно бодрого, умного Ярослава»²⁹. Так в секулярной литературе Нового времени образ князя-мученика трансформировался в образ князя-воина, организовавшего решающую битву с завоевателями.

Литература

1. Вернадский Г. В. Монголы и Русь / пер. с англ. Тверь: ЛЕАН, М.: АГРАФ, 1997. 480 с.

²⁵ Рудаков В. Н. Екатерина великая против хана Батгя // Родина. 2022. № 7. С. 102–105.

²⁶ Дневник А. В. Храповицкого. 1782–1793. СПб., 1874. С. 368.

²⁷ Гаврилова Л. М. Идеи «просвещенного абсолютизма» в русской официальной историографии второй половины XVIII в.: сочинения Екатерины II по истории России: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983. С. 134–136.

²⁸ Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. II–III. М., 1991. С. 639, прим. 362.

²⁹ Там же. С. 511–512.

2. Гаврилова Л. М. Идеи «просвещенного абсолютизма» в русской официальной историографии второй половины XVIII в.: сочинения Екатерины II по истории России: дис. ... канд. ист. наук: Л., 1983. 214 с.
3. Горovenko A. V. Василий Татищев и «древние летописи»: домонгольская Русь глазами первого русского историка. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2019. 416 с.
4. Каменский А. Б. Россия в XVIII столетии: общество и память. Исследования по социальной истории и исторической памяти. СПб.: Алетейя, 2017. 336 с.
5. Карпов А. Ю. Батый. М.: Молодая гвардия, 2011. 347 с. (Жизнь замечательных людей: вып. 1315).
6. Клосс Б. М. Предисловие к изданию 2000 г. // Полное собрание русских летописей. Т. IX. М.: Языки русской культуры, 2000. С. V–X.
7. Кучкин В. А. Завоевание Руси Батыем // Российская история. 2020. № 4. С. 3–30. <https://www.doi.org/10.31857/S086956870010767-4>
8. Рудаков В. Н. Екатерина Великая против хана Батыем // Родина. 2022. № 7. С. 102–105.
9. Рудаков В. Н. Память о двух битвах эпохи Батыева нашествия // Исторический вестник. 2023. Т. 45. С. 66–87. <https://www.doi.org/10.35549/HR.2023.2023.46.003>
10. Рудаков В. Н. События на реке Сити в контексте поведения правителей русских земель в годы нашествия Батыем // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2023. Т. 78. № 1. С. 3–26. <https://www.doi.org/10.55959/MSU0130-0083-8-2023-1-3-26>
11. Стенник Ю. В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX века. СПб.: Наука, 2004. 275 с.
12. Хрусталев Д. Г. Русь от нашествия до «ига». 30–40 гг. XIII в. СПб.: Евразия, 2008. 384 с.
13. Черепнин Л. В. Татаро-монголы в Азии и Европе. Монголо-татары на Руси (XIII в.). 2-е изд. М.: Наука, 1977. 503 с.

References

1. Vernadsky G. V. Mongoly i Rus' [The mongols and Russia] / perevod s angliiskogo. Tver': LEAN, M.: AGRAF, 1997. 480 p. (In Russ.).
2. Gavrilova L. M. Idei «prosveshchennogo absoliutizma» v russkoi ofitsial'noi istoriografii vtoroi poloviny XVIII v.: sochineniia Ekateriny II po istorii Rossii [The ideas of “enlightened absolutism” in Russian official historiography of the second half of the 18th century: works of Catherine II on the history of Russia]: dissertatsiia kandidata istoricheskikh nauk. Leningrad, 1983. 214 p. (In Russ.).
3. Gorovenko A. V. Vasilii Tatishchev i «drevnie letopisi»: domongol'skaia Rus' glazami pervogo russkogo istorika [Vasily Tatishchev and “ancient chronicles”: Pre-Mongol Rus through the eyes of the first Russian historian]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2019. 416 p. (In Russ.).
4. Kamensky A. B. Rossiia v XVIII stoletii: obshchestvo i pamiat'. Issledovaniia po sotsial'noi istorii i istoricheskoi pamiati [Russia in the 18th century: society and memory. Studies in social history and historical memory]. St. Petersburg: Aleteia, 2017. 336 p. (In Russ.).
5. Karpov A. Yu. Batyi [Batu]. Moscow: Molodaia gvardii, 2011. 347 p. (Zhizn' zamechatel'nykh liudei: vyp. 1315 [Lives of remarkable people: vol. 1315]). (In Russ.).

6. Kloss B. M. Predislovie k izdaniiu 2000 g. [Preface to the 2000 edition] // Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. IX. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 2000. P. V–X. (In Russ.).
7. Kuchkin V. A. Zavoevanie Rusi Batyem [The conquest of Rus' by Batu] // Rossiiskaia istoriia [Russian History]. 2020. № 4. P. 3–30. <https://www.doi.org/10.31857/S086956870010767-4> (In Russ.).
8. Rudakov V. N. Ekaterina Velikaia protiv khana Batyia [Catherine the Great against Khan Batu] // Rodina [Motherland]. 2022. № 7. P. 102–105. (In Russ.).
9. Rudakov V. N. Pamiat' o dvukh bitvakh epokhi Batyeva nashestviia [The memory of two battles of the Batu's Invasion Era] // The Historical Reporter. 2023. Vol. 45. P. 66–87. <https://www.doi.org/10.35549/HR.2023.2023.46.003> (In Russ.).
10. Rudakov V. N. Sobytiia na reke Siti v kontekste povedeniia pravitelei russkikh zemel' v gody nashestviia Batyia [Events on the River Sit' (1238) in the context of the Russian Rulers' Behavior during the Invasion of Batu Khan] // Lomonosov History Journal. 2023. Vol. 78. № 1. P. 3–26. <https://www.doi.org/10.55959/MSU0130-0083-8-2023-1-3-26> (In Russ.).
11. Stennik Yu. V. Ideia «drevnei» i «novoi» Rossii v literature i obshchestvenno-istoricheskoi mysli XVIII – nachala XIX veka [The idea of “ancient” and “new” Russia in literature and socio-historical thought of the 18th to early 19th century]. St. Petersburg: Nauka, 2004. 275 p. (In Russ.).
12. Khrustalev D. G. Rus' ot nashestviia do «iga». 30–40 gg. XIII v. [Rus' from the invasion to the “yoke”. 30–40s of the 13th century]. St. Petersburg: Evraziia, 2008. 384 p. (In Russ.).
13. Cherepnin L. V. Tataro-mongoly v Azii i Evrope. Mongolo-tatary na Rusi (XIII v.) 2-e izdanie [Tatar-Mongols in Asia and Europe. Mongols in Rus' (13th century), 2nd ed.]. Moscow: Nauka, 1977. 503 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94

DOI: 10.24412/2076-9105-2024-456-15-24

Макаров Никита Александрович

Государственный университета управления

Москва, Россия

mackarov.nik2013@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3685-3545

СОСТОЯНИЕ РУССКОЙ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ В КОНЦЕ 1808–1809 гг. (ПО ДЕПЕШАМ А. Б. КУРАКИНА)

Аннотация. Влияние континентальной блокады на российскую торговлю является малоизученной темой. Однако именно из-за последствий крупнейшего внешне-политического мероприятия Наполеона Бонапарта России пришлось искать решение торговых проблем. Автор на материале опубликованных источников из сборника «Внешняя политика России в XIX – начале XX в.» и хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи депеш российского посла в Париже А. Б. Куракина рассматривает особенности российской торговли в конце 1808–1809 гг. Особое внимание уделено отношениям России с ганзейскими городами и осуществлению торговли с Великобританией в указанный период. Анализируются предложения А. Б. Куракина и представителей ганзейских городов по улучшению условий российской и европейской торговли при соблюдении требований континентальной блокады. Автор приходит к заключению, что в указанный период российская торговля испытывала серьезные трудности из-за проблем у прежних торговых партнеров (ганзейских городов). А. Б. Куракин регулярно отправлял депеши с предложениями по улучшению торговли Александру I и министру коммерции и иностранных дел Н. П. Румянцеву. Однако в указанный период Александр I не желал ставить под угрозу союз с Францией, вызвав недовольство Наполеона Бонапарта предложением по изменению условий континентальной блокады, поэтому оставлял предложения А. Б. Куракина без внимания.

Ключевые слова: континентальная блокада, А. Б. Куракин, ганзейские города, вексельный курс, Великобритания, Н. П. Румянцев.

Для цитирования: Макаров Н. А. Состояние русской внешней торговли в конце 1808–1809 гг. (по депешам А. Б. Куракина) // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 4 (56). С. 15–24. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2024-456-15-24>

Original article

UDC 94

DOI: 10.24412/2076-9105-2024-456-15-24

Makarov Nikita A.

State University of Management

Moscow, Russia

mackarov.nik2013@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3685-3545

**THE STATE OF RUSSIAN FOREIGN TRADE
AT THE END OF 1808–1809
(ACCORDING TO A. B. KURAKIN'S DISPATCHES)**

Abstract. The impact of the Continental System on Russian trade is a little-known topic. However, it was because of the consequences of Napoleon Bonaparte's largest foreign policy event that Russia had to find solutions to trade problems. The original author reviews the peculiarities of Russian trade in late 1808–1809 based on the material of published sources from the sourcebook "Foreign Policy of Russia in the 19th – early 20th century" and the dispatches of the Russian Ambassador to Paris stored in the Foreign Policy Archive of the Russian Empire by A. B. Kurakin. The particular attention is paid to the relations of Russia with the Hanseatic cities and the implementation of trade with the United Kingdom during this period. The article analyses the proposals of A. B. Kurakin and representatives of Hanseatic cities on improvement of conditions of Russian and European trade in compliance with the requirements of the Continental System. The author concludes that during this period the Russian trade experienced serious difficulties due to the lack of its own merchant fleet and problems with former trading partners (the Hanseatic cities). A. B. Kurakin regularly sent dispatches to Alexander I and to the Minister of Commerce and Foreign Affairs N. P. Rumyantsev with the proposals to improve the trade. However, during this period, Alexander I did not want to jeopardize the alliance with France by causing Napoleon Bonaparte's discontent with the proposal to change the conditions of the Continental Blockade, and therefore ignored A. B. Kurakin's proposals.

Keywords: Continental System, A. B. Kurakin, Hanseatic cities, bill rate, Great Britain, N. P. Rumyantsev.

For citation: Makarov N. A. The state of Russian foreign trade at the end of 1808–1809 (according to A. B. Kurakin's dispatches) // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 4 (56). P. 15–24. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2024-456-15-24>

Введение. Континентальная блокада являлась масштабным внешнеполитическим проектом Наполеона Бонапарта. Экономические меры в сочетании с политическими союзами, заключенными французским императором, создали сложности в торговле для всего европейского континента, в том числе и для России, которая тем не менее соблюдала условия континентальной блокады в 1808–1812 гг.

Истории континентальной блокады посвящен целый ряд фундаментальных работ. Среди них следует выделить монографии отечественных исследователей Е. В. Тарле¹ и М. Ф. Злотникова², а также зарубежных историков Э. Хекшера³ и Ф. Крузе⁴ и коллективный труд под редакцией К. Аазельстадт и Й. Йора⁵. Необходимо также упомянуть статью М. С. Андерсона о русско-английских отношениях в период континентальной блокады⁶. Деятельность князя А. Б. Куракина в 1808–1809 гг. освещена в монографии российского исследователя В. Н. Земцова⁷. Автор рассмотрел деятельность «бриллиантового князя» в период 1808–1812 гг., причем основным источником исследования стали документы из австрийских архивов. Однако вышеупомянутая монография не освещает в достаточном объеме деятельность А. Б. Куракина, направленную на улучшение состояния российской торговли в 1808–1809 гг., что и обуславливает актуальность и научную новизну данной работы.

Статья написана на основе фундаментальной публикации дипломатических документов «Внешняя политика России в XIX – начале XX вв.»⁸ и документов из Архива внешней политики Российской империи. Дела № 8999⁹, № 9000¹⁰, № 9022¹¹ содержат письма, ноты и депеши А. Б. Куракина к министру коммерции и иностранных дел Н. П. Румянцеву в 1808–1809 гг.

Ход и результаты исследования. С 1808 г. Россия начала выполнять условия континентальной блокады. Александр I своими указами запретил ввоз английских мануфактурных товаров и вхождение судов, побывавших в английских портах, в российские порты¹².

Князь А. Б. Куракин был назначен послом России во Франции после прошедшего осенью 1808 г. эрфуртского свидания Наполеона Бонапарта и Александра I. В отличие от своего предшественника, графа П. А. Толстого, А. Б. Куракин не получил перед отъездом письменных инструкций лично от императора¹³.

¹ Тарле Е. В. Сочинения: в 12 т. Т. 3. М., 1958.

² Злотников М. Ф. Континентальная блокада и Россия. М., 1966.

³ Heckscher Eli F. The Continental system: an economic interpretation. Oxford, 1922.

⁴ Crouzet F. L'économie britannique et le Blocus continental (1806–1813). Paris, 1958.

⁵ Revisiting Napoleon's Continental System: local, regional and European experiences / ed. by K. Aaslestad, J. Joor. Palgrave Macmillan UK, 2015.

⁶ Anderson M. S. The Continental System and Russo-British Relations during the Napoleonic wars // Studies in International History / ed. by K. Bourne, D. C. Watt. Hamden, 1967. P. 68–102.

⁷ Земцов В. Н. Русский посол в Париже князь А. Б. Куракин: хроника роковых лет. М., 2019.

⁸ Внешняя политика России XIX и начала XX века: документы Российского министерства иностранных дел. Серия 1: 1801–1815 гг. Т. 4: Июль 1807 г. – март 1809 г. М., 1965; Т. 5: Апрель 1809 г. – январь 1811 г. М., 1967 (далее — ВПР).

⁹ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 133. Оп. 468. Д. 8999.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 9000.

¹¹ Там же. Д. 9022.

¹² Злотников М. Ф. Указ. соч. С. 147.

¹³ См., например: Инструкции, данные графу П. А. Толстому // Сборник императорского русского исторического общества (далее — СИРИО). Т. 89. СПб., 1893. С. 95–113.

Инструкции ему привез министр иностранных дел Н. П. Румянцев, посетивший с дипломатической миссией Париж в конце 1808 – начале 1809 г. Инструкции предписывали не отходить от союза с Францией и принципов континентальной системы¹⁴.

Перед А. Б. Куракиным стояла сложная задача защиты российских экономических интересов. Одной из сложнейших проблем для российской торговли в данный период было почти полное отсутствие торгового флота и ухудшение экономического положения ганзейских городов (Любека, Данцига, Гамбурга и других), экономически связанных с Россией еще с периода Средних веков посредством торговли с Великим Новгородом. Советский исследователь континентальной блокады М. Ф. Злотников отмечал, что важным посредником в торговле России и Англии был торговый флот ганзейских городов, а сами города были перевалочным пунктом на Балтийском море для российских товаров на их пути из России в Англию¹⁵. Согласно исследованию известного специалиста по наполеоновской эпохе Е. В. Тарле, многие французские товары (к примеру, лионский шелк) также экспортировались из Франции в Россию через ганзейские города¹⁶. Британский историк М. С. Андерсон указывал, что флаги ганзейских городов часто использовались британскими судами для торговли через Ригу¹⁷. Таким образом, успех российской торговли во многом зависел от хорошего экономического положения ганзейских городов. Шведский экономист Э. Хекшер писал о ганзейских городах как о решающих точках в Европе для успеха или неудачи континентальной системы. Именно Великобритания выступила на первый план как самый важный поставщик колониальных товаров и промышленных продуктов в ганзейские города¹⁸. Следовательно, если целью Наполеона Бонапарта было значительно ухудшить экономическое положение Великобритании, то процветание ганзейских городов не входило в его планы.

Вопрос о торговле России с ганзейскими городами был одним из ключевых. Отлично понимая сложившиеся из-за континентальной блокады трудности (к примеру, в конце 1807 г. в г. Любеке были незаконно конфискованы российские товары¹⁹), А. Б. Куракин с момента своего назначения послом развернул активную деятельность, пытаясь добиться смягчения условий континентальной блокады для ганзейских городов. В декабре 1808 г. к нему обратился представитель г. Любека, отметивший необходимость города нести большие расходы из-за его оккупации французской армией (16,5 млн турецких ливров) при практически полном запустении торговли²⁰. Жители г. Любека также были

¹⁴ Инструкция министра иностранных дел Н. И. Румянцева послу в Париже А. Б. Куракину. Париж, 2 (14) февраля 1809 г. // ВПР. Т. IV. С. 498.

¹⁵ Злотников М. Ф. Указ. соч. С. 29.

¹⁶ Тарле Е. В. Указ. соч. С. 44.

¹⁷ Anderson M. S. Op. cit. P. 71.

¹⁸ Heckscher Eli F. Op. cit. P. 95.

¹⁹ Посол в Париже А. Б. Куракин Александру I 2 (14) декабря 1808 г. // ВПР. Т. IV. С. 423.

²⁰ Там же.

обязаны содержать французскую армию, находившуюся на их территории и нести расходы по содержанию военных госпиталей²¹. В конце обращения была отмечена тесная экономическая связь г. Любека с Россией и написано прошение протянуть руку помощи²². После письма представителя г. Любека к А. Б. Куракину обратился синдик Кален, депутат еще одного ганзейского города — Данцига — с похожей просьбой о помощи (размер выплат французам составлял 30 млн)²³.

Подчеркивая тесную коммерческую связь с Россией, представители ганзейских городов обратились к своему давнему торговому партнеру как союзнику Франции с целью попытаться добиться от Наполеона Бонапарта снижения суммы выплат и мер по ослаблению континентальной блокады для ганзейских городов. И уже в декабре 1809 г. А. Б. Куракин отправил Александру I «Замечания о льготах, которые можно было бы предоставить торговле Севера без ущерба для мер, принятых против английской торговли», где предложил законодательно установить пути провоза товаров из ганзейских городов в Голландию в связи с тем, что французское эмбарго, наложенное в октябре 1807 г. на португальские корабли, было уже неактуально²⁴. Вероятно, данное временное эмбарго было наложено на португальские корабли из-за опасения Наполеона Бонапарта, что на них могут перевозить английские товары или товары из английских колоний. С точки зрения А. Б. Куракина, вопрос с португальскими кораблями был решен и появился шанс приоткрыть двери для торговли с Голландией через порты ганзейских городов. Российский посол также предполагал, что благодаря его предложению последовал бы крупный заказ на российские товары от ганзейских городов, который смог бы стабилизировать вексельный курс России²⁵. Из-за соблюдения Россией условий континентальной блокады вексельный (обменный) курс находился на довольно низком уровне. Векселя российских купцов на международном рынке ценились низко, и данная мера могла исправить это положение. Предложения российского посла не предполагали кардинальных изменений в условиях континентальной блокады, поэтому А. Б. Куракин надеялся на их принятие.

В декабре 1808 г. он писал Н. П. Румянцеву, что торговля ганзейских городов находится в ужасном состоянии из-за деятельности французских таможенников, направленной на то, чтобы парализовать торговлю в Гамбурге и тем самым лишить город средств к существованию²⁶. А. Б. Куракин просил министра коммерции и иностранных дел получить у Александра I покровительство для торговли ганзейских городов²⁷. К письму был приложен документ,

²¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 8999. Л. 10.

²² Там же. Л. 9 об.

²³ Там же. Л. 11.

²⁴ Посол в Париже А. Б. Куракин Александру I 2 (14) декабря 1808 г. // ВПР. Т. IV. С. 422.

²⁵ Примечание 272 // ВПР. Т. IV. С. 664–665.

²⁶ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 9000. Л. 31 об.

²⁷ Там же. Л. 32.

написанный представителями ганзейских городов «Претензии к Его Императорскому и Королевскому Величеству за справедливое применение законов, касающихся торговли союзных держав Французской империи»²⁸.

Чем же были недовольны и чего хотели ганзейские города?

Во-первых, представители ганзейских городов указывали на нарушение первой статьи декрета Наполеона от 2 декабря 1806 г., согласно которой таможенная граница должна была быть создана только на путях из Травемюнде в Гамбург и из Куксхафена вдоль берега Эльбы в Гамбург. Фактически же таможенная граница затрагивала внутренние районы городов. Многочисленные таможенные посты стали мешать внутренней торговле, возникали проблемы доставки продовольствия даже от одной деревни к другой²⁹. Представители ганзейских городов предложили ограничить деятельность таможни проверкой происхождения сельскохозяйственной продукции или фабричных изделий союзных держав и ограничением только мошеннического или подозрительного судоходства³⁰, т. е. проверкой внешней, но никак не внутренней торговли.

Во-вторых, для отправляемых из ганзейских городов товаров было необходимо предъявить сертификаты происхождения, выдававшиеся только французским консулом. В случае отсутствия в городе или порте французского консула или вице-консула свидетельства местных властей о происхождении товаров не принимались во внимание³¹. Представители ганзейских городов предложили приравнять свидетельства местных властей о происхождении товаров к вышеупомянутым сертификатам³².

В-третьих, было предложено пересмотреть вторую статью декрета от 6 августа 1807 г.: не применять ее к континентальной торговле и ограничить число таможенных пунктов³³.

В-четвертых, представители ганзейских городов беспокоились за свое право собственности и настаивали на строгом соблюдении девятой статьи Берлинского декрета от 21 ноября 1806 г.³⁴, содержавшей положение о том, что имущественные вопросы, возникшие во Франции или на оккупированных французскими войсками территориях, решал французский суд³⁵. Купцы ганзейских городов просто желали гарантий защиты своей собственности от конфискации. Можно предположить, что их опасения объяснялись большим числом таможенных постов и чрезмерной активностью французских таможенников.

²⁸ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 9000. Л. 33.

²⁹ Там же. Л. 34.

³⁰ Там же. Л. 33 об.

³¹ Там же. Л. 34.

³² Там же. Л. 35.

³³ Там же. Л. 36.

³⁴ Там же. Л. 36 об.

³⁵ Correspondence de Napoléon I-er / publiée par ordre de l'empereur Napoléon III. Vol. 13. Hachette Livre, 2013. P. 557.

Данный документ показывает нам, что основной причиной упадка торговли ганзейских городов были злоупотребления французских таможенников и неудачное установление французской таможенной границы с огромным числом таможенных постов. В связи с этой ситуацией мнение французской исследовательницы А. Журдан о том, что «ганзейские города... отказались добросовестно следовать наполеоновским правилам»³⁶ выглядит справедливым. Ганзейские города хотели улучшить состояние некогда процветавшей торговли и хотели уменьшить многомиллионные выплаты, предназначавшиеся Франции.

Небольшие послабления в режиме соблюдения континентальной блокады способствовали бы возобновлению нормальной торговли ганзейских городов с Россией и улучшению их экономического положения. Почему же Александр I оставил без внимания предложения А. Б. Куракина? Вероятно, российский император не хотел отходить от союза Франции на данном этапе и поэтому стремился не давать никаких поводов для недовольства Наполеону. Как было упомянуто выше, изначальные инструкции А. Б. Куракину предписывали никоим образом не отходить от соблюдения условий континентальной блокады. Можно также предположить, что данные «небольшие послабления» континентальной блокады впоследствии пробили бы в ней серьезную брешь, позволившую бы практически в открытую использовать ганзейские города для торговли английскими и колониальными товарами. Скорее всего, французский император понимал это и вряд ли бы согласился даже на незначительные изменения, касающиеся его масштабного внешнеполитического проекта.

Из-за злоупотреблений французских таможенников, как пишет в своей работе французский историк Франсуа Крузе, в первые месяцы 1808 г. торговля Великобританией с северным побережьем Германии была довольно ограниченной, но уже с мая 1808 г. торговля начала развиваться благодаря контрабанде³⁷. Спустя несколько месяцев в депеше к Н. П. Румянцеву А. Б. Куракин вернулся к вопросу ганзейских городов, приложив к ней ноту представителя г. Любека, графа Овербека, в которой отмечалась необходимость смягчения таможенных мер на севере Германии. А. Б. Куракин выражал недоумение: рынки Османской империи, Испании и Португалии открыты для Англии, во Франции процветает контрабандная торговля, а торговля между ганзейскими городами и Россией терпит серьезные ограничения³⁸.

Российский посол старался использовать малейший предлог, чтобы улучшить условия российской торговли. К примеру, в связи с тем что Великобритания 26 апреля 1809 г. выпустила ряд постановлений, ограничивавших

³⁶ *Jourdan A.* French representations of the Continental Blockade: three kinds of narratives for and against // *Revisiting Napoleon's Continental System: local, regional and European experiences* / ed. by K. Aaslestad, J. Joor. Basingstoke NY, 2015. P. 43.

³⁷ *Crouzet F.* Op. cit. P. 364.

³⁸ Посол в Париже А. Б. Куракин министру иностранных дел Н. П. Румянцеву 15 (27) февраля 1809 г. // ВПР. Т. IV. С. 509.

английскую блокаду только портами Франции, Голландии, их колоний, Северной Италии, Каталонии и Страны басков³⁹, и суда США получили возможность торговать с Россией, Швецией и некоторыми другими странами, А. Б. Куракин выражал надежду на оживление торговли прибалтийских и ганзейских городов. Но отмечал, что данное решение целиком зависит от Наполеона, так как торговля ганзейских городов была под контролем Франции⁴⁰.

В донесении № 225 А. Б. Куракин сообщал Н. П. Румянцеву, что депутаты ганзейских городов Доорман и Абель вручили ему памятные записки, попросив поддержать их обращение к французскому правительству о снятии эмбарго с судов, принадлежащих ганзейским городам⁴¹. Он отмечал, что данное обращение имеет целью доказать «возможность восстановления торговых сношений между Россией и Францией» и полагал, что «их планы заслуживают внимания» российского императора «как по своей обоснованности, так и из-за выгод, которые можно будет извлечь в случае их осуществления»⁴². Однако Н. П. Румянцев повторил содержавшийся в инструкциях запрет совершать какие-либо демарши, касающиеся континентальной блокады⁴³.

В начале 1809 г. А. Б. Куракин в письме предложил Александру I ряд изменений, среди которых был свободный проход судов через Траве, Эльбу и Везер, изменение статей декретов от 6 августа, 13 и 23 ноября, 17 декабря 1807 г. и 11 января 1808 г., препятствовавших российской торговле, смягчение досмотра французской таможней, упрощение правил выдачи свидетельств о происхождении товаров и т. д.⁴⁴. Эти предложения русского посла вытекали из вышеупомянутых памятных записок представителей ганзейских городов.

А. Б. Куракин неоднократно возвращался к проблемам ганзейских городов. В депеше от 21 марта (2 апреля) 1809 г. он отмечал, что убытки одного Гамбурга с 16 ноября 1806 г. по 30 июня 1808 г. составили 17 млн марок⁴⁵. На предложение А. Б. Куракина разрешить вывоз русских товаров министр иностранных дел Франции Ж.-Б. Шампаньи, герцог Кадорский, обещал поговорить с послом Франции в России А. де Коленкурором⁴⁶.

А. Б. Куракин также собирал и сообщал сведения о Великобритании. Из его письма к русскому священнику, проживавшему по ту сторону Ла-Манша, мы узнаем, что князь отправил коллежского асессора Засса к адмиралу

³⁹ Примечание 34 // ВПР. Т. V. С. 653.

⁴⁰ Посол в Париже А. Б. Куракин министру иностранных дел Н. П. Румянцеву 6 (18 мая) 1809 г. // ВПР. Т. V. С. 45–46.

⁴¹ Примечание 64 // ВПР. Т. V. С. 658.

⁴² Там же.

⁴³ Министр иностранных дел Н. П. Румянцев послу в Париже А. Б. Куракину 4 (16) июня 1809 г. // ВПР. Т. V. С. 76.

⁴⁴ Посол в Париже А. Б. Куракин Александру I 21 февраля (5 марта) 1809 г. // ВПР. Т. IV. С. 519–522.

⁴⁵ Посол в Париже А. Б. Куракин министру иностранных дел Н. П. Румянцеву 21 марта (2 апреля) 1809 г. // ВПР. Т. V. С. 14.

⁴⁶ Там же.

Д. Н. Сенявину в Великобританию, чтобы узнать о положении дел и желании англичан продолжать войну⁴⁷. В ответе А. Б. Куракину также содержались сведения про состояние русско-английской торговли. Священник отметил, что «остановка сей отрасли торговли и будет чувствительна: но она неудобность есть временная и не такая, которой вознаградить нельзя было»⁴⁸. Великобритания, по его словам, стала привозить пеньку, смолу, деготь, рыбий клей и щетину (т. е. товары, составлявшие основу российского экспорта в Великобританию) из Америки, Канады, Индии и Китая или по возможности заменяла их аналогичными товарами⁴⁹. Но вместе с тем торговля Великобритании с Россией была более выгодной, так как «...корабли их в течение одного лета могли сделать два, а иногда и три вояжа; от чего больше обращения капитала, следовательно и барыша больше участвующим в оной»⁵⁰. Великобритания, по словам священника, также надеялась возобновить торговые отношения со своим прежним партнером и на тот момент по возможности старалась не предпринимать действий, которые могли бы нанести вред российским купцам и кораблям⁵¹.

Заключение. В конце 1808–1809 гг. российская торговля с ганзейскими городами испытывала серьезные проблемы. Наполеон наложил на Любек, Данциг и Гамбург огромные контрибуции. Развитию торговли ганзейских городов мешали также жесткие условия Берлинского декрета 21 ноября 1806 г. и Декрета о таможене 2 декабря 1806 г. Многочисленные таможенные посты и суровость французских таможенников затрагивала даже внутреннюю немецкую торговлю. Князь А. Б. Куракин в самом начале пребывания на посту посла России во Франции выдвинул ряд предложений и проектов, призванных улучшить условия российской торговли. Однако министр коммерции Н. П. Румянцев предписал российскому послу не отходить от инструкций по безоговорочному соблюдению соглашений между Россией и Францией. Собирая сведения о европейской торговле, А. Б. Куракин выяснил, что, хотя Великобритания в указанный период и попыталась переориентировать свой импорт на США, Индию и Китай, но ее правительство считало, что торговля с Россией более выгодна и было готово в любой момент вернуться к ней.

Литература

1. Злотников М. Ф. Континентальная блокада и Россия. М.: Наука, 1966. 360 с.
2. Тарле Е. В. Сочинения: в 12 т. Т. 3: [Континентальная блокада. I]: [Исследования по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона I]. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 654 с.

⁴⁷ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 9022. Л. 38.

⁴⁸ The London Gazette № 16281. From Tuesday August 1, to Saturday August 5 1809 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 9022. Л. 53 и Л. 53 об.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. Л. 54.

⁵¹ Там же. Л. 60.

3. Anderson M. S. The Continental System and Russo-British relations during the Napoleonic wars // *Studies in International History* / ed. by K. Bourne, D. C. Watt. Hamden (Connecticut): Archon Books, 1967. P. 68–102.
4. *Correspondence de Napoléon I-er* / publiée par ordre de l'empereur Napoléon III. Vol. 13. Hachette Livre, 2013. P. 555–557.
5. Crouzet F. *L'économie britannique et le Blocus continental (1806–1813)*. Paris: Presses Universitaires de France, 1958. 949 p.
6. Heckscher Eli F. *The Continental system: an economic interpretation*. Oxford: Clarendon Press, 1922. 420 p.
7. *Revisiting Napoleon's Continental System: local, regional and European experiences* / ed. by K. Aaslestad, J. Joor. Palgrave Macmillan UK, 2015. 290 p.

References

1. Zlotnikov M. F. *Kontinental'naya blokada i Rossiia* [The Continental blockade and Russia]. Moscow: Nauka, 1966. 360 p. (In Russ.).
2. Tarle E. V. *Sochineniia: v 12 t. T. 3: [Kontinental'naya blokada. I]: [Issledovaniia po istorii promyshlennosti i vneshnei torgovli Frantsii v epokhu Napoleona I]* [Works in twelve volumes]. Vol. 3. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1958. 623 p. (In Russ.).
3. Anderson M. S. The Continental System and Russo-British relations during the Napoleonic wars // *Studies in International History* / ed. by K. Bourne, D. C. Watt. Hamden (Connecticut): Archon Books, 1967. P. 68–102.
4. *Correspondence de Napoléon I-er* / publiée par ordre de l'empereur Napoléon III. Vol. 13. Hachette Livre, 2013. P. 555–557.
5. Crouzet F. *L'économie britannique et le Blocus continental (1806–1813)*. Paris: Presses Universitaires de France, 1958. 949 p.
6. Heckscher Eli F. *The Continental system: an economic interpretation*. Oxford: Clarendon Press, 1922. 420 p.
7. *Revisiting Napoleon's Continental System: local, regional and European experiences* / ed. by K. Aaslestad, J. Joor. Palgrave Macmillan UK, 2015. 290 p.

Научная статья

УДК 94(470.6)

DOI: 10.24412/2076-9105-2024-456-25-36

Герман Роман Эдуардович

кандидат исторических наук, доцент

Ставропольский филиал

Краснодарского университета МВД России,

Технологический институт сервиса (филиал)

ДГТУ в г. Ставрополе

Ставрополь, Россия

romger@mail.ru; ORCID:0000-0002-3158-3638

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СТЕПНОМ ПРЕДКАВКАЗЬЕ
В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.**

Аннотация. Статья написана на актуальную тему, в ней исследована роль процессов переселения различных групп населения на территорию степного Предкавказья. Цель статьи — исследовать значение процессов переселения славянского и неславянского населения в освоении Россией Кавказского региона, роль различных групп переселенцев в этом процессе. По итогам исследования доказано, что наиболее крупной социальной группой переселенцев были государственные крестьяне, они же сыграли самую значимую роль в экономическом освоении региона; важную роль сыграли также казаки, принимавшие участие и в хозяйственных процессах, и в защите территории от набегов.

Ключевые слова: Предкавказье, Кавказский регион, государственные крестьяне, крепостные крестьяне, казаки, горцы, Кавказская война, переселение, миграция, демографические ресурсы.

Для цитирования: Герман Р. Э. Основные тенденции переселенческой политики Российской империи в степном Предкавказье в конце XVIII – первой четверти XIX в. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 4 (56). С. 25–36. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2024-456-25-36>

Original article

UDK 94(470.6)

DOI: 10.24412/2076-9105-2024-456-25-36

German Roman E.

Stavropol branch of the
Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia,
Technological Institute of Service (branch)
of the DSTU in Stavropol
romger@mail.ru; ORCID:0000-0002-3158-3638

THE MAIN TRENDS OF THE RESETTLEMENT POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE STEPPE PRE-CAUCASUS AT THE END OF THE 18th – FIRST QUARTER OF THE 19th CENTURIES

Abstract. The article is written on an urgent topic, it examines the role of the processes of resettlement of various population groups to the territory of the steppe Pre-Caucasus. The purpose of the article is to explore the significance of the processes of resettlement of the Slavic and non-Slavic population in the development of the Caucasus region by Russia, the role of various groups of immigrants in this process. According to the results of the study, it was proved that the largest social group of migrants were state peasants, they also played the most significant role in the economic development of the region; Cossacks also played an important role, taking part in both economic processes and in protecting the territory from raids.

Keywords: Pre-Caucasus, Caucasian region, state peasants, serfs, Cossacks, highlanders, Caucasian war, resettlement, migration, demographic resources.

For citation: German R. E. The main trends of the resettlement policy of the Russian empire in the steppe pre-Caucasus at the end of the 18th – first quarter of the 19th centuries // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 4 (56). P. 25–36. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2024-456-25-36>

Введение. Научная новизна и актуальность данного исследования заключается в том, что в нем показана роль и специфика участия в процессе переселения различных социальных групп; выявлена взаимосвязь процесса заселения степного Предкавказья с процессом реализации военно-политических интересов Российской империи в Кавказском регионе.

Проблемы, рассматриваемые в статье, исследовались ранее в работах С. А. Чекменева, в частности в монографии «Переселенцы (очерки заселения и освоения Предкавказья русским и украинским казачеством и крестьянством в конце XVIII – первой половине XIX в.)»¹, а также в коллективных трудах

¹ Чекменев С. А. Переселенцы (очерки заселения и освоения Предкавказья русским и украинским казачеством и крестьянством в конце XVIII – первой половине XIX в.). Пятигорск, 1994.

«Дон и степное Предкавказье. XVIII – первая половина XIX века. (Заселение и хозяйство)»² и «Край наш Ставрополье: очерки истории»³. Во всех упомянутых работах процессы переселения рассмотрены в первую очередь с экономических позиций. В нашей же статье процессы переселения анализируются в непосредственной связи с политикой Российской империи на Кавказе. Источниковую базу исследования составили нормативные акты общеимперского и регионального масштаба, а также делопроизводственная документация. Данные источники опубликованы в «Актах кавказской археографической комиссии»⁴, а также хранятся в центральном и региональном архивах — Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) и Государственном архиве Ставропольского края (ГАСК).

Ход и результаты исследования. Одной из важнейших характеристик Северного Кавказа является его выгодное географическое положение. Кроме того, богатые природные ресурсы служили причиной постоянного противостояния ведущих держав за контроль над регионом, его населением и ресурсами. Следует также отметить, что для империй с экстенсивной экономикой, к каковой относилась и Российская империя, пространственное расширение является одним из условий и способов их существования⁵. С конца XVIII в. Кавказский регион становится ареной соперничества России, Османской империи и Персии, которое неоднократно выливалось в открытые военные столкновения в ходе многочисленных русско-турецких и русско-персидских войн⁶.

Переселенческая политика, реализуемая Российской империей в Центральном Предкавказье, имела две взаимосвязанные цели, а именно: во-первых, заселить регион подконтрольным и лояльным населением; во-вторых, освоить регион экономически, что было возможно только с опорой на демографический ресурс — подвластное Российскому государству и его законам население.

После заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора в 1774 г.⁷ и установления российского протектората над территорией Грузии политический курс Российской империи на Кавказе претерпел значительные изменения. Произошла трансформация стратегических задач и расширение спектра способов их реализации. Кавказский регион должен был интегрироваться в состав Российской империи не только *de jure*, но и *de facto*, став ее неотъемлемой

² Дон и степное Предкавказье. XVIII – первая половина XIX века. (Заселение и хозяйство) / отв. ред. А. П. Пронштейн. Ростов на/Дону, 1977.

³ Край наш Ставрополье: очерки истории / науч. ред. Д. В. Кочура, В. П. Невская. Ставрополь, 1999.

⁴ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. IV. Тифлис, 1870 (далее — АКАК).

⁵ Теории и истории империй: академический словарь / Л. В. Аржакова и др.; под ред. В. Н. Барышникова и др. СПб., 2012. С. 417.

⁶ Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001. С. 158.

⁷ Кючук-Кайнарджийский мирный договор // Под стягом России / сост., примеч. А. А. Сазонова, Г. Н. Герасимовой, О. А. Глушковой, С. Н. Кистерова. М., 1992. С. 162.

частью как в правовом, так и в цивилизационном отношении. Существенное влияние на этот процесс оказало также восстание под предводительством Емельяна Пугачева, которое побудило правительство Российской империи к более активному поиску возможных решений вопроса аграрной перенаселенности центральных районов страны.

Первые волны заселения Кавказского региона славянским населением были стихийными: в конце XVIII в. наблюдался рост количества случаев бегства крепостных крестьян из центральных губерний Российской империи на Кавказ. Одной из причин этого явления можно считать ужесточение крепостнического гнета. Царское правительство, заинтересованное в увеличении численности населения региона, решило легализовать данный процесс. Владельцам, чьи крепостные совершали побег на Кавказ, стали выдаваться специальные рекрутские квитанции в качестве своеобразной компенсации за утрату рабочих рук. Такая политика властей фактически означала молчаливое поощрение ухода крестьян от своих хозяев и их переселения на кавказские земли. Легализация побегов позволяла решать задачу освоения и заселения этого стратегически важного для империи региона благодаря притоку новых жителей из центра страны.

Естественно, что за счет одних только беглых проблема колонизации северокавказской окраины Российской империи не могла быть решена. Но заселению Кавказа препятствовала нестабильная военно-политическая обстановка, набеги немирных горцев. По этой причине переселенческая политика распространялась не только на крестьян, но и на казаков, которые, помимо хозяйственной деятельности, несли караульно-кордонную службу и участвовали в военных походах.

В 70-е гг. XVIII в. на территории, прилегающей к левобережью реки Терек, неподалеку от Моздока, поселились свыше пятисот казачьих семей, прибывших с Волги. Переселенцы основали ряд станиц, получивших названия Галюгаевская, Наурская, Ищорская, Мекенская и Калиновская. Эти новые поселения значительно укрепили российское присутствие в данном регионе и способствовали дальнейшему освоению этих земель. Волжские казаки, которым было предписано переселение в окрестности Моздока, проделали долгий путь и сумели обустроиться на новом месте, создав несколько станиц. Выбор левого берега Терека был продиктован стратегическими соображениями и желанием укрепить позиции Российской империи на Кавказе. Станицы Галюгаевская, Наурская, Ищорская, Мекенская и Калиновская стали опорными пунктами для дальнейшей колонизации края⁸.

Еще одной группой переселенцев были горцы, проявившие лояльность по отношению к российской власти и переселявшиеся из районов за Терек и Кубанью. Основной причиной разрешения переселения для этой категории новых подданных Российской империи были скорее политические мотивы, чем экономические соображения. На территории, находившейся под контролем

⁸ Бурда Э. В. Очерки о терском казачестве. Нальчик, 2003. С. 57.

российских властей, переселение осуществляли представители таких народностей, как кабардинцы, осетины и черкесы. Переселение горцев в степные районы Предкавказья было обусловлено рядом причин. Во-первых, данные территории отличались более подходящими условиями для развития сельского хозяйства, в частности земледелия и животноводства, нежели предгорные области. Во-вторых, горцы, принявшие подданство Российской империи, надеялись таким образом избежать постоянных феодальных распрей и конфликтов, характерных для их родных мест.

Однако переселение в степи налагало на новых подданных России определенные обязательства. Наряду с казачеством они должны были нести службу на пограничных кордонах, а также выполнять почтовую, гужевую и постоянную повинности. Для организации службы горцев-переселенцев в 1770 г. была создана специальная горская команда, обладавшая статусом, схожим с казачьей сотней. Спустя четыре десятилетия, в 1810 г. главнокомандующий русскими войсками в Грузии и на Кавказской линии генерал-лейтенант А. П. Тормасов⁹ выступил за включение осетин, переселившихся в предкавказские степи, в состав уже существовавшей к тому времени Моздокской горской команды¹⁰. Данная инициатива получила поддержку российского военного командования. Таким образом, миграция горского населения в равнинные области Предкавказья была вызвана сочетанием природно-географических и социально-политических факторов. Она привела к включению переселенцев в систему охраны южных рубежей Российской империи и способствовала интеграции горцев в административно-политическую структуру государства.

Однако основной задачей, стоявшей перед российским правительством в конце XVIII в., было заселение Предкавказья крестьянами, ибо только они могли создать экономическую базу для российских войск, выполнявших задачи на Кавказе. Кроме того, при помощи переселения представлялось возможным ослабить остроту проблемы крестьянского малоземелья в центральных губерниях.

Первоначально правительство пошло по привычному пути крепостнической колонизации, начав раздачу земли в степном Предкавказье помещикам. Для того чтобы усилить процесс освоения новых территорий, увеличить его охват и повысить скорость, императрица Екатерина Великая в 1782 г. издала специальный указ, предусматривавший возможность передачи земельных участков, расположенных на Кавказе, в собственность представителям дворянского сословия. Таким образом, этот указ открывал новые перспективы для распространения российского влияния в этом регионе путем вовлечения аристократии в активную колонизаторскую деятельность на вновь приобретенных землях Кавказа¹¹. Основным условием раздачи земель было заселение

⁹ Тормозова И. Л. Полководец А. П. Тормасов. М., 2015. С. 164.

¹⁰ АКАК. Т. IV. С. 460–461.

¹¹ Законодательство Екатерины II: в 2 т. / отв. ред. О. И. Чистяков, Т. Е. Новицкая. Т. 2. М., 2001. С. 124.

их крестьянами в течение шести лет. Кавказские земли раздавались сотнями тысяч десятин. По прошествии установленного срока имперская администрация убедилась, что идея раздачи земель на Кавказе помещикам и заселения территории нового региона крепостными крестьянами оказалась неудачной. Помещики не спешили отправлять крепостных на территории, которые пока слабо контролировались российской властью; к тому же переселение требовало вложения значительных средств.

Таким образом, с 80-х гг. XVIII в. и на много десятилетий вперед основным демографическим ресурсом для заселения Кавказского региона становятся государственные крестьяне. Правительствующий Сенат в 1782–1784 гг. издает указы, определяющие территории Предкавказья и порядок их заселения государственными крестьянами¹². Прежде всего заселялись территории, находившиеся в непосредственной близости от укреплений Кавказской оборонительной линии — системы крепостей, призванной защитить мирных поселян от набегов немирных горцев. Кордонная линия проходила от Каспийского до Черного моря по берегам Терека и Кубани.

Темпы реализации переселенческой политики, основным ресурсом которой стали государственные крестьяне, были динамичными. В 1784 г. уже насчитывалось четырнадцать поселений казенных крестьян. Именно этой категории податного населения предстояло в перспективе обеспечивать продовольствием российские войска на Кавказе, нести государственные повинности, в частности обеспечивать содержание российских войск на Кавказе. С 1783 г. граница Российского государства стала проходить по реке Кубань и процесс присоединения Предкавказья к России был завершен. Теперь эту территорию предстояло заселить и силами крестьян-переселенцев освоить экономически.

К моменту создания Кавказского наместничества в 1785 г. число государственных крестьян на его территории было относительно небольшим. Наместничество включало в себя пять городских поселений (Кизляр, Моздок, Екатериноград, Георгиевск и Ставрополь), а также двадцать сельских населенных пунктов. Согласно данным гражданского ведомства, общая численность мужского населения составляла 22 518 человек, из которых 5742 проживали в городах, а 16 416 — в селах¹³.

Важно подчеркнуть, что начиная с 1785 г. для колонизации степных районов Предкавказья стали привлекать отставных военнослужащих. С началом функционирования Кавказского наместничества процесс переселения государственных крестьян и основания новых сел значительно активизировался и приобрел более масштабный характер. Так, в 1784 г. было основано восемь населенных пунктов, в 1785-м — семь, в 1786-м — шестнадцать, в 1787-м — четыре, а в 1788-м — одно поселение. В общей сложности за период с 1784

¹² Чекменев С. А. Указ. соч. С. 63.

¹³ ГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 91. Л. 10.

по 1788 г. было учреждено и заселено тридцать шесть государственных сел¹⁴. Наиболее старыми и крупными по местным меркам являлись села Ставропольского уезда, население которых составляли переселенцы из Курской губернии.

Тенденция развития региона, направленная на заселение его государственными крестьянами, которые должны были материально обеспечивать реализацию государственной политики на Кавказе, была реализована и в последующие годы. Численность населения Предкавказья неуклонно росла: к 1791 г. насчитывалось 41 селение государственных крестьян¹⁵. Наиболее интенсивно заселялись территории, прилегавшие к основной дороге — Черкасскому тракту, — что было обусловлено необходимостью материального обеспечения маршевых подразделений российских войск, направлявшихся на Кавказ.

Чтобы упорядочить процесс переселения крестьян на Кавказ, в 1806 г. в Ставрополе учреждается Контора по переселению, в сферу ведения которой попадают все организационные вопросы, связанные с переездом; для регламентации и нормативного регулирования миграционных процессов издаются «Предначертания о порядке поселения переселенцев в Кавказской губернии»¹⁶. Процесс переселения крестьян из внутренних губерний на территорию Предкавказья становится не только более интенсивным, но и более организованным и регламентированным. В переселенческой политике Российской империи действовали две противоположные тенденции. С одной стороны, правительство было максимально заинтересовано в том, чтобы заселить Предкавказье крестьянами с целью демографического и экономического освоения территории новой окраины, решая за счет этого первоочередную задачу снабжения российской армии на Кавказе продовольствием, производимым в регионах, граничащих с зонами активных боевых действий. С другой стороны, масштабная поддержка миграционных потоков таила в себе риск стихийного переселения крепостных и государственных крестьян из центральных губерний Российской империи, что могло привести к существенным экономическим и социальным последствиям для этого региона.

Таким образом, правительство столкнулось с необходимостью балансировать между двумя противоречащими друг другу задачами: обеспечением продовольственной безопасности армии на Кавказском театре военных действий и предотвращением массового оттока крестьянского населения из ключевых аграрных областей страны. Ввиду необходимости решения обеих задач процесс переселения был максимально регламентирован. Не забывало правительство и о военно-казачьей колонизации территорий, подвергавшихся наибольшей военной опасности. Тем не менее государственные крестьяне центральных губерний составляли основную группу населения, которому предстояло экономическое освоение региона в целях превращения его в часть Российской

¹⁴ ГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 102. Л. 4.

¹⁵ РГВИА. Ф. 232. Оп. 1. Д. 232. Л. 45.

¹⁶ Там же. Д. 249. Л. 10–20.

империи. Переселение шло постепенно, на основании правил, но постоянно: основывались новые села, распахивались новые площади¹⁷.

Для организации переселения государственных крестьян на гражданского губернатора Кавказской губернии была возложена ответственность за обустройство переселенцев на новом месте. В его обязанности входило выделение земельных участков для вновь прибывших, а также контроль их численности и выяснение факторов, приводящих к убыли населения. Кроме того, губернатор должен был оказывать содействие переселенцам в начальный период их пребывания на территории губернии. Это включало в себя помощь в возведении жилых построек, обеспечение строительными материалами, а также предоставление при необходимости ссуды на обустройство быта как в денежной, так и в натуральной форме — обеспечение скотом и хозяйственным инвентарем, семенами. Гражданскому губернатору предоставлялась полная свобода действий в вопросах устройства переселенцев на новых местах. Новые жители Кавказской губернии на пять лет освобождались от платежа податей и исполнения всех повинностей, кроме рекрутской¹⁸.

Реализуя стратегическую цель распространения российской власти на всю территорию Кавказского региона, правительство империи привлекало и различные этнические группы для заселения степного Предкавказья. Так, на его территорию переселялись представители горских народов, принявшие российское подданство. В первые годы XIX в. было решено на берегах реки Кумы под надзором военных поселить кабардинцев. Этот надзор длился пять лет, в течение льготного периода, освобождавшего переселенцев от выплаты податей, затем они должны были перейти в распоряжение гражданского ведомства на правах государственных крестьян. Дигорцев же (коренное население Северной Осетии) предполагалось поселить на приграничных землях, причислив их к казакам, и привлечь к несению караульно-кордонной службы. Обеим категориям переселенцев выдавалось пособие от казны для обустройства на новом месте жительства¹⁹. Позднее, в 1811 г. абазинские аристократы Лоовы со своими подданными переселялись в район Ессентуков, на берега реки Подкумок под защиту Константиногорской крепости для занятий хлебопашеством²⁰.

Переселение местных жителей под защиту крепостей и воинских гарнизонов не было редкостью. Необходимость поиска безопасных и спокойных мест для проживания побуждала представителей горских народностей к переселению на новые земли. В то же время правительство России имело свой интерес в ускорении процесса заселения предкавказских территорий и в новых областях, вошедших в состав империи, рассчитывало на развитие сельскохозяйственного производства, ориентированного на рынок.

¹⁷ ГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 97. Л. 5–5 об.

¹⁸ РГВИА. Ф. 232. Оп. 1. Д. 246. Л. 63 об. – 65.

¹⁹ АКАК. Т. IV. С. 859–860.

²⁰ Там же. С. 837.

Таким образом, миграционные процессы были обусловлены сочетанием факторов, отвечавших запросам как переселенцев из горных районов, искавших защиты и стабильности, так и центральных властей, стремившихся к скорейшему хозяйственному освоению присоединенных пространств Предкавказья и включению их в систему товарного аграрного производства Российского государства²¹. Противоречие между избытком свободной пахотной земли и недостатком тех, кто будет ее обрабатывать, усилиями российской администрации, военной и гражданской, постепенно сходило на нет.

Целый комплекс факторов подчас затруднял процесс переселения. Во втором десятилетии XIX в. это были Отечественная война 1812 г. и последовавшие за ней заграничные походы русской армии, а также неурожайные годы. Процесс переселения замедлялся, но не останавливался совсем. Государственным крестьянам из губерний Центральной России, которые уже распродали свое имущество, было разрешено переселяться на новые места в Кавказской губернии²².

Западные и центральные районы Предкавказья осваивались более интенсивно в силу своего географического положения — удаленности от границ с немирными горцами — и вытекающей отсюда большей безопасности. Усилиями в первую очередь государственных крестьян, переселявшихся из центральных губерний, экономика Кавказского региона встраивалась в общероссийский экономический оборот; местные народы и переселенцы перенимали способы ведения хозяйства друг у друга, что в итоге способствовало экономическому росту и повышению товарности сельского хозяйства²³.

В связи с обострением ситуации в регионе Кавказа, обусловленным факторами военного и политического характера, миграция населения в Кавказскую губернию была строго ограничена законодательными актами того времени. Тем не менее, как и в предшествующий период, существовали определенные исключения из общего правила, распространявшиеся на представителей крестьянского сословия, которые к моменту введения запрета уже успели реализовать принадлежавшее им движимое и недвижимое имущество на месте прежнего проживания и переселялись на Кавказ небольшими партиями.

Помимо переселения государственных крестьян было продолжено переселение и местных жителей. Так, перемещение кабардинского населения на земли, находившиеся под контролем Российской империи, служило определенной гарантией того, что они более не станут принимать участия в разбойничьих нападениях на русские селения и военные укрепления. Главноуправляющий в Кавказской губернии, известный русский военачальник и государственный деятель А. П. Ермолов²⁴, считал целесообразным задействовать переселенных

²¹ АКАК. Т. IV. С. 905–906.

²² Чекменев С. А. Указ. соч. С. 121.

²³ Дон и степное Предкавказье. XVIII – первая половина XIX века. С. 60–61.

²⁴ Гордин Я. А. Ермолов. М., 2012. С. 402.

горцев в охране границы наравне с казачьими формированиями, привлекая их к караульной и кордонной службе. Таким образом, власти рассчитывали обезопасить регион от новых набегов и укрепить систему охраны рубежей во многом силами самих горцев²⁵. Горцы, которых привлекали к несению службы, по прошествии определенного времени включались в состав казачьего сословия.

Казачество также играло важную роль в освоении региона, выполняя не только хозяйственные функции, но и неся службу по защите поселений от набегов. По инициативе А. П. Ермолова в марте 1817 г. решением императора Александра I было проведено отмежевание земель казакам. В Ставропольском, Александровском и Георгиевском уездах Кавказской губернии, богатых черноземом, рядовым казакам выделялось по тридцать десятин земли, старшинам — по шестьдесят, штаб-офицерам — по триста. Казакам Моздокского, Гребенского и Терского Семейного полков наделы были увеличены из-за плохого качества земли: рядовым казакам выделялось по пятьдесят десятин, старшинам — по сто, штаб-офицерам — по четыреста. Земельные угодья для разведения лесов и постройки церквей выделялись дополнительно²⁶.

В условиях расширения масштабов Кавказской войны правительство нуждалось в увеличении численности военно-служилого сословия — казаков. Быстрое переселение значительного числа казаков на Кавказ в тот период было трудноосуществимо. В связи с этим власти нашли альтернативный способ обеспечить безопасность поселений от набегов горцев. Так, в 1824 г. восемь селений государственных крестьян были преобразованы в казачьи станицы, а сами жители этих сел получили казачий статус. Во второй половине 1820-х гг. российским императором был издан ряд указов, согласно которым в казачьи полки, дислоцированные вдоль Кавказской линии обороны, могли вступать представители различных сословий, включая малороссийских казаков, однодворцев, государственных крестьян как из российских, так и из украинских губерний. Эта политика, направленная на увеличение численности казачьих формирований за счет других категорий подданных Российской империи, продолжалась и в последующий период²⁷.

Тогда же, в 1824 г., был окончательно снят запрет на переселение в Кавказскую область (в 1822 г. Кавказская губерния была преобразована в Кавказскую область²⁸) государственных крестьян. С 1825 г. количество переселенцев в Кавказскую область вновь начало возрастать. В течение нескольких последующих лет одиннадцать казачьих станиц были переселены ближе к границам с горскими народами, что было вызвано причинами военно-политического характера, прежде всего Кавказской войной.

²⁵ АКАК. Т. VI. Часть вторая. Тифлис, 1875. С. 446.

²⁶ РГВИА. Ф. 232. Оп. 1. Д. 246. Л. 41–44 об.

²⁷ Край наш Ставрополье: очерки истории. С. 84.

²⁸ Документальная история образования многонационального государства Российского. Книга первая. Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX вв. М., 1998. С. 508.

Заключение. В условиях соперничества за влияние в Кавказском регионе Российская империя активно использует демографический ресурс, имевшийся у нее в избытке. Довольно быстро убедившись в бесперспективности освоения Предкавказья при помощи частновладельческих крестьян, правительство активно заселяет регион государственными (казенными) крестьянами, попутно решая проблему аграрного перенаселения в центральных губерниях. В целях решения задач обороны региона и расширения пределов влияния российской власти на территорию Предкавказья переселяются также казаки и мирные горцы. Именно государственные крестьяне и казаки позволили экономически освоить территорию степного Предкавказья и создать материальную базу для включения всего Кавказа в цивилизационное, политическое, экономическое и правовое пространство Российской империи.

Литература

1. Бурда Э. В. Очерки о терском казачестве. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2003. 219 с.
2. Гордин Я. А. Ермолов. М.: Молодая гвардия, 2012. 608 с. (Жизнь замечательных людей, вып. 1373).
3. Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: Русская панорама, 2001. 448 с.
4. Дон и степное Предкавказье. XVIII – первая половина XIX века. (Заселение и хозяйство) / отв. ред. А. П. Пронштейн. Ростов на/Дону: Изд-во Ростовского университета, 1977. 240 с.
5. Край наш Ставрополье: очерки истории / науч. ред. Д. В. Кочура, В. П. Невская. Ставрополь: Шат-гора, 1999. 528 с.
6. Кючук-Кайнарджийский мирный договор // Под стягом России / сост., примеч. А. А. Сазонова, Г. Н. Герасимовой, О. А. Глушковой, С. Н. Кистерева. М.: Русская книга, 1992. С. 151–169.
7. Теории и истории империй: академический словарь / Л. В. Аржакова и др.; под ред. В. Н. Барышникова и др. СПб.: СПбГУ, 2012. 728 с.
8. Тормозова И. Л. Полководец А. П. Тормасов. М.: У Никитских ворот, 2015. 351 с.
9. Чекменев С. А. Переселенцы (очерки заселения и освоения Предкавказья русским и украинским казачеством и крестьянством в конце XVIII – первой половине XIX в.). Пятигорск: Кинт, 1994. 351 с.

References

1. Burda E. V. Ocherki o terskom kazachestve [Essays on the Terek cossacks]. Nal'chik: Poligrafservis i T, 2003. 219 p. (In Russ.).
2. Gordin Ya. A. Ermolov [A. Ermolov]. Moscow: Molodaia gvardiia, 2012. 608 p. (Zhizn' zamechatel'nykh liudei, vyp. 1373). (In Russ.).
3. Degoev V. V. Bol'shaia igra na Kavkaze: istoriia i sovremennost' [The Big Game in the Caucasus: history and modernity]. Moscow: Russkaia panorama, 2001. 448 p. (In Russ.).
4. Don i stepnoe Predkavkaz'e. XVIII – pervaiia polovina XIX veka. (Zaselenie i khoziaistvo) [The Don and the steppe of the Caucasus. XVIII – the first half of the XIX century.

(Settlement and farming)] / otvetstvennyi redaktor A. P. Pronshtein. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 1977. 240 p. (In Russ.).

5. Krai nash Stavropol'e: ocherki istorii [Our Stavropol Region: essays on history] / nauchnye redaktory D. V. Kochura, V. P. Nevskaiia. Stavropol': Shat-gora, 1999. 528 p. (In Russ.).

6. Kiuchuk-Kainardzhiiskii mirnyi dogovor [Kucuk-Kaynardzhi peace treaty] // Pod stiagom Rossii / sostavlenie, primechaniia A. A. Sazonova, G. N. Gerasimovoi, O. A. Glushkovoii, S. N. Kistereva. Moscow: Russkaia kniga, 1992. P. 151–169. (In Russ.).

7. Teorii i istorii imperii: akademicheskii slovar' [Theory and history of empires: academic dictionary] / L. V. Arzhakova i dr.; pod redaktsiei V. N. Baryshnikova i dr. St. Petersburg: SPbGU, 2012. 728 p. (In Russ.).

8. Tormozova I. L. Polkovodets A. P. Tormasov [Commander A. P. Tormasov]. Moscow: U Nikitskikh vorot, 2015. 351 p. (In Russ.).

9. Chekmenev S. A. Pereselentsy (ocherki zaseleniia i osvoeniia Predkavkaz'ia russkim i ukrainskim kazachestvom i krest'ianstvom v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v.) [The settlers (essays on the settlement and development of the Pre-Caucasus by Russian and Ukrainian cossacks and peasantry at the end of the XVIII – first half of the XIX century)]. Piatigorsk: Kint, 1994. 351 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 930.85

DOI: 10.24412/2076-9105-2024-456-37-58

Огородникова Ольга Александровна

кандидат исторических наук, доцент

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

ogorodnikovaoa@mgpu.ru; ORCID: 0000-0002-0604-670X

**ТРАГЕДИЯ Ф. ШИЛЛЕРА «КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ»
В ТЕАТРАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
РОССИЙСКИХ СТОЛИЦ (XIX в.)**

Аннотация. Драматические произведения Иоганна Кристофа Фридриха фон Шиллера, занимавшие ведущее место в европейском классическом репертуаре императорской сцены, на протяжении всего XIX в. пользовались в России неослабевающим вниманием публики. В течение рассматриваемого периода и в начале следующего столетия были поставлены семь пьес немецкого драматурга, причем не в переделках, которых было немало, а на основе относительно полного перевода авторского текста. Судьбе одной из них — мещанской трагедии «Коварство и любовь», — ставшей отправной точкой в освоении отечественным театром шиллеровской драматургии, посвящена настоящая статья.

Рассмотрена сценическая история пьесы, представленной многочисленными московскими и петербургскими версиями, Малого и Александринского театров в том числе. Проанализирована критическая рецепция постановок, включая актерские интерпретации шиллеровских героев, в культурном пространстве российских столиц.

Прослежена цензурная история трагедии, в течение XIX в. не покидавшей императорскую сцену надолго, однако не занимавшей и стабильного положения в репертуаре вследствие многочисленных ограничительных мер, затронувших «свободолюбивого бунтаря» более всех других немецких авторов. Выявлено противодействие цензурным репрессиям представителей театрального мира России, благодаря которому в условиях смягчения политической реакции трагедия «Коварство и любовь» неизменно возвращалась к своему зрителю.

Для реконструкции находящихся в забвении спектаклей и их сценической истории были привлечены неопубликованные официальные документы и материалы периодической печати, ранее не включавшиеся в научный оборот.

Ключевые слова: Фридрих фон Шиллер, трагедия «Коварство и любовь», немецкая драматургия, русская императорская сцена, драматическая цензура, Малый театр, Александринский театр, репертуар, постановка.

Для цитирования: Огородникова О. А. Трагедия Ф. Шиллера «Коварство и любовь» в театральном пространстве российских столиц (XIX в.) // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 4 (56). С. 37–58. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2024-456-37-58>

Original article

UDC 930.85

DOI: 10.24412/2076-9105-2024-456-37-58

Ogorodnikova Olga A.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Moscow City University

Moscow, Russia

ogorodnikovaoa@mgpu.ru; ORCID: 0000-0002-0604-670X

**F. SCHILLER'S TRAGEDY «LOVE AND INTRIGUE»
IN THE THEATRICAL SPACE OF RUSSIAN
CAPITALS (19th CENTURY)**

Abstract. The dramatic works of Johann Christoph Friedrich von Schiller, which occupied a leading place in the European classical repertoire of the imperial stage, enjoyed unflagging public attention in Russia throughout the 19th century. During the period under review, seven plays by the German playwright were staged, not in alterations, of which there were many, but on the basis of a relatively complete translation of the author's text. This article is devoted to the fate of one of them — the “philistine tragedy” “Love and intrigue”, which became the starting point in the development of Schiller's dramaturgy by the domestic theater.

The stage history of the play, presented over the course of a century in numerous Moscow and St. Petersburg versions, including the Maly and Alexandrinsky theaters, is considered. The critical reception of productions, including actors' interpretations of Schiller's characters, in the cultural space of Russian capitals is analyzed.

The censorship history of the tragedy is traced during the 19th century. who did not leave the imperial stage for a long time, but did not occupy a stable position in the repertoire, mainly due to numerous restrictive measures that affected the “freedom-loving rebel” more than all other German playwrights. The opposition to censorship repressions of representatives of the Russian theater world has been revealed, thanks to which, in conditions of softening political reaction, the tragedy “Love and intrigue” invariably returned to its audience.

To reconstruct forgotten performances and the historical context of the productions, unpublished official documents and periodical materials that were not previously included in scientific circulation were used.

Keywords: Friedrich von Schiller, tragedy “Love and intrigue”, German drama, Russian imperial stage, dramatic censorship, Maly Theater, Alexandrinsky Theater, repertoire, production.

For citation: Ogorodnikova O. A. F. Schiller's tragedy “Love and intrigue” in the theatrical space of Russian capitals (19th century) // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 4 (56). P. 37–58. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2024-456-37-58>

Введение. История трагедии «Коварство и любовь», как, впрочем, и остальных произведений великого поэта, воплощенных на отечественной сцене, значительно уступает научной разработанности многих других явлений русской шиллерианы, в первую очередь основательно

проанализированных филологами и литературоведами вопросов переводческих интерпретаций и художественных реминисценций в национальной поэзии и прозе¹.

Среди массива отечественной научной литературы, посвященной немецкому классику, по большей части театроведческой, можно выделить незначительный по объему пласт исследований, рассматривающих отдельные эпизоды бытования пьесы «Коварство и любовь» на русской сцене, как в контексте истории освоения шиллеровского репертуара, так и в границах творчества занятых в нем артистов². Говоря о современных публикациях, отметим, например, статью С. А. Филипповой, наметившую основные вехи утверждения пьес драматурга в Александринском театре XIX в.³; работу Д. А. Карташовой, представившую галерею шиллеровских персонажей в трактовке «первого трагика петербургской сцены» В. А. Каратыгина⁴. Особого внимания заслуживает фундаментальное исследование крупнейшего отечественного специалиста в области немецкой классической литературы Р. Ю. Данилевского, всесторонне осветившего многогранную историю творческого наследия Шиллера в России, в том числе и театрального⁵.

Несмотря на успехи в разработке отдельных аспектов темы, «русская биография» пьесы не являлась до настоящего времени предметом специального исследования. Научная актуальность, а также недостаточная освещенность в исторической литературе рассматриваемой темы предопределили *цель исследования* — выявить и проанализировать историю трагедии Шиллера «Коварство и любовь» в театральном пространстве российских столиц в хронологических границах XIX столетия.

¹ См., например: *Ковалев П. А., Струкова Т. В.* «Две загадки» Фридриха Шиллера в переводе В. А. Жуковского // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 188–196; *Мальцев Л. А.* Драма «Дон Карлос» Ф. Шиллера в переводе А. Мицкевича и в контексте легенды о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2018. № 1. С. 79–83; *Касаткина Т. А.* Шиллер у Достоевского: Элевсинские мистерии в «Братьях Карамазовых» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 4 (8). С. 68–89.

² *Смолян А. О.* Первые переводы и постановки Шиллера в России // Фридрих Шиллер. Статьи и материалы / под общ. ред. Р. М. Самарина и С. В. Тураева. М., 1966. С. 13–41; *Штейн А. Л.* Шиллер и Малый театр // Там же. С. 157–199; *Данилевский Р. Ю.* Русский образ Фридриха Шиллера. К двухсотлетию со дня смерти поэта // Русская литература. 2005. № 4. С. 3–20.

³ *Филиппова С. А.* Шиллер на Александрийской сцене XIX века // Театральное наследие и современность: материалы научно-практической конференции, посвященной 255-летию Российского государственного академического театра драмы имени А. С. Пушкина и Санкт-Петербургской государственной Театральной библиотеки, 10 октября 2011 года. СПб., 2011. С. 166–172.

⁴ *Карташова Д. А.* Василий Каратыгин в ранних пьесах Шиллера («Разбойники», «Коварство и любовь») // Временник Зубовского института. 2020. № 1 (28). С. 95–104.

⁵ *Данилевский Р. Ю.* Фридрих Шиллер и Россия. СПб., 2013.

Ход и результаты исследования. «Коварство и любовь» («Kabale und Liebe»), первоначально — «Luize Millerin»), трагедия, названная автором бюргерской, именуемая также буржуазной, в русском переводе — мещанской, третья по счету пьеса Фридриха фон Шиллера и вершина его штюрмерской драматургии, впервые была издана на родине поэта⁶ и поставлена на сценах Берлина, Мангейма, Геттингена, Франкфурта-на-Майне и других немецких городов в 1784 г. Еще до громких премьер в европейских столицах — парижском «Комеди Франсез» (1801), лондонском «Ковент-Гардене» (1803), венском «Бургтеатре» (1808) и др., — с постановки рижской немецкой труппы под управлением З. Г. Коха⁷, осуществленной в 1785 г., началось шествие шиллеровой трагедии по театральным подмосткам России.

В начале XIX в. немецкие артисты стали первыми популяризаторами драматического наследия своего великого соотечественника и в российских столицах. При этом со своей задачей, судя по отзыву писателя и переводчика С. П. Жихарева, побывавшего в 1806 г. на одном из московских представлений «Коварства и любви», после которого «вышел вполне очарованный и талантами актеров, и ансамблем всей пьесы»⁸, немецкий театр справился вполне.

Однако широкой русскоговорящей театральной аудитории эта трагедия, как, впрочем, и многие другие драматические сочинения Шиллера, была почти или совсем незнакома. Среди всех иноязычных трупп, действовавших в России, немецкая являлась самой локальной, замкнутой, ориентированной на свой круг зрителей, преимущественно местную диаспору, особенно многочисленную в Петербурге. В здешнем театре, существовавшем, как заметил автор известных «Записок» Ф. Ф. Вигель, для «особого мира» — «свокорыстного и трудящегося у нас немецкого населения», русские и «даже немцы лучшего тона» бывали нечасто⁹. Между тем колоссальный по объему и чрезвычайно пестрый в жанровом отношении репертуар этой сцены включал, наряду с театральной «макулатурой», великие классические произведения западноевропейской, прежде всего немецкой, драматургии. «Источник такого богатства был у нас под носом, и никто не думал черпать из него; никто не спешил ознакомиться с гениальными творениями Лессинга, Шиллера и Гете»¹⁰, — с сожалением признавал мемуарист.

Утверждение Вигеля, в общем, справедливое применительно к русской публике, включая образованную ее часть, тем не менее не могло быть распространено на значительный круг отечественных ценителей классической литературы и знатоков драматического искусства Германии. Одним из них был правовед, будущий профессор Московского университета, писатель и переводчик

⁶ Schiller F. Kabale und Liebe. Mannheim, 1784.

⁷ Юрьев А. «Дон Карлос» Фридриха Шиллера в театральных зеркалах российской истории // Вопросы театра. PROSCAENIUM. 2023. № 1–2. С. 307.

⁸ Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 274–275.

⁹ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000. С. 196.

¹⁰ Там же. С. 145–146.

С. А. Смирнов. Уже в 1805 г., по свидетельству Жихарева, «Смирнов переводит “Kabale und Liebe”, которую разыгрывать будут на пансионском театре»¹¹ — любительской сцене Университетского благородного пансиона, в котором постигал науку автор дневников.

Опубликованный в 1806 г.¹², к слову, несколько позднее английского (1795) и французского (1799), перевод Смирнова, «не академический, а сугубо театральный, то есть сделанный с некоторой оглядкой на русского зрителя»¹³, стал первым переложением произведения поэта на русский язык, который, несмотря на некоторые сокращения, оказался близок к оригинальному тексту и надолго остался наиболее востребованным отечественным театром.

На императорской сцене «Коварство и любовь», трагедия в пяти действиях в переводе Смирнова, увидевшая свет рампы ранее всего освоенного русской драматической труппой шиллеровского репертуара¹⁴, впервые была поставлена московским Арбатским театром 25 октября 1810 г. Информирова читателей о событиях в мире искусства, рецензент «Вестника Европы» отметил, что пьеса «преискусного сочинителя» «с первого представления понравилась здешней публике», и выразил надежду, полностью оправдавшуюся в дальнейшем: «ее, по всей вероятности, очень долго еще будут смотреть с большим удовольствием»¹⁵.

Трагическую историю любви дворянина Фердинанда фон Вальтера и простой мещанской девушки Луизы Миллер воссоздали на сцене ведущие исполнители Арбатского театра — М. С. Воробьева, П. В. Злов, П. Р. Колпаков и др. Особенно впечатлил зрителей игравший роль главного героя «высокий мужчина с благородным лицом» — С. Ф. Мочалов — «вольнотпущенный дворовый человек», ведущий исполнитель московской труппы с широчайшим амплуа, основатель блестящей актерской династии. Степан Мочалов был любимцем Москвы, которому, по воспоминаниям современников, зрители прощали любые погрешности исполнения, даже то, что он «иногда закрикивался и, выражая ужас, разевал ужасно рот, стучал в гнев каблуками и часто не знал ролей»¹⁶. Образ Фердинанда не стал исключением: мастер по своему обыкновению неуверенно декламировал текст, отчего «протягивал речи и останавливался», в очередной раз представляя очевидную мишень для критиков, попутно замечавших в недоумении, что некоторым зрителям игра его «показалась удивительно!»¹⁷.

¹¹ Жихарев С. П. Указ. соч. С. 11.

¹² Коварство и любовь. Трагедия Г-на Шиллера в пяти действиях. Перевел С. Смирнов. М., 1806.

¹³ История русского драматического театра: в 7 т. Т. 2. 1801–1825. М., 1977. С. 132.

¹⁴ Кроме «Коварства и любви» на императорской сцене были поставлены трагедии Шиллера «Разбойники» (1814), «Орлеанская дева» (1822), «Дон Карлос» (1829), «Вильгельм Телль» (1830), «Мария Стюарт» (1834), «Заговор Фиеско в Генуе» (1905).

¹⁵ Т. [Ф. Тимковский]. Московские записки. Коварство и любовь, Шиллерова Трагедия, переведенная г-м Смирновым // Вестник Европы. 1810. Ч. 54. № 21. С. 75.

¹⁶ Полевой Н. А. Мои воспоминания о русском театре и русской драматургии (письма к Ф. В. Булгарину) // Репертуар русского театра. 1840. Т. 1. Кн. 2. С. 6–7.

¹⁷ Т. [Ф. Тимковский]. Указ. соч. С. 76.

С. Ф. Мочалов, достигший зенита своей славы, продолжал выступать в коронной роли вплоть до начала Отечественной войны 1812 г. и после восстановления театральной деятельности в Москве, позволившей возобновить постановку 27 января 1816 г. в бенефис актрисы М. С. Воробьевой. Последний раз Мочалов-Фердинанд вышел на сцену театра на Моховой¹⁸ 11 сентября 1818 г. в бенефис дочери, М. С. Мочаловой, исполнившей Луизу. А 12 января 1822 г. в образе шиллеровского героя, представляемого прежде отцом, одной из любимых и «больших, по собственному признанию, ролей»¹⁹, дебютировал будущий великий трагик русской сцены Павел Степанович Мочалов.

«Неистовый романтик» П. С. Мочалов в «Коварстве и любви» стал откровением для театральной Москвы: «Вот он Шиллеров идеальный Фердинанд! Сам бессмертный трагик увенчал бы его за выполнение сей трудной роли»²⁰, — писал растроганный выступлением артиста критик и писатель В. А. Ушаков. Естественный и правдивый способ существования П. С. Мочалова на сцене; искусство «выражать сильнейшие душевные ощущения разговором простым и свободным»²¹, нарушавшим общепринятые классицистские границы актерской игры со свойственной ей протяжной и распевной декламацией; вдохновенный, порывистый стиль исполнения; наконец, легендарные «мочаловские минуты» вновь и вновь завораживали зрителей на протяжении нескольких десятилетий.

П. С. Мочалова любили за «душу в театральной игре», обладая которой он мог позволить себе пренебречь канонами актерского мастерства, трудной, но необходимой обязанностью «приготавливать свои движения, изменения физиогномии и голоса»²². Не умалял гений московского трагика и тот неоспоримый факт, что играл он порой неровно, «по вдохновению», «смотря по тому, как было настроено его артистическое чувство», отчего, как заметил, возвращаясь к далеким событиям, историк литературы, критик и переводчик П. И. Вейнберг, «та самая публика, которая сегодня выходила из театра, вся подавленная целою массою высоко-художественных ощущений, завтра... оставалась в полнейшем и досадном недоумении и готова была спросить: не подменил ли ей кто... Павла Степаныча?...»²³.

Спустя годы после московской премьеры свой Фердинанд в лице корифея столичной сцены В. А. Каратыгина появился и в Петербурге, громко заявив о себе на первом представлении «Коварства и любви», состоявшемся 10 ноября 1827 г. на сцене Большого (Каменного) театра в бенефис актрисы М. И. Вальберховой.

¹⁸ 25 июня 1818 г. спектакли в доме Апраксина на Знаменке завершились и возобновились 25 августа того же года в доме Пашкова на Моховой.

¹⁹ Русский театр и артисты. П. С. Мочалов // Русская старина. 1880. Т. 29. С. 340–341.

²⁰ Цит. по: Ласкина М. Н. П. С. Мочалов. Летопись жизни и творчества. М., 2000. С. 152.

²¹ Там же.

²² В. У. [В. Ушаков]. Театры и публичные увеселения // Вестник Европы. 1829. № 2. С. 273.

²³ Вейнберг П. Из моих театральных воспоминаний // Ежегодник императорских театров. Сезон 1894/1895 гг. Приложение. Кн. 1. С. 80.

«Гордость русской сцены», любимый артист Николая I, произведенный А. И. Герценом в чин «лейб-гвардейского трагика», драматург и переводчик в одном лице, Каратыгин, «идя за временем всею душою полюбил Шекспира и немецкую драму, под влиянием которых и развился вполне его сценический гений»²⁴. Важно подчеркнуть, что многогранный художник стал одним из первых популяризаторов и пропагандистов драматургии Шиллера на русской сцене. Несомненной заслугой Каратыгина, по инициативе которого свое визуальное воплощение получила не только трагедия «Коварство и любовь», но также «Разбойники» (1828), «Дон Карлос» (1829), «Вильгельм Телль» (1830) и «Мария Стюарт» (1834), стало утверждение шиллеровского репертуара на Александринских подмостках.

В роли Фердинанда артист предстал перед боготворившей его публикой именно таким, каким, по мнению рецензента «Северной пчелы», и был задуман автором, со всеми оттенками чувств изображаемого героя: «холодный с отцом... добродушный в семействе Миллера, пламенный с любовницею, гордый с леди Мильфорт, и высокомерный с презренным Маршалом»²⁵. Между тем этот крупнейший представитель позднего театрального классицизма воплощал на сцене широкую палитру волнующих переживаний противоестественно красиво, облакал их в идеально изящную, отточенную до мельчайших нюансов, но далекую от реальности форму.

Некоторые стилистические особенности, как и явные недостатки исполнения Каратыгина, не остались без внимания рецензентов, преимущественно московских, не разделявших восторженного отношения к парадному искусству «просвещенного артиста», однако их голоса были едва различимы в потоке положительных отзывов. Так, известный театральный критик, писатель и переводчик С. Т. Аксаков, побывавший на одном из представлений «Коварства и любви» в Петербурге и поделившийся своими впечатлениями в письме к издателю «Московского вестника», признавал в образе Каратыгина присутствие «силы, чувства и благородства», но в то же время отмечал и недостатки его интерпретации: «Мимика лица в выражении некоторых страстей — неприятна. Вместо нежности, любви — выражает плаксивость»²⁶, свойственную скорее герою-меланхолику, нежели активной и бесстрашной натуре шиллеровского Фердинанда.

Замечания критика коснулись и других участников спектакля, сценический облик которых не отличался «изящной простотой». Так, в исполнении примы А. М. Каратыгиной, непревзойденной в ролях светских дам и весьма посредственной — в трагедийных, было «много манерности и мало истинной чувствительности», отчего образ Луизы ею созданный был далек от наивной и искренней героини Шиллера. И. И. Сосницкий, изобразивший пожилого Маршала «молодым

²⁴ Стоюнин В. Первое сценическое образование Василия Андреевича Каратыгина // Музыкальный и театральный вестник. 1856. № 1. С. 18.

²⁵ Русский театр. Коварство и любовь, трагедия Шиллера // Северная пчела. 1828. № 113. С. 1.

²⁶ Аксаков С. Т. 2-е письмо из Петербурга к издателю «Московского вестника» // Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. М., 1986. С. 339.

франтом», возбуждал «простодушный смех», а М. И. Вальберхова, игравшая прежде Луизу, а затем и леди Мильфорд, в роли последней была «совершенно не на своем месте» и выглядела лишь бледной копией своей героини²⁷.

Несмотря на ряд нелестных оценок, Аксаков пришел к заключению, что постановка «Коварства и любви», осуществленная Александринским театром, в целом была удачна, «обставлена лучшими артистами и очень хорошо слажена», однако как противник классицистской эстетики все же заметил, что «эту трагедию должно играть гораздо проще, натуральнее...»²⁸.

Возможность познакомиться с иным истолкованием известных шиллеровских образов представилась зрителям обеих столиц весной 1833 г. во время гастролей крупнейших трагиков своего времени: Мочалова — в Петербурге и Каратыгина — в Москве.

Совместный спектакль²⁹ с Мочаловым-Фердинандом и артистами петербургской труппы, обыкновенно занятыми в остальных ролях трагедии, «шел изрядно»³⁰, однако основная заслуга в этом, по-видимому, принадлежала соличному ансамблю. Зрители, встретившие заезжую знаменитость «с недоверчивостью», восприняли не соответствовавший канонам Александринского театра романтический стиль исполнения Мочалова довольно сдержанно: «сии приемы... ни для кого столько не приметны, как для нашей публики, привыкшей встречать на каждом шагу офицеров лучшего тона», — высокомерно заявил петербургский корреспондент газеты «Молва»³¹.

Справедливости ради стоит заметить, что «любитель театра», представлявший «Молву», в своей следующей заметке попытался беспристрастно взглянуть на исполнителя главной роли, что ему вполне удалось, более того, критик смог уловить главное — природу таланта Мочалова: «действие органа его голоса удивительное», и оно согласовано «с внутренними движениями его души, составляющей главную стихию сего артиста»³².

Однако отдельные частные мнения не повлияли на отношение зрительской аудитории к гастролеру, дерзнувшему состязаться с величественной фигурой первого трагика. «Без искусства держать себя хорошо на сцене, с дурными привычками, с небольшим голосом»³³ Мочалов вряд ли мог рассчитывать не то что на более громкий, но даже на равный с ним успех. Представлявший Фердинанда «огромного роста, стройный Каратыгин в белом

²⁷ Аксаков С. Т. 2-е письмо из Петербурга к издателю «Московского вестника» // Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. М., 1986. С. 339.

²⁸ Там же.

²⁹ Первое представление «Коварства и любви» с П. Мочаловым в роли Фердинанда состоялось 24 апреля 1833 г. в Большом театре, после чего спектакль прошел в Петербурге еще дважды.

³⁰ Ласкина М. Н. Указ. соч. С. 196.

³¹ Любитель театра. Письмо об игре Мочалова в петербургском театре (продолжение) // Молва. 1833. № 82. С. 327.

³² Там же. С. 329.

³³ Аксаков С. Т. Указ. соч. С. 339.

мундире»³⁴ являлся для «официального» Петербурга персонажем более привычным и органичным, что стало отчетливо ясно после выступлений московского гостя. Кстати, Мочалов, который, как тактично заметил А. И. Вольф, «остался не совсем доволен приемом петербургской публики»³⁵, на здешней сцене больше не выступал.

В свою очередь, прочтение «Коварства и любви» «славной четой» премьеров Каратыгиных³⁶, бессменных исполнителей главных ролей шиллеровского и прочего репертуара на родной сцене, оправдало ожидания московских театралов не полностью, а некоторых и вовсе разочаровало. Среди последних, например, числился известный критик и теоретик изящных искусств Н. И. Надеждин, предвкушавший незабываемые впечатления от воплощения знаменитой трагедии на сцене, одно только чтение которой «поднимает дыбом волосы, гонит к сердцу кровь, пытается душу...». Но спектакль вызвал, скорее, недоумение: роль Фердинанда в трактовке мастера петербургской сцены «ни разу... не взволновала, не проникла до глубины сердца!»³⁷.

Отмечая положительные черты сценического облика артиста, Надеждин сосредоточился на основной причине своего неприятия предложенной интерпретации — голосе Каратыгина, колебавшемся «между дикостью и тривиальностью», не соответствовавшем, на его взгляд, чувствам героя и смыслу роли. Примечательно, что при этом энергичная игра мастера вызвала неоднозначные, но сильные эмоции: «если не увлекла, то задавила меня, так что я не мог ей противиться, оставался погруженным в невольное изумление»³⁸, — вынужден был констатировать критик.

Гастрольные выступления П. С. Мочалова и В. А. Каратыгина положили начало многолетнему соперничеству двух больших художников, преподносимому таковым и, по большому счету, навязанному им критиками и рецензентами. Определенный итог дискуссии о масштабе и природе дарований артистов подвел подробный анализ В. Г. Белинского в известной статье «И мое мнение об игре Г. Каратыгина». Петербургский трагик, при его исключительных внешних данных, имевший за плечами прекрасную актерскую школу и неустанно работавший над собой, был, по мнению автора, одинаково прекрасен во всех созданных им образах. Но, имея талант «ходить, говорить, рассчитывать эффекты», он не увлекал «души зрителей собственным увлечением»³⁹. Мочалов — талант

³⁴ Павел Степанович Мочалов. Заметки о театре, письма, стихи, пьесы. Современники о П. С. Мочалове. М., 1953. С. 384–385.

³⁵ Вольф А. И. Хроника петербургских театров: [в 3 ч.]. Ч. 1: Годовые обозрения русской и французской драматической сцены, оперы и балета: с конца 1826 года до начала 1855 года. СПб., 1877. С. 35.

³⁶ Московские представления «Коварства и любви» с В. А. и А. М. Каратыгиными в главных ролях прошли 17 или 19 апреля 1833 г.

³⁷ Надеждин Н. И. Русский театр (письма в Петербург) // Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 355.

³⁸ Там же.

³⁹ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1. Статьи и рецензии. Художественные произведения. 1829–1835. М., 1953. С. 187.

сильный и самобытный, но в то же время и односторонний — так считала большая часть публики, но не все; и Белинский, стремившийся в своих рассуждениях к максимальной объективности, но симпатизировавший, несомненно, Мочалову, относил себя «к малому числу этих не всех», утверждая, что московский артист при всех его недостатках бывает «гигантски велик»⁴⁰.

Многолетняя полемика, получившая широкий общественный резонанс, не умаляла главный итог — создание национальной сценической версии «Коварства и любви», «мещанской трагедии», поставленной на родном для публики языке, воплощенной крупнейшими трагическими величинами своего времени в двух абсолютно непохожих, но в равной степени талантливых трактовках, не потерявших своей актуальности для публики вплоть до второй половины 1840-х гг., пока на сцену в своих легендарных ролях продолжали выходить Мочалов и Каратыгин⁴¹.

Таким образом, трагедия «Коварство и любовь», исполнявшаяся с 1810 г. в Москве и с 1827 г. — в Петербурге, за исключением некоторых сезонов⁴², практически ежегодно, выдержавшая 73 представления в Малом театре и 65 — в Александринском⁴³; входившая в репертуар не только столичной, но и провинциальной сцены, в том числе Нижнего Новгорода, Ярославля, Курска (1832), Одессы (1837), Харькова (1839), Воронежа (1840) и многих других российских городов, являлась не только одной из самых популярных пьес шиллеровского репертуара, но и относилась к числу наиболее востребованных отечественным театром сочинений мировой классической драматургии. Однако уже в середине XIX в., в «эпоху цензурного террора», относительно благополучная история бессмертного произведения подошла к концу.

Цензурные перипетии, выпавшие на долю «Коварства и любви», причудливым образом связаны с пьесой «Интрига и любовь» («*Intrigue et amour*») чрезвычайно плодовитого французского романиста и драматурга А. Дюма-отца. Мелодрама, не отличающаяся особыми художественными достоинствами, но пользовавшаяся всеевропейской популярностью, в 1847 г. была поставлена на родине драматурга, а спустя несколько месяцев после парижской премьеры и в России, силами французской императорской труппы. Адаптируя свою версию «Коварства и любви» для соотечественников, Дюма не только переработал многие сцены, но и «творчески» дополнил оригинал, представив на суд зрителей грубую переделку трагедии Шиллера.

Николай I, почтивший своим присутствием одно из представлений Михайловского театра, был возмущен предложенной французской труппой интерпретацией,

⁴⁰ Белинский В. Г. Указ. соч. С. 182.

⁴¹ Продолжая играть в «Коварстве и любви» до конца 1846 г., П. С. Мочалов в 1845 г., решив, что «стар для Фердинанда», перешел к исполнению роли музыканта Миллера; В. А. Каратыгин представлял главного героя трагедии вплоть до конца 1840-х гг.

⁴² В Москве после восстановления деятельности театров в 1816 г. пьеса не исполнялась: с 1819 по 1821 г., в 1823, 1842 и 1843 г.; в Петербурге — с 1841 по 1844 гг. и в 1846 г.

⁴³ См., например: Репертуарная сводка / сост. Т. М. Ельницкая // История русского драматического театра: в 7 т. Т. 3. 1826–1845. С. 265; Т. 4. 1846–1861. С. 338.

после чего трагедия пополнила собой черный список запрещенных к постановке в России пьес. Попутно заметим, что для введения ограничительных мер российской цензуры уже имелись исторические прецеденты, в том числе и в германских княжествах, где многие пьесы Шиллера не допускались на придворную сцену.

Примечательно, что император, большой поклонник сценического искусства, переводные пьесы не жаловал как класс, отдавая предпочтение оригинальным произведениям патриотического содержания, исполненным «чувства и мыслей в духе нашего правления»⁴⁴. Иностранные мелодрамы, произведения Дюма в том числе, не соответствовали ни одному из этих критериев, а «бурная “неистовость” их романтических героев, — как утверждал выдающийся искусствовед, критик и историк театра С. Н. Дурылин, — граничила, по мнению царя и его слуг в цензуре и в критике, с неблагонадежностью их авторов»⁴⁵.

В данном случае формулировка причины «неудовольствия государя», по словам известного театрального деятеля и цензора барона Н. В. Дризена, сводилась к «односторонней переделке Дюма знаменитой драмы»⁴⁶. Особенно негативное впечатление произвела на императора известная сцена, в которой леди Мильфорд узнает от камердинера, что за подаренные ей герцогом драгоценности расплатятся семь тысяч солдат, полками и дивизиями поставлявшиеся правителями германских княжеств для ведения боевых действий в Северной Америке (1775–1783)⁴⁷. Эта иллюстрация трагического противостояния народа, заплатившего высокую цену за чуждые ему интересы европейской политики, с одной стороны, и высших сословий — с другой, «несколько резкая» у Шиллера, «но вполне оправдываемая благородством и высокой нравственностью его цели», приняла у французского драматурга «чудовищные размеры»⁴⁸.

Заметим, что судьбоносное для отечественного театра событие, произошло, вероятно, не в 1853 г., как утверждал Дризен, а несколько ранее, о чем свидетельствуют, например, официальные письма директора императорских театров А. М. Гедеонова, в частности служебное разъяснение, адресованное управляющему московской театральной конторой А. Н. Верстовскому от 28 октября 1850 г., в котором сообщалось, что представления «Коварства и любви» прекращены в Петербурге «по Высочайшему повелению, объявленному Государем Императором во время игры оной на французском театре, почему не следует

⁴⁴ Цит. по: *Абакумов О. Ю.* Третье отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком. 1826–1866 гг. М., 2017. URL: <https://history.wikireading.ru/h9GcFdmRTS> (дата обращения: 22.02.2024).

⁴⁵ *Дурылин С.* Александр Дюма-отец и Россия // Литературное наследство. Т. 31–32. М., 1937. С. 509.

⁴⁶ *Дризен Н. В.* Драматическая цензура двух эпох, 1825–1881. Часть 2: Эпоха императора Александра II, 1855–1881 / автор вступительной статьи, примечаний и указателей Е. Г. Федяхина. СПб., 2019. С. 142.

⁴⁷ В этой сцене трагедии речь шла о войне против колониального господства Великобритании в Северной Америке (1775–1783).

⁴⁸ *Дризен Н. В.* Указ. соч. С. 142.

драму сию играть и в Москве»⁴⁹. В то же время в «Ежегоднике императорских театров» отмечалось, что трагедия была запрещена для русской, французской и немецкой сцен уже в 1848 г., однако «словесно — Высочайшим повелением Императора Николая Павловича»⁵⁰. Несомненно одно: *de facto* пьеса покинула репертуар императорской сцены в 1848 г.

Свет надежды и на освобождение «Коварства и любви» от цензурного veto забрезжил лишь с окончанием Николаевской эпохи. Реформаторский политический курс Александра II, распространившийся на множество сфер общественной жизни, стал долгожданным глотком свободы для русских интеллектуалов, читающих, пишущих, не равнодушных к судьбе национальной культуры. Несмотря на то что в течение десятилетия после вступления императора на престол продолжали действовать цензурные законы, принятые при его предшественнике, представители отечественного театра — от высокопоставленных чиновников до рядовых артистов — предпринимали активные попытки вернуть на сцену запрещенную пьесу.

Одними из первых в борьбу за трагедию Шиллера, традиционно занимавшую прочное положение в репертуаре Немецкого театра, включились постоянные артисты труппы и систематически выступавшие на этой сцене исполнители из Германии. Так, например, в 1858 г. с прошением к директору театров Геденову о дозволении играть пьесу в свой бенефис обратился артист Ландфохт⁵¹, так и не дождавшийся положительного решения.

В апреле 1867 г., уже под занавес действия цензурных ограничений, с аналогичной просьбой выступила и гастролерша Ниман-Зебах (Зеебах), протекцию которой попытался оказать директор театров граф А. М. Борх. Необходимо упомянуть, что сдержанному оптимизму деятелей культуры в отношении реабилитации пьес немецких авторов способствовал изменившийся к этому времени внешнеполитический контекст: начавшееся с 1859 г. сближение России с Пруссией, с которой, как заметил Дризен, «мы уже дружили, и надолго»⁵². Симптоматично, однако, что на письме театрального чиновника, ходатайствовавшего за актрису, значится следующая резолюция министра внутренних дел: «Ни одна г-жа Зебах об этом просила и никогда не было Высочайше разрешаемо, и потому не нахожу возможным утруждать Государя Императора докладом такого вопроса, который неоднократно Его Величеством был отвергнут»⁵³.

⁴⁹ К истории театральной цензуры. Из переписки А. Н. Верстовского // Ежегодник императорских театров. 1910. Вып. II. С. 12.

⁵⁰ Обзор деятельности С-Петербургских театров. Русская драма // Ежегодник императорских театров. Вып. XV. Сезон 1904/1905. С. 66.

⁵¹ Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина (ГЦТМ). Ф. 486. Ед. хр. 668. Л. 1.

⁵² Дризен Н. В. Указ. соч. С. 144.

⁵³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 472. Оп. 19. Внутр. оп. 238/1254. Д. 43. Л. 1.

Едва ли не большую заинтересованность в возобновлении трагедии на родном языке самого многочисленного сегмента зрительской аудитории проявляли деятели русского драматического театра. Показателен в этом отношении рапорт главного режиссера Александринской труппы Е. И. Воронова начальнику репертуарной части петербургских театров П. С. Федорову о дозволении играть пьесу в свой бенефис, поступивший в делопроизводство в июне 1858 г.

Обеспокоенный удручающим состоянием родной сцены, славившейся бедным и бессистемным репертуаром, режиссер попытался убедить вышестоящее начальство в необходимости возобновления «Коварства и любви», что, на его взгляд, имело бы исключительно положительные следствия для всех участников театральной жизни: трагедия Шиллера «была бы истинным подарком для публики... принесла бы Дирекции хорошие сборы и могла бы дать случай нашим превосходным артистам... выказать свой талант»⁵⁴.

Примечательно, что во избежание цензурных препон поборник точности воспроизведения авторского текста на сцене предлагал к постановке еще более краткую версию «и без того сильно сокращенной трагедии» в переводе Смирнова, сохранившуюся в архиве театра. Режиссерский экземпляр «Коварства и любви», прилагавшийся к рапорту, составлял, по заверению Воронова, «не более 2/3 оригинальной пьесы», при этом «все, что было хотя несколько резко, совсем выпущено или переменено». Режиссер особенно подчеркивал, что злополучная сцена с бриллиантами, когда-то вызвавшая высочайшее неудовольствие, была исключена полностью, а среди действующих лиц старик-лакей не фигурировал вовсе. «Политический колорит» трагедии, таким образом, был «совершенно стерт, так что только по именам можно догадаться, что действие происходит в Германии»⁵⁵.

Согласившись с доводами подчиненного, Федоров от лица дирекции обратился с рапортом к «главному начальнику императорских театров» — министру императорского двора графу В. Ф. Адлербергу, весьма близко к тексту изложив соображения режиссера Александринского театра. Однако, несмотря на предпринятые усилия, добиться разрешения не удалось: «Государь не изъявил соизволения на возобновление трагедии Шиллера “Коварство и любовь” ни на русской, ни на немецкой сценах»⁵⁶, — значилось в ответном уведомлении.

Стоит заметить, что груз ответственности за недостаток новых пьес, а вместе с тем и за «совершенный упадок Русского театра», Федоров, при котором, по утверждению драматурга и критика Д. В. Аверкиева, «мертвечина, казенщина и чичиковщина воцарились в храме искусства»⁵⁷, не признававший неудовлетворительной порой работы собственного ведомства, всецело возлагал на драматическую цензуру III отделения С. Е. И. В. канцелярии. Однако в одном

⁵⁴ ГЦТМ. Ф. 291. Ед. хр. 136. Л. 3.

⁵⁵ Там же. Л. 2 об.

⁵⁶ *Дризен Н. В.* Указ. соч. С. 421

⁵⁷ Из истории театральной цензуры (Записка П. С. Федорова, 1859 года) // Русский архив. 1896. № 4. С. 623.

«закулисный начальник» оказался прав: отстаивая интересы сцены и публики, Дирекция театров неоднократно «пробовала восставать против безапелляционных решений цензуры, но борьба ее приносила мало хороших последствий»⁵⁸.

Лишь «оттепель» 60-х гг. XIX в., вовлекшая в свою орбиту и театральную цензуру, позволила многим, запрещенным прежде драматическим произведениям вернуться к своему зрителю. В их числе находились и две изображающие «общечеловеческие страсти» трагедии Шиллера — «Коварство и любовь» и «Разбойники», — не имеющие, по заключению Совета Главного управления по делам печати, «никакого тенденциозного характера или отношения к современным обстоятельствам»⁵⁹. Согласно всеподданнейшему докладу министра внутренних дел, эти произведения «без всяких вредных последствий могут быть возобновлены на сцене» с небольшими исключениями⁶⁰. О монаршей воле допустить представления обеих пьес для русской и немецкой драматических трупп директор императорских театров С. А. Геденов был уведомлен 9 января 1868 г.⁶¹

А уже 4 октября того же года в бенефис старейшего режиссера сцены А. Ф. Богданова «Коварство и любовь» в переводе Смирнова первым после затянувшейся паузы возобновил московский Малый театр.

Спектакль, заслуживший высокую оценку на фоне легковесных водевилей, второразрядных комедий и мелодрам, составлявших львиную долю репертуара театра тех лет, стал, по мнению критиков, тем редким случаем, «когда артисты, сделали более, чем можно было ожидать от них»⁶² для достойного воплощения трагедии Шиллера. В полной мере это относилось к исполнительнице роли Луизы Г. Н. Федотовой, ведущей артистке Малого театра, «гордости и славы» отечественной сцены, творческой величины, сопоставимой по масштабу с фигурой великой М. Н. Ермоловой, однако до настоящего времени остающейся в ее тени.

В галерее шиллеровских созданий Федотовой, более всего запомнившейся публике в образе королевы Елизаветы из «Марии Стюарт», представленной в ярком драматическом дуэте с Ермоловой, по мнению биографа артистки, советского театроведа Г. И. Гояна, роли Луизы, а с 1874 г. — и леди Мильфорд, были проходными⁶³. С этим утверждением трудно согласиться, принимая во внимание тот факт, что сценическое перевоплощение в главную героиню «Коварства и любви» стало свидетельством перехода артистки на качественно новый уровень исполнительского мастерства.

Непревзойденная в характерных ролях, не являвшаяся трагической артисткой, но игравшая в трагедиях, Федотова в начале своей карьеры нередко

⁵⁸ Из истории театральной цензуры... С. 627.

⁵⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 1. Д. 3. Л. 19–21.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ РГИА. Ф. 497. Оп. 2. Д. 21 212. Л. 5.

⁶² А. В. [Акилов П. Г.]. Театральные курьезы и заметки // Развлечение. 1868. № 41. С. 352.

⁶³ Гоян Г. И. Гликерия Федотова: жизнь и творчество великой русской артистки. М.; Л., 1940. С. 199.

заменяла истинный драматизм сентиментальностью и мелодраматической патетикой — «анти-драматическими приемами», выработанными в результате исполнения в 1860-х гг. значительного количества иностранных и отечественных мелодрам. Представленный «просто, без всякой эффектации», образ Луизы стал наглядным подтверждением того, что артистка сумела побороть почти все присущие ее игре недостатки, и была, к удивлению рецензентов, не раз упрекавших ее «за однообразно-жалобный тон, за протяжность речи, за манерничанье», «так высокохудожественна, как никогда, ни в одной роли»⁶⁴. В сцене с Вурмом, например, когда главная героиня узнает о трагической судьбе своих родителей, Федотова смогла выразить «самую искреннюю и глубокую скорбь»; филигранно передала «скрытое, затаенное страдание», возникшее в ответ на угрозы леди Мильфорд; как и «непритворное отчаяние», овладевшее Луизой, когда та писала под диктовку Вурма письмо⁶⁵. Даже самая трудная сцена отравления, проведенная ею «без всяких мелодраматических уловок», произвела на зрителей самое живое и достоверное впечатление.

Коллега и партнер Федотовой по сцене Н. Е. Вильде, артист среднего дарования, игру которого отличали холодность и искусственность, в образе Фердинанда был более органичен, чем в других своих ролях. Тем не менее его сценическое создание не производило впечатления шиллеровского по причине отсутствия «дорогого, неоценимого достоинства в актере — чувства»⁶⁶, при этом профессионального опыта драматурга (которым являлся Вильде) и мастерства ведущего исполнителя Малого театра оказалось достаточно для того, чтобы его изобразить.

Остальные артисты, за исключением подвергшейся обоснованной критике Н. М. Медведевой, воплотившей вместо цельного и глубокого характера леди Мильфорд «ничтожное, пустое существо»⁶⁷, своим исполнением заслужили положительные отклики. Так, вполне удовлетворительно и «весьма типично» играл роль злодея Вурма С. В. Шумский; И. В. Самарин «с удивительной правдивостью» передал притворство, подлость и остальные черты, отличавшие личность президента⁶⁸.

Итак, серьезный спектакль, созданный артистами, представлявшими преимущественно ядро труппы, продолжавшими и развивавшими реалистические традиции родной сцены, в условиях, когда Малый театр столкнулся с проблемами засилья развлекательного репертуара и недостатка творческих сил для исполнения произведений мировой классической драматургии, стал неожиданным и приятным сюрпризом для публики и критиков. Выдержавшая 11 представлений, исполненная в последний раз 28 февраля 1869 г., трагедия в очередной раз выпала из репертуара.

⁶⁴ А. В. [П. Г. Акилов]. Указ. соч. С. 254.

⁶⁵ Там же. С. 253–254.

⁶⁶ Там же. С. 254.

⁶⁷ Там же. С. 255.

⁶⁸ Там же. С. 254.

Однако уже 26 апреля 1874 г. в бенефис суфлера Н. А. Ермолова «Коварство и любовь» вновь шла на той же сцене, о чем уместно, на наш взгляд, упомянуть в связи с постановками Малого театра, несколько нарушая хронологический принцип изложения.

Выражая горячую благодарность бенефицианту за выбор пьесы, труженики пера в то же время были убеждены, что для классического произведения, имевшего на московской сцене свои традиции, не осталось достойных исполнителей: зрители, которые помнили в шиллеровских ролях еще Мочалова, а позднее — и Шумского, «не могли довольствоваться... Рябовым и Решимовым»⁶⁹. Стоит признать, что отчасти они были правы: в 1870-х гг. труппа театра, особенно ее мужская часть, пополнялась из среды любителей и провинциальных артистов, «дилетантов и ремесленников», игравших «по традиции», «нутром», используя «набор дурных штампов»⁷⁰, тем самым мало способствуя успеху пьесы.

Однако, вопреки прогнозам, трагедия, которая «смотрелась легко и охотно», «не только не рухнула, но и вызвала почти громкое одобрение»⁷¹, в чем велика была заслуга слаженного артистического ансамбля, в состав которого вошли подлинники мастера Малого театра. Среди всех участников спектакля пальма первенства безоговорочно была отдана Федотовой — леди Мильфорд, к тому времени располагавшей достаточной опытностью и постоянно совершенствовавшей свое искусство, игра которой, исполненная «правдивой естественности», не содержала даже намека на «манерничанье» и «ложный пафос в патетических местах». Артистка «до такой степени умела играть лицом, что “говорила без слов”», и во всех без исключения сценах была «безукоризненно прекрасна»⁷².

Из «удачно подобранного ансамбля» несколько выбивалась центральная женская фигура, воплощенная молодой М. Н. Ермоловой, без собственного желания которой бенефициант «не решился бы превращать свою дочь в шиллеровскую Луизу»⁷³. Едва ли не кощунственно сегодня звучат суждения рецензентов о крупнейшей артистке русской сцены, противоречащие канонам формирования образа творческой личности колоссального масштаба. Тем не менее Ермолову упрекали в несоответствии трудной роли, сыграть которую по силам исполнительницам «или с могучим талантом, или с огромным сценическим навыком»; называли «рядовой артисткой», попутно намекая на творческую несостоятельность; поражались «наивной смелости» дерзнувшей подступить к бессмертному шиллеровскому образу, и в то же время признавали, что без этого ее качества «роль пропала бы совершенно»⁷⁴.

Другие, более благожелательные по отношению к Ермоловой, а заодно и склонные к анализу критики, пытаясь понять причины неудачи, приходили

⁶⁹ Московские заметки // Голос. 1874. № 125.

⁷⁰ Зограф Н. Г. Малый театр второй половины XIX века. М., 1960. С. 132.

⁷¹ Московские заметки // Голос. 1874. № 125.

⁷² Там же.

⁷³ Акилов П. Театральные заметки // Развлечение. 1874. № 19. С. 299.

⁷⁴ Московские заметки // Голос. 1874. № 125.

к выводу, что виной всему были проблемы, связанные с голосовыми возможностями артистки. На заре своей творческой биографии Ермолова, как известно, боролась с «резкостью голоса», за которую ее нередко критиковали, но добившись приятного звучания речи, впала от нее в зависимость. Вынужденная постоянно контролировать собственный голос, артистка передавала все «душевные настроения» своей героини — «развитие сердечного чувства», «страдания от безнадежной любви», «душевную скорбь» — «очень даже чувствительно, но однообразно»⁷⁵.

Неизвестная широкой публике «заурядная» исполнительница благодаря присущей ей исключительной целеустремленности и титаническому упорству спустя несколько лет преодолела все недостатки раннего периода творчества и стала выдающейся трагической и героической артисткой, создавшей галерею незабываемых женских портретов в пяти трагедиях Шиллера; награжденной зрителями за одно из лучших в истории мирового театра воплощений образа Иоанны именем Орлеанской девы русской сцены.

Вслед за Малым театром 19 февраля 1869 г. трагедия Шиллера была возобновлена на Александринской сцене, в бенефис актрисы Е. В. Владимировой.

Петербургская постановка была примечательна прежде всего тем, что казенная сцена впервые отказалась от традиционно используемого перевода трагедии Смирнова, появившегося в начале XIX в. и безнадежно устаревшего ко второй его половине, в пользу современной и значительно более художественной версии «Коварства и любви» переводчика, писателя и публициста М. Л. Михайлова. Новый перевод был опубликован в 1863 г. во втором томе гербелевского Полного собрания сочинений Ф. Шиллера⁷⁶ и одобрен драматической цензурой, «с исключениями» для императорских театров, в 1868 г.

В истолковании одного из лучших переводчиков немецкой поэзии не имевшая ни одной «неблагодарной» роли и единодушно признанная театральным сообществом «сценичной» пьеса, казалось бы, была обречена на успех, однако, вопреки ожиданиям, «потерпела фиаско», о чем прямолинейно заявил на страницах своей «Хроники» А. И. Вольф, указавший и основную причину печального итога — «неудачное распределение ролей»⁷⁷.

В подтверждение слов летописца петербургской сцены заметим, что выбор бенефицианткой пьесы едва ли представляется обоснованным. К числу лучших созданий Владимировой, артистки не только прекрасной наружности, но и талантливой исполнительницы исторических драм А. Н. Островского, шиллеровские образы леди Мильфорд в «Коварстве и любви», Амалии в «Разбойниках», как, впрочем, и шекспировская Офелия, не относились. Владимирову, примерявшую на себя переводной классический репертуар, упрекали в однообразии, сухости и излишней холодности.

⁷⁵ Акилов П. Театральные заметки... С. 299.

⁷⁶ Собрание сочинений Шиллера в переводах русских писателей, изданных под редакцією [и с предисловием] Н. В. Гербеля. Т. 2. СПб., 1863.

⁷⁷ Вольф А. И. Указ. соч. С. 39.

Струйская 1-я в образе Луизы и Нильский-Фердинанд, игравшие, как выразился Вольф, «с плеча»⁷⁸, только усугубили безрадостные впечатления от спектакля. По словам театрального рецензента газеты «Голос», обозначившего общее мнение, артистическому ансамблю, не вникшему в смысл ролей, характеры персонажей передать не удалось, отчего «коронные» сцены шиллеровской трагедии, «которых знаток ожидает с нетерпением... совершенно пропали»⁷⁹.

Тем не менее спектакль пользовался определенным вниманием публики, но лишь потому, что «сама пьеса производит впечатление, и актеры пожинают лавры за Шиллера». Иллюзии успеха способствовало и то обстоятельство, что бенефис пришелся на «красный день календаря», когда театр наполнялся «верховой» публикой, приезжавшей «ради “праздника”», но в другое время «исполнители... вряд ли заслужили бы вызова»⁸⁰. Дважды прошедшая в сезоне 1868/1869 гг., «Коварство и любовь» в очередной раз надолго исчезла с афиш петербургской сцены.

Следующее обращение Александринского театра к классическому произведению состоялось лишь 6 сентября 1893 г. и было воспринято театральной общественностью с искренним воодушевлением. Хроника культурной жизни столицы свидетельствовала, что «старик Шиллер и его мещанская трагедия» вызвали ажиотаж среди публики, оставив далеко позади пьесы современных авторов⁸¹.

Новейшая версия Александринского театра произвела «сильное и надлежащее впечатление», чему в немалой степени способствовало исполнение пьесы⁸². В роли Фердинанда блистал Р. Б. Аполлонский, имевший амплу героя-любownika, «обаяние подкупающей сценической красоты и искусство легкого воздушного диалога», артист, рожденный, по убеждению многих коллег, «для успеха и только для успеха»⁸³, но так и не дождавшийся безоговорочного признания. Роль сына президента Вальтера, ставшая впоследствии одной из коронных в репертуаре артиста, отделанная, по отзывам критиков, до мельчайших деталей, была исполнена в верном тоне и с чувством такта, без утрирования «в подчеркивании сильных драматических моментов», «с удивительным вдохновением»⁸⁴.

Положительных откликов прессы были удостоены и другие участники постановки. Однако, в отличие от В. Н. Давыдова-Миллера, игра которого была «проста, жизненна и трогательна»; П. Д. Ленского, вдумчиво и серьезно

⁷⁸ Вольф А. И. Указ. соч. С. 39.

⁷⁹ Голос. 1869. № 52.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Р-ий Н. Театральный курьер. Александринский театр // Петербургский листок. 1893. № 256.

⁸² Там же.

⁸³ Малютин Я. О. Актеры моего поколения. Юрьев, Варламов, Давыдов, Мичурина-Самойлова, Кондрат Яковлев, Уралов, Аполлонский, Ходотов, Лерский, Шаповаленко, Чижевская. Л.; М., 1959. С. 238–239.

⁸⁴ Р-ий Н. Указ. соч.

трактовавшего роль гофмаршала фон Кальба; «добросовестно игравшего» президента фон Вальтера В. П. Далматова⁸⁵; Луиза в исполнении В. А. Мичуриной-Самойловой не заслужила даже сочувствия. Артистке, игравшей «сдержанно и умно», удалось создать «цельный характер», но, «увы, не шиллеровский»⁸⁶; ее героиня более напоминала философа на сцене, чем естественную и трогательную в своей наивности простолюдинку.

Несмотря на резкие, но справедливые в ряде случаев упреки рецензентов в адрес некоторых исполнителей и «слабую постановку народных сцен», возобновление «Коварства и любви» можно расценивать как творческую победу Александринского театра, уставшего от многочисленных драматических поделок отечественного и иностранного производства, наводнявших его репертуар. Трагедия, представленная только в сезоне 1893/1894 г. 12 раз, являлась неотъемлемой частью репертуара Александринской сцены и в оставшиеся годы XIX в., и в начале следующего столетия, в отличие от Малого театра, после трех представлений 1874 г. к пьесе не обращавшегося.

Заключение. Судьба трагедии Ф. Шиллера «Коварство и любовь», волновавшей ума и сердца зрителей, вызывавшей бурные идейно-эстетические дискуссии знатоков искусства, литераторов и критиков, была, пожалуй, одной из наиболее драматичных среди всего театрального наследия немецкого поэта, получившего визуальное воплощение на русской императорской сцене XIX в.

Представленная ретроспектива постановок Малого и Александринского театров позволяет достаточно четко определить два периода бытования пьесы на сценах обеих столиц — до 1848 г. и после 1868 г., водораздел между которыми проложила полоса цензурных репрессий, растянувшаяся почти на двадцать лет. Не только цензура, но и переводчики, искажавшие в своих переделках смысл великой трагедии, театральные чиновники, отдававшие предпочтение «беспроblemному» репертуару, а нередко и сами артисты, исполнение которых не соответствовало духу и смыслу шиллеровских ролей, не способствовали стабильному положению пьесы на театральных подмостках.

Однако глубокая заинтересованность, а порой и самоотверженные поступки деятелей отечественной культуры, прокладывавших «Коварству и любви» путь на сцену, внимательное отношение постановщиков к классическому репертуару, адекватное истолкование и талантливое исполнение ролей крупнейшими мастерами петербургского и московского театров перевешивали все негативные факторы.

Интерпретации «Коварства и любви», на протяжении ста лет создававшиеся императорскими театрами с достойным уважением постоянством, невзирая на цензурные и творческие проблемы, заложили традиции и определили тенденции последующих постановок великого произведения мировой классики на русской и советской драматической сцене в XX в.

⁸⁵ Р-ий Н. Указ. соч.

⁸⁶ Там же.

Литература

1. Абакумов О. Ю. Третье отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком. 1826–1866 гг. М.: Центрполиграф, 2017. 198 с.
2. Гоян Г. И. Гликерия Федотова: жизнь и творчество великой русской артистки. М.; Л.: Искусство, 1940. 399 с.
3. Данилевский Р. Ю. Русский образ Фридриха Шиллера. К двухсотлетию со дня смерти поэта // Русская литература. 2005. № 4. С. 3–20.
4. Данилевский Р. Ю. Фридрих Шиллер и Россия. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. 651 с.
5. Дурылин С. Александр Дюма-отец и Россия // Литературное наследство. Т. 31–32. Русская культура и Франция. М.: Жур.-газ. объединение, 1937. С. 491–562.
6. Ельницкая Т. М. Репертуарная сводка // История русского драматического театра: в 7 т. / редкол.: Ю. А. Дмитриев (и др.). Т. 3. 1826–1845. М.: Искусство, 1978. С. 218–338.
7. Ельницкая Т. М. Репертуарная сводка // История русского драматического театра: в 7 т. / редкол.: Ю. А. Дмитриев (и др.). Т. 4. 1846–1861. М.: Искусство, 1979. С. 285–418.
8. Зограф Н. Г. Малый театр второй половины XIX века. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 648 с.
9. История русского драматического театра: в 7 т. / редкол.: Ю. А. Дмитриев (и др.). Т. 2. 1801–1825. М.: Искусство, 1977. 648 с.
10. Карташова Д. А. Василий Каратыгин в ранних пьесах Шиллера («Разбойники», «Коварство и любовь») // Временник Зубовского института. 2020. № 1 (28). С. 95–104.
11. Касаткина Т. А. Шиллер у Достоевского: Элевсинские мистерии в «Братьях Карамазовых» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 4 (8). С. 68–89. <https://www.doi.org/10.22455/2619-0311-2019-4-68-89>
12. Ковалев П. А., Струкова Т. В. «Две загадки» Фридриха Шиллера в переводе В. А. Жуковского // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 50. С. 188–196. <https://www.doi.org/10.17223/19986645/50/12>
13. Ласкина М. Н. П. С. Мочалов. Летопись жизни и творчества. М.: Языки русской культуры, 2000. 589 с.
14. Мальцев Л. А. Драма «Дон Карлос» Ф. Шиллера в переводе А. Мицкевича и в контексте легенды о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2018. № 1. С. 79–83.
15. Смолян А. О. Первые переводы и постановки Шиллера в России // Фридрих Шиллер. Статьи и материалы / под общ. ред. Р. М. Самарина и С. В. Тураева. М.: Наука, 1966. С. 13–41.
16. Филиппова С. А. Шиллер на Александринской сцене XIX века // Театральное наследие и современность: материалы научно-практической конференции, посвященной 255-летию Российского государственного академического театра драмы имени А. С. Пушкина и Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки, 10 октября 2011 года. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 166–172.
17. Штейн А. Л. Шиллер и Малый театр // Фридрих Шиллер. Статьи и материалы / под общ. ред. Р. М. Самарина и С. В. Тураева. М.: Наука, 1966. С. 157–199.
18. Юрьев А. «Дон Карлос» Фридриха Шиллера в театральных зеркалах российской истории // Вопросы театра. PROSCAENIUM. 2023. № 1–2. С. 306–367.

References

1. Abakumov O. Yu. *Tret'e otdelenie na strazhe npravstvennosti i blagochiniia. Zhandarmy v bor'be so vziatkami i porokom. 1826–1866 gg.* [The Third Section on guard of morality and decorum. Gendarmes in the fight against bribery and vice. 1826–1866.]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2017. 198 p. (In Russ.).
2. Goyan G. I. *Glikeriia Fedotova: zhizn' i tvorchestvo velikoi russkoi artistki* [Glikeriya Fedotova: the life and work of the great Russian artist]. Moscow; Lenigrad: Iskusstvo, 1940. 399 p. (In Russ.).
3. Danilevsky R. Yu. *Russkii obraz Fridrikha Shillera. K dvukhsotletiiu so dnia smerti poeta* [Russian image of Friedrich Schiller. On the bicentennial of the poet's death] // *Russkaia literatura*. 2005. № 4. P. 3–20. (In Russ.).
4. Danilevsky R. Yu. *Fridrikh Shiller i Rossiia* [Friedrich Schiller and Russia]. St. Petersburg: Pushkinskii Dom, 2013. 651 p. (In Russ.).
5. Durylin S. *Aleksandr Diuma-otets i Rossiia* [Alexandre Dumas père and Russia] // *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 31–32. *Russkaia kul'tura i Frantsiia*. Moscow: Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie, 1937. P. 491–562. (In Russ.).
6. El'nitskaya T. M. *Repertuarnaia svodka* [Repertoire summary] // *Istoriia russkogo dramaticheskogo teatra: v 7 tomakh / redkollegiia: Yu. A. Dmitriev (i dr.)*. Vol. 3. 1826–1845. Moscow: Iskusstvo, 1978. P. 218–338.
7. El'nitskaya T. M. *Repertuarnaia svodka* [Repertoire summary] // *Istoriia russkogo dramaticheskogo teatra: v 7 tomakh / redkollegiia: Yu. A. Dmitriev (i dr.)* Vol. 4. 1846–1861. Moscow: Iskusstvo, 1979. P. 285–418.
8. Zograf N. G. *Malyi teatr vtoroi poloviny XIX veka* [Maly Theatre of the second half of the 19th century]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960. 648 p. (In Russ.).
9. *Istoriia russkogo dramaticheskogo teatra* [History of Russian drama theatre]: v 7 tomakh / redkollegiia: Yu. A. Dmitriev (i dr.). Vol. 2. 1801–1825. Moscow: Iskusstvo, 1977. 648 p.
10. Kartashova D. A. *Vasilii Karatygin v rannikh p'esakh Shillera («Razboiniki», «Kovarstvo i liubov'»)* [Approaching romanticism: Vasily Karatygin in Friedrich Schiller's early plays (Robbers, Intrigue and Love)] // *Vremennik Zubovskogo instituta*. 2020. № 1 (28). P. 95–104. (In Russ.).
11. Kasatkina T. A. *Shiller u Dostoevskogo: Elevsinskie misterii v «Brat'iakh Karamazovykh»* [Schiller in Dostoevsky's works: Eleusinian mysteries in *The Brothers Karamazov*] // *Dostoevsky and World Culture. Philological Journal*. 2019. № 4 (8). P. 68–89. <https://www.doi.org/10.22455/2619-0311-2019-4-68-89> (In Russ.).
12. Kovalev P. A., Strukova T. V. «Dve zagadki» *Fridrikha Shillera v perevode V. A. Zhukovskogo* [“Two Riddles” of Friedrich Schiller in V. A. Zhukovsky's translation] // *Tomsk State University Journal of Philology*. 2017. № 50. P. 188–196. <https://www.doi.org/10.17223/19986645/50/12> (In Russ.).
13. Laskina M. N. P. S. *Mochalov. Letopis' zhizni i tvorchestva* [P. S. Mochalov. Chronicle of life and work]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 2000. 589 p. (In Russ.).
14. Maltsev L. A. *Drama «Don Karlos» F. Shillera v perevode A. Mitskevicha i v kontekste legendy o Velikom inkvizitore F. M. Dostoevskogo* [Don Carlos by F. Schiller in the translation of A. Mickiewicz and in the context of the Legend of the Grand Inquisitor by F. M. Dostoevsky] // *IKBFU's Vestnik. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*. 2018. № 1. P. 79–83. (In Russ.).

15. Smolyan A. O. Pervye perevody i postanovki Shillera v Rossii [The first translations and productions of Schiller in Russia] // Fridrikh Shiller. Stat'i i materialy / pod obshchei redaktsiei R. M. Samarina i S. V. Turaeva. Moscow: Nauka, 1966. P. 13–41. (In Russ.).
16. Filippova S. A. Shiller na Aleksandriiskoi stsene XIX veka [Schiller on the Alexandrian stage of the 19th century] // Teatral'noe nasledie i sovremennost': materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 255-letiiu Rossiiskogo gosudarstvennogo akademicheskogo teatra dramy imeni A. S. Pushkina i Sankt-Peterburgskoi gosudarstvennoi teatral'noi biblioteki, 10 oktiabria 2011 goda. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2011. P. 166–172. (In Russ.).
17. Shtein A. L. Shiller i Malyi teatr [Schiller and the Maly Theatre] // Fridrikh Shiller. Stat'i i materialy / pod obshchei redaktsiei R. M. Samarina i S. V. Turaeva. Moscow: Nauka, 1966. P. 157–199. (In Russ.).
18. Yuriev A. «Don Karlos» Fridrikha Shillera v teatral'nykh zerkalakh rossiiskoi istorii [Friedrich Schiller's Don Carlos in the theatrical mirrors of Russian history] // Problems of the Theatre. PROSCAENIUM. 2023. № 1–2. P. 306–367. (In Russ.).

Научная статья

УДК 930.85

DOI: 10.24412/2076-9105-2024-456-59-73

Буланова Анастасия Сергеевна

аспирантка

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

anastasiaschar@yandex.ru; ORCID: 0009-0008-7983-1195

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ
В ОБЛАСТИ СОХРАНЕНИЯ АРХИТЕКТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА**

Аннотация. Важным событием второй половины XIX в. стало появление первого в Российском государстве органа по руководству археологическими изысканиями — Императорской археологической комиссии. Ее деятельность имела огромное значение в становлении российской археологии как науки, в развитии реставрационной практики и в формировании мер по охране памятников культуры в России XIX – начала XX в. Работа данного учреждения способствовала исследованию и сохранению важнейших архитектурных древних построек: храма Спаса на Нередице в Новгороде и Спаса на Берестове в Киеве, Успенского собора Московского Кремля, Троицкого собора Ипатьевского монастыря в Костроме, Ферапонтова монастыря и др. Целью данной статьи является изучение процесса создания Императорской археологической комиссии и исследование важнейшего направления деятельности учреждения — вопросов сохранения архитектурных памятников российского государства.

Ключевые слова: Императорская археологическая комиссия, архитектурный памятник, архитектурное наследие, Российская империя, археология, охрана памятников древности, реставрационная деятельность.

Для цитирования: Буланова А. С. Деятельность Императорской археологической комиссии в области сохранения архитектурного наследия Российского государства // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 4 (56). С. 59–73. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2024-456-59-73>

Original article

UDC 930.85

DOI: 10.24412/2076-9105-2024-456-59-73

Bulanova Anastasia S.

Postgraduate student

Moscow City University

Moscow, Russia

anastasiaschar@yandex.ru; ORCID: 0009-0008-7983-1195

**THE ACTIVITIES
OF THE IMPERIAL ARCHAEOLOGICAL COMMISSION
IN THE FIELD OF PRESERVATION
OF THE ARCHITECTURAL HERITAGE
OF THE RUSSIAN STATE**

Abstract. An important event of the second half of the 19th century was the appearance of the first body in the Russian state for the management of archaeological research — the Imperial Archaeological Commission. Her work was of great importance in the formation of Russian archaeology as a science, in the development of restoration practice and in the formation of measures for the protection of cultural monuments in Russia in the 19th – early 20th centuries. The work of this institution contributed to the research and preservation of the most important architectural ancient buildings: the Church of the Savior on Nereditsa in Novgorod and the Savior on Berestov in Kiev, the Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin, the Trinity Cathedral of the Ipatievsky Monastery in Kostroma, Ferapontov Monastery, etc. The purpose of this article is to study the process of creating the Imperial Archaeological Commission and to study the most important area of activity of the institution — the preservation of architectural monuments of the Russian state.

Keywords. Imperial archaeological commission, architectural monument, architectural heritage, Russian Empire, archeology, protection of ancient monuments, restoration activities.

For citation: Bulanova A. S. The activities of the Imperial archaeological commission in the field of preservation of the architectural heritage of the Russian state // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 4 (56). P. 59–73. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2024-456-59-73>

Введение. Императорская археологическая комиссия (далее — Археологическая комиссия, ИАК) была образована 165 лет назад, 15 февраля 1859 г., при Министерстве императорского двора. Ее учреждение стало важным событием второй половины XIX в., так как ознаменовалось появлением первого в Российской империи государственного органа по руководству археологическими изысканиями.

Начиная с XIX в. процесс сохранения культурного наследия приобрел особое государственное и историко-культурное значение. И сегодня, на современном этапе культурного развития Российской государства, обращение

к национальным истокам и сохранение памятников старины является одной из насущных и актуальных проблем. В этой связи изучение процесса сохранения памятников древностей в Российской империи, а именно деятельности первого специализированного археологического государственного учреждения — Императорской археологической комиссии весьма актуально и важно. Комиссия внесла существенный вклад в развитие реставрационных и охранительных процессов и своей практикой заложила основу современной регламентации археологических исследований и охраны памятников России.

В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть историю создания и деятельность Императорской археологической комиссии по изучению и сохранению архитектурных памятников российского государства.

Следует отметить, что долгое время комиссия не была предметом научных исторических исследований; в советский период ее деятельность рассматривалась лишь в рамках общих работ, посвященных развитию российской археологии, процессу охраны археологических и архитектурных памятников в России. Первым же специальным трудом, посвященным отдельно истории создания и деятельности Императорской археологической комиссии, стала вышедшая в 1984 г. статья К. М. Пескаревой и Е. А. Рябикина¹.

В рамках современной историографии научный интерес с главному государственному археологическому учреждению Российской империи возобновился с началом 2000-х гг. Следует отметить статью Р. В. Васильевой², в которой автор исследует общие проблемы истории создания и деятельности Императорской археологической комиссии. Более частные вопросы (структура организации и ее кадровый состав, личность председателя А. А. Боринского и его вклад в развитие комиссии и др.) рассмотрены в статьях и диссертации И. Л. Тихонова³. В трудах историка А. Е. Мусина⁴ детально исследованы отдельные аспекты в истории Археологической комиссии: вклад председателей

¹ Пескарева К. М., Рябинин Е. А. Первое государственное учреждение отечественной археологии (к 125-летию создания Археологической комиссии) // Советская археология. 1984. № 4. С. 229–307.

² Васильева Р. В. Главное археологическое учреждение царской России: Императорская археологическая комиссия. 1859–1917. Записки архивиста // Культурное наследие Российского государства. Вып. II. СПб., 2000. С. 177–187.

³ Тихонов И. Л. Последний председатель Императорской археологической комиссии граф А. А. Бобринский // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова / СПбГУ, Музей истории СПбГУ. СПб., 2003; *Его же*. Императорская археологическая комиссия: структура и кадровый состав // Российская археология. 2009. № 4. С. 5–17; *Его же*. История российской археологии: формирование организационной структуры и деятельность научных центров в Санкт-Петербурге (XVIII – первая четверть XX вв.): дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2013.

⁴ Мусин А. Е. Вопиющие камни. Русская Церковь и культурное наследие России на рубеже тысячелетий. СПб., 2006; *Его же*. О роли личности в археологии. Императорская Археологическая Комиссия на первом этапе своего существования (1859–1882) // Записки Института истории материальной культуры РАН. 2007. № 2. С. 269–286; *Его же*. Церковная старина в современной России. СПб., 2010.

комиссии в развитие ее деятельности, взаимоотношения комиссии с Московским археологическим обществом и Синодом, а также впервые были подробно рассмотрены вопросы, связанные с деятельностью комиссии по изучению и реставрации культовых памятников национального зодчества. Диссертация М. В. Медведевой⁵ посвящена роли Археологической комиссии в исследовании и сохранении средневековых северо-западных отечественных археологических и архитектурных памятников. Работы Г. В. Длужневской⁶ раскрывают плодотворную деятельность Археологической комиссии по организации художественно-археологических экспедиций в Среднюю Азию и Сибирь, а также по созданию обширного комплекса фотоматериалов.

В 2009 г. была опубликована первая коллективная монография, посвященная Императорской археологической комиссии и ставшая событием в развитии отечественной историографии в этой области⁷. В данном труде показаны разные стороны деятельности комиссии: изучение археологических и архитектурных древностей в Российской империи, а также реставрационная и охранительная деятельность. Исследователями введен в научный оборот значительный комплекс ранее неопубликованных архивных материалов. В 2019 г. было опубликовано второе издание монографии⁸, переработанное и дополненное.

Основными источниками по изучению Императорской археологической комиссии являются архивные документы Института истории материальной культуры РАН, законодательные акты, отчеты Археологической комиссии, вышедшие с 1862 по 1918 г., «Известия Императорской Археологической комиссии».

Ход и результаты исследования. У истоков появления Археологической комиссии стояли две ключевые фигуры в области развития отечественной археологии — президент Академии художеств А. Н. Оленин и граф Л. А. Перовский. Еще в 30-е гг. XIX в. А. Н. Олениным была высказана мысль о создании особого учреждения на государственном уровне, в ведение которого находились бы все дела, связанные с археологией: организация и регулирование археологических раскопок на территории Крыма и Кавказа; изучение, описание

⁵ *Медведева М. В.* Изучение и охрана памятников археологии и архитектуры эпохи средневековья Северо-Запада России в деятельности Императорской Археологической Комиссии: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007.

⁶ *Длужневская Г. В.* Императорская археологическая комиссия на службе Российской истории и культуры // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2006. № 4. С. 270–283; *Ее же.* Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб., 2011.

⁷ Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): к 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / науч. ред.-сост. А. Е. Мусин; под общей ред. Е. Н. Носова. СПб., 2009.

⁸ Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы: в 2 т. Т. 1 / науч. ред.-сост. А. Е. Мусин, М. В. Медведева. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2019.

и систематизации памятников древности; решение вопросов, связанных с финансовым обеспечением земельных работ. А. Н. Оленин, работая над проектом создания особого государственного учреждения, предполагал назвать его Археологической комиссией⁹. Однако при жизни археолога его замыслы так и не были реализованы из-за финансовых трудностей, но сама идея создания особого верховного учреждения по вопросам археологии плотно укрепились в общественных и правительственных кругах.

Продолжателем идей А. Н. Оленина выступил граф Л. А. Перовский — одна из ключевых фигур в области российской археологии, почетный член Императорской Академии науки и Императорской Академии художеств, министр внутренних дел. Занимая государственные посты и являясь страстным любителем археологии, Л. А. Перовский «сумел создать небольшой коллектив сотрудников из 11 человек, занимавшихся только археологической деятельностью и состоявших на внештатных должностях при Министерстве внутренних дел»¹⁰. Однако стать главным официальным органом, ведавшим на государственном уровне вопросами археологических изысканий и сохранения памятников древностей, Управлению археологическими розысканиями (так иногда именовался указанный коллектив, созданный Л. А. Перовским) было не суждено. Тем не менее было положено начало работе по созданию единого верховного органа, призванного координировать все вопросы, связанные с организацией археологических розысканий и сохранением найденных исторических памятников.

После смерти Л. А. Перовского его преемником в деле создания специального органа, ведавшего вопросами археологический розысканий в России, выступил граф С. Г. Строганов — государственный деятель, меценат, любитель искусства и археологии, председатель Общества истории и древностей российских при Московском университете. О его назначении упоминается и в дневниковых записях от 1857 г. русского археолога и историка И. Е. Забелина, процитировавшего слова графа: «Государь мне поручил всю археологическую часть, находящуюся в заведывании Перовского, при Кабинете. Я хочу составить Комиссию»¹¹. С. Г. Строгановым был создан проект положения о главной археологической комиссии, который лег в основу утвержденного императором Александром II 15 (2) февраля 1859 г. Положения о создании Императорской Археологической комиссии.

В нем были определены основные цели созданного учреждения: «1) разыскание предметов древности, преимущественно относящихся к отечественной истории... 2) собрание сведений о находящихся в государстве как народных, так и других памятниках древности; 3) ученую оценку открываемых

⁹ Научный архив Института истории материальной культуры РАН (НА ИИМК РАН). Ф. 7. Оп. 1. Д. 11. Л. 150–151, 153–154 об.

¹⁰ Пескарева К. М., Рябинин Е. А. Указ. соч. С. 229.

¹¹ Забелин И. Е. Дневники. Записные книжки. М., 2001. С. 37.

древностей»¹². Для реализации вышеупомянутых целей в Положении были прописаны основные направления деятельности комиссии: проведение земляных раскопок, отслеживание всех открытых предметов древностей, в случае уничтожения остатка древностей или проведения необходимых земляных работ принятие особых археологических мер.

При этом «С. Г. Строганову пришлось не только создавать коллектив профессиональных исследователей, но и искать людей, способных обеспечить их деятельность, а также контролировать процесс археологических исследований и обнаружения случайных находок на территории России»¹³.

В состав Археологической комиссии вошли профессионалы в области истории и археологии¹⁴; на разных этапах ее существования в ней работали видные историки, археологи, архитекторы и реставраторы. Среди членов Археологической комиссии следует выделить барона В. Г. Тизенгаузена. Являясь профессиональным востоковедом, именно он возглавил так называемое восточное направление деятельности комиссии. Почетным членом ИАК являлся историк И. Е. Забелин — крупнейший специалист по изучению средневекового быта России, однако в рамках своего членства в ИАК он занимался изучением скифо-сарматских древностей и способствовал созданию фонда археологических источников по археологии Северного Причерноморья¹⁵ (что отвечало общему направлению деятельности комиссии в период председательства С. Г. Строганова). В составе комиссии работал выдающийся специалист по изучению христианской культуры Н. П. Кондаков, который «занимался исключительно археологическими исследованиями в Керчи (1876, 1878, 1882, 1883, 1885 гг.), на Таманском полуострове и Кубани (1877, 1878, 1880 гг.), под Евпаторией (1887 г.), в Феодосии (1887 г.) и Херсонесе (1888, 1889, 1890)»¹⁶, изучая памятники античной культуры.

Во время председательства в ИАК графа А. А. Бобринского происходило серьезное расширение штата сотрудников: в состав комиссии вошли А. А. Спицын (1892), активизировавший работу комиссии по изучению славянских памятников; академик А. С. Лаппо-Данилевский (1893); директор Петербургского археологического института Н. В. Покровский (1892); архитектор, искусствовед и директор Института гражданских инженеров Н. В. Султанов (1897), проводивший значительные реставрационные работы по спасению архитектурных памятников. Такой высокопрофессиональный состав Археологической комиссии обеспечил успех ее научной и практической деятельности по изучению и сохранению памятников старины.

¹² Высочайшее утвержденное Положение об Императорской Археологической Комиссии // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 34. Отд. 1. 1859 г. СПб., 1861. С. 70.

¹³ Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): к 150-летию со дня основания. С. 40.

¹⁴ Личный состав Императорской Археологической комиссии. СПб., 1898.

¹⁵ Мусин А. Е. О роли личности в археологии. С. 274.

¹⁶ Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): к 150-летию со дня основания. С. 46.

Согласно положению охрана и реставрация памятников старины не входили в перечень задач ИАК. Комиссию интересовали прежде всего скифские и античные памятники: по этой причине она занималась организацией раскопок преимущественно в южных регионах России. В ее обязанности также входили выдача открытых листов на проведение археологических раскопок и «поставка» найденных археологических экспонатов в Эрмитаж. Таким образом, исследование и «возобновление» архитектурного наследия не стало приоритетным и ключевым направлением деятельности комиссии на первых этапах ее существования.

Кроме отсутствия закрепления за ИАК на законодательном уровне роли реставрационного и охранительного органа в области архитектурного наследия свою роль играло и то, что в большей мере дела по культовой архитектуре являлись прерогативой Св. Синода. Так, его указом от 31 декабря 1842 г. было запрещено проводить работы, связанные с обновлением внешнего облика построек: «строго подтвердить впредь во всех памятниках ни к каким обновлениям не приступать без высочайшего разрешения»¹⁷. Особая роль Св. Синода в деле сохранения внутреннего и внешнего облика церкви была закреплена и в Строительном уставе, в котором говорилось: «Воспрещается приступать без Высочайшего разрешения к каким-либо обновлениям в древних церквях и во всех подобных памятниках. Вообще древний как наружный, так и внутренний вид церквей должен быть сохраняем тщательно, и никакие произвольные поправки и перемены без ведома высшей духовной власти не дозволяются»¹⁸.

Помимо Св. Синода, другим государственным органом, в чьи полномочия входил контроль за состоянием памятников старины и который, соответственно, был наделен охранительными функциями в сфере культурного наследия, являлось Министерство внутренних дел. Так, в редакции Строительного устава от 1857 г. в ст. 182 указывалось, что в случае необходимости исправления памятников древности «делается представление Главному управлению путей сообщения для сношения с Министерством внутренних дел, с описанием повреждений и ветхости и с изъяснением, для чего именно исправление нужно»¹⁹.

Наличие данных факторов, в свою очередь, могло быть причиной и объяснением отсутствия интереса со стороны руководства комиссии к сохранению национального архитектурного наследия Российской империи (по крайней мере на начальных этапах существования ИАК). В период председательства С. Г. Строганова дела, связанные с реставрацией и сохранением культовых сооружений, не являлись приоритетными, что определялось личной позицией председателя по отношению к древним церковным постройкам. Это подтверждается ходом реставрации Богоявленского собора в одноименном монастыре

¹⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 17. Отд. 2. 1842. СПб., 1845. С. 288.

¹⁸ Руководственные для православного духовенства указы Святейшего правительствующего синода. 1721–1878 г. М., 1879. С. 386.

¹⁹ Устав строительный // Свод законов Российской империи. Т. 12. Ч. I. Уставы путей сообщения, почтовый, телеграфический, строительный, и пожарный. СПб., 1857. С. 41.

Костромы, церкви Покрова на Нерли и Успенского собора во Владимире. Во всех трех случаях отношение С. Г. Строганова к древним постройкам отличалось полным равнодушием и отсутствием стремления сохранить первоначальный вид постройки при ее реставрации. Так, на сообщении о бедственном положении Богоявленского собора последовал следующий ответ графа: «...плохо сохранившиеся остатки древней живописи от переделок утратили всякое значение. В силу этого собор не может быть признан лучшим памятником древнего искусства, который бы заслуживал специального изучения и издания»²⁰. Ходатайство архиепископа Антония о разрешении реконструкции Успенского кафедрального собора во Владимире также не стало предметом особого интереса со стороны председателя комиссии, который после осмотра здания пришел к выводу, что «собор без особенного для него вреда может быть оставлен в существующем виде»²¹. Что касается церкви Покрова на Нерли, то, по замечанию С. Г. Строганова, «Покровская церковь на Нерли реставрируется местными средствами, а плохо и мало сохранившаяся живопись не имеет особого значения для истории русской иконописи»²². Возможно, следствием данного решения местными церковными властями были проведены внутренние ремонтные работы в церкви, в результате которых древние фрески и стены были покрашены краской, а элементы каменной резьбы частично уничтожены.

Сочетание вышеуказанных факторов: отсутствие на законодательном уровне закрепления за ИАК статуса охранительного учреждения, наличие особых прерогатив у Св. Синода и Министерства внутренних дел в решении вопросов реставрации и обновления архитектурных памятников, а также равнодушного отношения со стороны руководства комиссии к судьбе объектов архитектурного национального достояния — привело к тому, что, по замечанию А. Е. Мусина, «достижения ИАК этого периода ассоциируются прежде всего с достижениями в области античной и скифской археологии. По нашим подсчетам, лишь 4,5 % дел, которыми занималась ИАК в период 1859–1889 гг., были связаны с проблематикой славяно-русской и христианской археологии»²³.

В 1880-е гг. ситуация стала меняться: из главного государственного органа, ведавшего всеми вопросами в области регламентации и систематизации археологических изысканий, Императорская археологическая комиссия постепенно превращается в главное учреждение по сохранению архитектурных памятников старины. Данному процессу способствовали активная позиция графа А. А. Бобринского, ставшего в 1886 г. председателем ИАК, и его личный вклад в расширение полномочий археологического учреждения. А. А. Бобринскому пришлось включиться «в борьбу за превращение комиссии

²⁰ Мусин А. Е. О роли личности в археологии. С. 277.

²¹ Виноградов А. И. История кафедрального Успенского собора в губ. гор. Владимире. Владимир, 1905. С. 81.

²² Цит. по: Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): к 150-летию со дня основания. С. 949.

²³ Мусин А. Е. О роли личности в археологии. С. 272.

из “придворной конторы по добыванию древностей для Эрмитажа” в действительно центральное учреждение российской археологии»²⁴. Благодаря стараниям графа с 1889 г. комиссия стала единственным учреждением, которое выдавало разрешения на раскопки на государственных, городских и крестьянских землях, превратилась в главный координирующий центр отечественной археологии и получила статус одной из главных инстанций по охране памятников Российской империи.

Новый председатель имел совершенно иную позицию в отношении архитектурных памятников старины, особенно культового значения: «Для Алексея Бобринского охрана памятников церковной старины и взаимоотношения с “ведомством православного исповедания” с самого начала стали приоритетным в его деятельности по спасению российской архитектуры»²⁵.

Сохранение проблемы уничтожения или серьезного изменения при реставрации и ремонте памятников архитектуры местными административными и церковными властями требовало незамедлительных законодательных и практических мер. В этих условиях начинало происходить разграничение интересов между Археологической комиссией и Св. Синодом в деле охраны памятников. Несмотря на сложные отношения комиссии с церковными властями, в 1879 г. Св. Синод издал указ, в котором обязал епархиальные власти, «чтобы они не иначе приступали к “поправкам, переделкам и уничтожению памятников”, как по соглашению с ближайшим историческим или археологическим обществом, в первую очередь — с Археологической комиссией»²⁶. Однако данное распоряжение не сразу вступило в силу, лишь благодаря стараниям А. А. Бобринского, его постоянным прошениям в Синод, начиная с 1894 г. в комиссию стали поступать дела от епархиальных властей о разрешении на реставрацию, изменения или вовсе уничтожение культовых сооружений. Интересна динамика данных дел: в 1896 г. в Археологическую комиссию поступило 17 прошений²⁷, а в 1905 г. — уже 48²⁸.

Активная позиция А. А. Бобринского в деле расширения полномочий ИАК обеспечила установление тесных отношений с Министерством внутренних дел, итогом чего было издание циркуляра МВД от 1886 г., согласно которому гражданским губернаторам запрещалось «предпринимать какие-либо археологические раскопки на казенных, церковных или общественных землях без специального разрешения на то Императорской Археологической комиссии»²⁹.

²⁴ Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): к 150-летию со дня основания. С. 110.

²⁵ Мусин А. Е. Вопиющие камни. С. 50.

²⁶ Жуков Ю. Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры, 1917–1920 гг. М., 1989. С. 25.

²⁷ Отчет Императорской Археологической комиссии за 1896 г. СПб., 1898. С. 144–145.

²⁸ Отчет Императорской Археологической комиссии за 1905 г. СПб., 1908. С. 113–116.

²⁹ Циркуляр Министерства внутренних дел гражданским губернаторам «О безусловном воспрещении всякого рода раскопок, кладоискательства и о мерах к сохранению памятников древности» от 27 ноября 1886 г. // Охрана памятников истории и культуры в России. XVIII – начало XX вв. Сборник документов. М., 1978. С. 116–118.

Многолетние старания А. А. Бобринского ознаменовались появлением важнейшего законодательного акта, закрепившего особый статус ИАК. 11 марта 1889 г. императором Александром III было издано Высочайшее повеление, согласно которому Археологическая комиссия получала «исключительное право производства и разрешения раскопок» на всей территории Российской империи, «все учреждения и лица, предполагающие производить подобные раскопки, обязаны, независимо от сношения с начальством, в ведении которых состоят упомянутые земли, входить в предварительное соглашение с Императорскою Археологическою Комиссиею»³⁰, а также предписывалось, что «реставрацию монументальных памятников древности производить по предварительному соглашению с Императорскою Археологическою Комиссиею»³¹. Таким образом, ИАК стала ведущей государственной инстанцией по вопросам изучения и охраны памятников старины.

Появление данного указа во многом было связано и с общим направлением внутренней политики Александра III. Сохранение самодержавия, укрепление позиций православной церкви, достижение всеобщего мира, защита государства от западного влияния и обращение к своим собственным корням — таковы основные направления политики государя. Как писал историк П. А. Зайончковский: «Александр III обладал определенной системой взглядов... Они не выходили за пределы уваровской триединой формулы: “православия, самодержавия и народности”. Оберегать чистоту “веры отцов”, незыблемость принципа самодержавия и развивать русскую народность — таковы основные задачи, которые ставил перед собой новый монарх»³². Указанные принципы правления Александра III неизбежно нашли свое отражение в области культуры, оказав огромное влияние на формирование национальной культурной политики, которая заключалась в том числе и в развитии охранительных тенденций в области исторического наследия Российской империи, главным образом архитектурного.

Итак, начиная с 1890-х гг. ИАК активно реализует охранное и реставрационное направления своей деятельности. Важно отметить, что в начале XX в. в структуре комиссии происходят серьезные изменения: была создана профильная организация — специальная реставрационная комиссия (отдел реставрации и монументальных памятников), ведавшая вопросами реставрации архитектурных памятников на всей территории Российской империи. Возглавил реставрационный отдел архитектор и реставратор П. П. Покрышкин, который в течение многих лет вел колоссальную работу по изучению и сохранению архитектурного богатства России.

Какие же архитектурные памятники стали главными объектами научного интереса и реставрационной деятельности членов ИАК и каковы были итоги работ по их восстановлению и сохранению? Автор данной статьи не ставит

³⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 9. 1889. СПб., 1891. С. 95.

³¹ Там же.

³² Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. С. 300.

задачи изучить все проекты восстановления и сохранения памятников старины, поэтому делает акцент на самых значимых, располагающихся преимущественно в Центральном и Северо-Западном регионах Российской империи.

Главные реставрационные работы проходили в области церковной архитектуры. В число ключевых реставрационных работ комиссии вошли памятники новгородской культовой архитектуры — церковь Спаса на Нередице и Новгородский Софийский собор. Последний занял особое место в деятельности ИАК: «...Вопрос о реставрации этого драгоценного памятника, с которым соединяются заветные и поучительные воспоминания о древнерусской жизни, стал предметом самого заботливого внимания со стороны Императорской Археологической Комиссии...».³³ Реставрация Софийского собора в Новгороде выполнялась архитектором В. В. Суловым. Ему удалось восстановить без изменения прежнего древнего вида основные элементы внешнего декора здания: позакомарные покрытия, своды собора, форму куполов. Примечательно, что в основу своей реставрационной деятельности архитектор положил принцип понимания русского искусства как своеобразного и самобытного, стремясь «воскресить в памяти народа все его воплощенные в искусстве главнейшие святыни, созданные на пути уклада и развития русского государства»³⁴.

Другим важнейшим новгородским реставрационным проектом комиссии стала церковь Спаса на Нередице. Ответственным по реставрационным работам был назначен П. П. Покрышкин. Заслуга реставратора состоит в том, что им были проведены масштабные точные обмеры здания, что позволило передать на чертежах все детали его внешнего вида. Данный метод способствовал не только успешному восстановлению церкви в ее первоначальном виде, но и оказал большое влияние на развитие отечественной методики реставрации. В ходе работ по восстановлению храма П. П. Покрышкиным было отмечено особое своеобразие данного архитектурного памятника и его художественная ценность: «...Я понял, в чем заключается прелесть Новгородских церквей. Эта прелесть — в их простоте и в соразмерной стройности их пропорций, особенно внутренних, много выигрывающих благодаря фрескам, подобно цельному ковру покрывающим сплошь все стены и своды. <...> Простота в искусстве не даром считается признаком великой эпохи, особенно же в христианской религиозной архитектуре»³⁵.

Следует отметить, что к заслугам Императорской археологической комиссии и лично П. П. Покрышкина относятся реставрационные проекты и практические работы по восстановлению построек Ферапонтова монастыря, Троицкого

³³ Материалы по археологии России, издаваемые Императорской Археологической комиссией. № 21. Обсуждение проекта стеной росписи Новгородского Софийского собора. СПб., 1897. С. 4.

³⁴ Сулов В. В. Просветительные задачи охраны памятников древнерусского искусства: докл., чит. в О-ве защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. СПб., 1912. С. 21.

³⁵ Покрышкин П. П. Отчет о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви в 1903 и 1904 года. СПб., 1906. С. 35.

кафедрального собора Ипатьевского монастыря в Костроме, Успенского собора и Собора Спаса на Бору в Московском Кремле.

Объектом внимания ИАК были и фортификационные сооружения. Яркий пример — реставрация Смоленской крепостной стены. Вопрос о судьбе указанного архитектурного объекта был поставлен еще во времена председательства С. Г. Строганова. В конце 1860-х гг. в комиссию поступило прошение от смоленского губернатора о сносе частей крепостной стены, на что председателем ИАК был дан следующий ответ: «Сломке самых ветхих частей Смоленской крепостной стены и некоторых наиболее поврежденных ее башеня со своей стороны препятствий не встречаю»³⁶. Однако в конце 1880-х гг. Императорская археологическая комиссия вновь вернулась к проблеме разрушения крепостной стены в Смоленске. Была создана специальная комиссия по ее сохранению и в начале XX в. проведены реставрационные работы под контролем Н. В. Султанова и П. П. Покрышкина.

В истории реставрационной деятельности комиссии были и дела, связанные с сохранением памятников гражданской архитектуры. К данным объектам можно отнести дворец царевича Дмитрия в Угличе. Автором проекта реставрации и ответственным за проведение восстановительных работ был назначен архитектор Н. В. Султанов, который в 1888 г. после посещения Углича в письме С. Д. Шереметеву сообщал о дворце царевича Дмитрия следующее: «Стены все в трещинах, многие окна и двери заложены, углы ползут и валятся, все внутренние подразделения [носят следы] уничтожения, своды частью обвалились, частью выломаны совсем»³⁷. Участие в реставрационных работах Н. В. Султанова имело решающее значение, поскольку под его руководством, «при достаточно бережном и внимательном отношении к подлинным деталям, был сформирован известный нам образ здания, определена концепция дальнейшего использования». По мнению Н. В. Султанова, лучшее решение — «приспособить его под музей местных древностей», иначе он со временем «оставаясь без поддержки, примет прежний ужасающий вид»³⁸.

Своеобразным подведением итогов реставрационной деятельности комиссии стало составление П. П. Покрышкиным научного труда по материалам всех восстановительных работ — «Обзора деятельности отдела монументальных памятников древности Российской Государственной Археологической Комиссии с 1907 по 1917 по печатным протоколам ее “реставрационных” заседаний и предположения о реорганизации этого отдела»³⁹.

³⁶ Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): к 150-летию со дня основания. С. 950.

³⁷ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2428. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 11.

³⁸ Лууконен Е. Штрихи истории палаты // Угличский государственный историко-архитектурный и художественный музей. URL: https://uglmus.ru/about/publics/shtrihi_k_istorii_palati/ (дата обращения: 06.06.2024).

³⁹ Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): к 150-летию со дня основания. С. 938.

Заслуги ИАК перед Отечеством были высоко оценены российским императором Николаем II, издавшим по случаю 50-летнего юбилея ИАК рескрипт, в котором государь выразил свое высочайшее благоволение перед комиссией: «Мною приятно в настоящий день 50-летнего ее существования подтвердить, что она оправдала постоянное доверие, оказанное ей Моими Предками и Мной... Я вполне уверен, что деятельности Комиссии и впредь будет неизменно стоять на высоте порученного ей ответственного научного дела»⁴⁰.

Заключение. Императорская археологическая комиссия за почти шестьдесят лет своего существования прошла длинный путь от учреждения, деятельность которого ограничивалась розыском, научной оценкой и поставкой в музеи памятников древности, до главного государственного органа, координирующего вопросы реставрации и сохранения культурного наследия России.

Литература

1. Васильева Р. В. Главное археологическое учреждение царской России: Императорская археологическая комиссия. 1859–1917. Записки архивиста // Культурное наследие Российского государства. Вып. 2: Прошлое и современность: Ученые и политики об историческом и культурном достоянии. СПб.: [Б. и.], 2000. С. 177–187.
2. Длужневская Г. В. Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб.: ЭлекСис. 2011. 296 с.
3. Длужневская Г. В. Императорская археологическая комиссия на службе Российской истории и культуры // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2006. № 4. С. 270–283.
4. Жуков Ю. Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры, 1917–1920 гг. М.: Наука, 1989. 301 с.
5. Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. 511 с.
6. Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы: монография: в 2 т. Т. 1 / науч. ред.-сост. А. Е. Мусин, М. В. Медведева. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: ИИМК РАН, 2019. 888 с.
7. Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): к 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / науч. ред.-сост. А. Е. Мусин; под общей ред. Е. Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 1191 с.
8. Медведева М. В. Изучение и охрана памятников археологии и архитектуры эпохи средневековья Северо-Запада России в деятельности Императорской Археологической Комиссии: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. 345 с.
9. Мусин А. Е. Вопиющие камни. Русская Церковь и культурное наследие России на рубеже тысячелетий. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 376 с.

⁴⁰ НА ИИМК РАН. Рукописный отдел. Ф. 1. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 78. Л. 40–41.

10. Мусин А. Е. О роли личности в археологии. Императорская Археологическая Комиссия на первом этапе своего существования (1859–1882) // Записки Института истории материальной культуры РАН. 2007. № 2. С. 269–286.
11. Мусин А. Е. Церковная старина в современной России. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. 456 с.
12. Пескарева К. М., Рябинин Е. А. Первое государственное учреждение отечественной археологии (к 125-летию создания Археологической комиссии) // Советская археология. 1984. № 4. С. 229–307.
13. Тихонов И. Л. Императорская археологическая комиссия: структура и кадровый состав // Российская археология. 2009. № 4. С. 5–17.
14. Тихонов И. Л. История российской археологии: формирование организационной структуры и деятельность научных центров в Санкт-Петербурге (XVIII – первая четверть XX вв.): дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2013. 503 с.
15. Тихонов И. Л. Последний председатель Императорской археологической комиссии граф А. А. Бобринский // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова / отв. ред. А. Д. Столяр. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 95–117.

References

1. Vasil'eva R. V. *Glavnoe arkheologicheskoe uchrezhdenie tsarskoi Rossii: Imperatorskaia arkheologicheskaiia komissiiia. 1859–1917. Zapiski arkhivista* [The main archaeological institution of tsarist Russia: the Imperial Archaeological Commission. 1859–1917. Notes of an archivist] // *Kul'turnoe nasledie Rossiiskogo gosudarstva. Vyp. 2: Proshloe i sovremennost': Uchenye i politiki ob istoricheskom i kul'turnom dostoianii. St. Petersburg: [B. i.], 2000. P. 177–187. (In Russ.).*
2. Dluzhnevskaya G. V. *Arkheologicheskie issledovaniia v Tsentral'noi Azii i Sibiri v 1859–1959 gg. (po dokumentam Nauchnogo arkhiva Instituta istorii material'noi kul'tury RAN)* [Archaeological research in Central Asia and Siberia in 1859–1959 (based on documents from the Scientific Archives of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences)]. St. Petersburg: ElekSis, 2011. 296 p. (In Russ.).
3. Dluzhnevskaya G. V. *Imperatorskaia arkheologicheskaiia komissiiia na sluzhbe Rossiiskoi istorii i kul'tury* [The Imperial Archaeological Commission in the service of Russian history and culture] // *Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2006. № 4. P. 270–283. (In Russ.).*
4. Zhukov Yu. N. *Stanovlenie i deiatel'nost' sovetskikh organov okhrany pamiatnikov istorii i kul'tury, 1917–1920 gg.* [Formation and activities of Soviet bodies for the protection of historical and cultural monuments, 1917–1920.] Moscow: Nauka, 1989. 301 p. (In Russ.).
5. Zayonchkovsky P. A. *Krizis samoderzhaviiia na rubezhe 1870–1880-kh godov* [The crisis of autocracy at the turn of the 1870s–1880s.] Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1964. 511 p. (In Russ.).
6. *Imperatorskaia arkheologicheskaiia komissiiia (1859–1917): istoriia pervogo gosudarstvennogo uchrezhdeniia rossiiskoi arkheologii ot osnovaniia do reformy* [The Imperial Archaeological Commission (1859–1917): history of the first state institution of Russian archeology from the beginning until the reform]: monograph: in 2 vols. Vol. 1 / ed. by A. E. Musin, M. V. Medvedeva. 2nd ed., revised and additional. St. Petersburg: IHMC RAS, 2019. 888 p. (In Russ.).

7. Imperatorskaia Arkheologicheskaiia Komissiiia (1859–1917): k 150-letiiu so dnia osnovaniia. U istokov otechestvennoi arkheologii i okhrany kul'turnogo naslediiia [The Imperial Archaeological Commission (1859–1917): to the 150th anniversary of foundation. At the source of the national archeology and preservation of the cultural heritage] / ed. by E. N. Nosov, A. E. Musin. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2009. 1191 p. (In Russ.).

8. Medvedeva M. V. Izuchenie i okhrana pamiatnikov arkheologii i arkhitektury epokhi srednevekov'ia Severo-Zapada Rossii v deiatel'nosti Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii [Study and protection of medieval archaeological and architectural monuments in the North-West of Russia in the activities of the Imperial Archaeological Commission]: dissertation of the Candidate of Historical Sciences. St. Petersburg, 2007. 345 p. (In Russ.).

9. Musin A. E. Vopiiushchie kamni. Russkaia Tserkov' i kul'turnoe nasledie Rossii na rubezhe tysiacheletii [The crying stones. Russian Church and the cultural heritage of Russia at the turn of millennium]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2006. 376 p. (In Russ.).

10. Musin A. E. O roli lichnosti v arkheologii. Imperatorskaia Arkheologicheskaiia Komissiiia na pervom etape svoego sushchestvovaniia (1859–1882) [On the role of personality in archaeology. Imperial Archaeological Committee during the first stage of its existence (1859–1882)] // Zapiski Instituta istorii material'noi kul'tury RAN. 2007. № 2. P. 269–286. (In Russ.).

11. Musin A. E. Tserkovnaia starina v sovremennoi Rossii [Church antiquity in modern Russia]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2010. 456 p. (In Russ.).

12. Peskareva K. M., Ryabinin E. A. Pervoe gosudarstvennoe uchrezhdenie otechestvennoi arkheologii (k 125-letiiu sozdaniia Arkheologicheskoi komissii) [The first state institution of domestic archeology (to the 125th anniversary of the creation of the Archaeological Commission)] // Soviet Archeology. 1984. № 4. P. 229–307. (In Russ.).

13. Tikhonov I. L. Imperatorskaia arkheologicheskaiia komissiiia: struktura i kadrovyyi sostav [The Imperial Archaeological Commission: structure and personnel] // Russian Archeology. 2009. № 4. P. 5–17. (In Russ.).

14. Tikhonov I. L. Istoriia rossiiskoi arkheologii: formirovanie organizatsionnoi struktury i deiatel'nost' nauchnykh tse ntrov v Sankt-Peterburge (XVIII – pervaiia chetvert' XX v.) [The history of Russian archeology: formation of the organizational structure and activities of scientific centers in St. Petersburg (XVIII – first quarter of the XXth centuries)]: dissertation of the Doctor of Historical Sciences. St. Petersburg, 2013. 503 p. (In Russ.).

15. Tikhonov I. L. Poslednii predsedatel' Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii graf A. A. Bobrinskii [The last chairman of the Imperial Archaeological Commission, Count A. A. Bobrinsky] // Nevskii arkheologo-istoriograficheskii sbornik: k 75-letiiu kandidata istoricheskikh nauk A. A. Formozova / otvetstvennyi redaktor A. D. Stoliar. St. Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU, 2003. 460 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 929 + 94(470)''1894/1917''

DOI: 10.24412/2076-9105-2024-456-74-88

Князев Марк Андреевич

кандидат исторических наук

Университет Лобачевского

гимназия № 136

Нижний Новгород, Россия

kn.mark.nn@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1654-637X

**ДВОРЦОВЫЕ КОМЕНДАНТЫ НИКОЛАЯ II (1896–1917):
ОПЫТ ПРОСОПОГРАФИИ
МАЛОЙ ПРИДВОРНОЙ КОРПОРАЦИИ**

Аннотация. Актуальным направлением современной историографии является изучение истории элит, в том числе составляющих в государствах с монархической формой правления придворное общество (по терминологии немецкого социолога Н. Элиаса). В отечественной литературе эта проблема активно изучается на примере окружения последнего императора Николая II, однако использование большого массива данных дает в результате весьма усредненное представление о придворной элите рубежа XIX–XX вв. Цель представленной работы заключается в ликвидации данной историографической лакуны путем просопографического исследования малой придворной корпорации на примере дворцовых комендантов (руководителей охраны) Николая II. В качестве предмета исследования выступают происхождение, основные этапы карьеры, а также взаимоотношения с монархом назначенцев на этот ответственный пост. Все дворцовые коменданты являлись выходцами из привилегированных сословий (чаще всего дворян), обучались в элитном военно-учебном заведении — Пажеском корпусе — и начинали свой карьерный путь с военной службы. Будущие руководители охраны получали не только достаточную теоретическую подготовку, но и практический опыт участия в войнах с Турцией и Японией. Назначенцы на пост руководителя царской охраны чаще всего имели опыт личного, в том числе и неформального, общения с монархом. Следовательно, основным критерием при определении кандидатуры на пост дворцового коменданта для царя был не опыт охранной деятельности или солидный послужной список, а личное доверие телохранителю. При этом все назначенцы определенное время состояли в свите императора, вступали в должность в чине не ниже генерал-майора и в достаточно зрелом возрасте (в среднем около 45–50 лет). Объединяющим началом во взаимоотношениях царя с его дворцовыми комендантами было не только духовно-религиозное, но и идеологическое единство, проявляющееся в исповедании умеренно-либеральных (консервативно-либеральных) взглядов. Создание коллективного портрета руководителей царской охраны позволяет сделать определенные выводы как о кадровой политике Николая II, так и об особенностях формирования его ближайшего окружения.

Ключевые слова: придворное общество, история элит, просопография, дворцовый комендант, Николай II, П. П. Гессе, Д. Ф. Трепов, В. А. Дедюлин, В. Н. Воейков.

Для цитирования: Князев М. А. Дворцовые коменданты Николая II (1896–1917): опыт просопографии малой придворной корпорации // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 4 (56). С.74–88. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2024-456-74-88>

Original article

UDC 929 + 94(470)“1894/1917”

DOI: 10.24412/2076-9105-2024-456-74-88

Knyazev Mark A.

Candidate of Historical Sciences

Lobachevsky University

Gymnasium № 136

Nizhny Novgorod, Russia

kn.mark.nn@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1654-637X

PALACE COMMANDANTS OF NICHOLAS II (1896–1917): AN EXPERIENCE IN PROSOPOGRAPHY OF THE SMALL COURT CORPORATION

Abstract. A relevant area of modern historiography is the study of the history of elites, including those that make up the “court society” (in the terminology of the German sociologist N. Elias) in states with a monarchical form of government. In Russian literature, this problem is actively studied using the example of the entourage of the last emperor Nicholas II, but the use of a large array of data results in a very average idea of the court elite at the turn of the 19th and 20th centuries. The purpose of this work is to eliminate this historiographical gap through a prosopographical study of a small court corporation using the example of the palace commandants (heads of the guard) of Nicholas II. The subject of the study is the origin, main stages of the career, as well as the relationship with the monarch of those appointed to this responsible post. All palace commandants came from privileged classes (most often nobles), studied at an elite military educational institution — the Page Corps — and began their careers with military service. Future heads of the guard received not only sufficient theoretical training, but also practical experience of participation in wars with Turkey and Japan. Those appointed to the post of head of the tsar’s guard most often had experience of personal, including informal, communication with the monarch. Therefore, the main criterion for determining a candidate for the post of palace commandant for the tsar was not experience in security activities or a solid track record, but personal trust in the bodyguard. At the same time, all appointees were in the emperor’s retinue for a certain time, took office with the rank of no lower than major general and at a fairly mature age (on average, about 45–50 years). The unifying principle in the relationship between the tsar and his palace commandants was not only spiritual and religious, but also ideological unity, manifested in the confession of moderately liberal (conservative-liberal) views. The creation of a collective portrait of the leaders of the Tsar’s guard allows us to draw certain conclusions both about the personnel policy of Nicholas II and about the peculiarities of the formation of his immediate circle.

Keywords: court society, history of the elite, prosopography, palace commandant, Nicholas II, P. P. Hesse, D. F. Trepov, V. A. Dedyulin, V. N. Voeikov.

For citation: Knyazev M. A. Palace commandants of Nicholas II (1896–1917): an experience in prosopography of the small court corporation // *MCU Journal of Historical Studies*. 2024. № 4 (56). P. 74–88. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2024-456-74-88>

Введение. Одним из актуальных направлений современной историографии является изучение истории элит¹. При этом чаще всего в составе элиты выделяют такие составные элементы (субэлиты), как военную, бюрократическую, экономическую и культурную (интеллектуальную)². Тем не менее за рамками этой классификации остается представительная группа, которую условно можно именовать придворной элитой (или обществом). Изучение феномена придворного общества (правда, применительно к истории французской монархии XVII–XVIII вв.) было положено одноименной работой немецкого социолога Н. Элиаса³, а затем в той или иной степени продолжено в ряде других знаковых исследований⁴. Если же говорить об отечественных исследовательских разработках по данной проблеме, необходимо отметить, что в последние десятилетия вышел ряд научных работ, посвященных придворному штату и окружению Николая II⁵. При этом в большинстве исследований характеристика придворного общества последнего российского императора основывается на использовании историко-статистического метода и анализе больших данных (big data). Подобный макроисторический подход, безусловно, эффективен при определении магистральных траекторий формирования придворной элиты и особенностей ее функционирования, однако лишает возможности персонифицированного взгляда на ближайшее окружение царя.

¹ *Ашин Г. К.* Элитология: история, теория, современность. М., 2010; Бухарин С. Н., Малков С. Ю. Эволюция элиты (материалы и исследования). М., 2014; Кислицын С. А. Контрэлиты, оппозиции и фронды в политической истории России. Ростов н/Д, 2009.

² *Евдокимов А. В.* Историческая элитология: проблемы историографии и теории // *Социально-гуманитарное познание: методологические и содержательные параллели*. М., 2019. С. 192.

³ *Элиас Н.* Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с введением: Социология и история. М., 2002.

⁴ *Двор монарха в средневековой Европе*. Вып. 1: Явление. Модель. Среда. М.; СПб., 2001; Уортман Р. С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. М., 2004.

⁵ *Раскин Д. И.* Специализация высшей российской бюрократии XIX – начала XX в.: образование, профессиональный опыт, продвижение по службе // *Из глубины времен*. Вып. 3. СПб., 1994. С. 29–42; *Островский А. В.* Элита российского общества конца XIX – начала XX в.: некоторые проблемы истории и историографии // Там же. С. 8–20; *Куликов С. В.* Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии // *Из глубины времен*. Вып. 11. СПб., 1999. С. 21–108; *Его же.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004; *Его же.* «Революции неизменно идут сверху...»: Падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы // *Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы*. № 11: Смена парадигм: современная русистика. Источники, исследования, историография. СПб., 2007. С. 117–185; *Богданов С. В.* Придворный штат императора Николая II // *Вестник Пермского университета. История*. 2017. № 4 (39). С. 67–77.

Цель данной статьи заключается в ликвидации данной историографической лакуны путем просопографического исследования малой придворной корпорации на примере дворцовых комендантов Николая II (1896–1917). В качестве предмета исследования выступают происхождение, основные этапы карьеры, а также взаимоотношения с монархом руководителей императорской охраны — П. П. Гессе, Д. Ф. Трепова, В. А. Дедюлина, В. Н. Воейкова, — а также исправлявших должность дворцового коменданта — С. С. Озерова, А. В. Олсуфьева, П. Н. Енгальчева и Ю. И. Трубецкого.

Ход и результаты исследования. Должность дворцового коменданта была учреждена в марте 1896 г., когда после смерти бессменного руководителя царской охраны (с 1881 г.), именовавшегося в то время дежурным при его императорском величестве генералом, П. А. Черевина остро встал вопрос о его преемнике на этом посту. В феврале – марте 1896 г. министр императорского двора граф И. И. Воронцов-Дашков подготовил проект преобразования охранного ведомства путем переподчинения его министру двора и устранения поста дежурного генерала. Однако Николай II не только проигнорировал предложения графа, но и учредил взамен прежней должность с новым названием (дворцовый комендант), хотя и с сохранением прежнего ее функционала⁶.

Особое положение дворцового коменданта в придворной элите заключалось в том, что эта должность носила вневедомственный характер, а человек, ее занимавший, назначался на этот пост исключительно императором. Более того, руководитель охраны имел едва ли не исключительное право доступа к монарху, а следовательно, нередко мог выступать в качестве доверенного лица суверена, оказывать влияние на принятие тех или иных решений. Указанные обстоятельства заставляют нас особо пристально посмотреть на происхождение и основные этапы карьеры лиц, которые назначались царем на этот ответственный пост и выступали в качестве «телохранителей империи»⁷. Краткие биографические сведения о восьми начальниках царской охраны представлены в таблице (см. приложение).

Дворцовые коменданты были, как правило, выходцами из дворян (за исключением Ю. И. Трубецкого, представителя княжеского рода) и начинали свой карьерный путь с военной службы. В связи с этим отметим, что будущие руководители императорской охраны получали образование в привилегированном военно-учебном заведении — Пажеском корпусе (за исключением А. В. Олсуфьева, обучавшегося в Московском университете), а П. Н. Енгальчев и В. А. Дедюлин получили и высшее военное образование, окончив Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду. Следовательно,

⁶ Подробнее об этом см.: *Князев М. А.* Назначение генерала П. П. Гессе дворцовым комендантом Николая II (из истории борьбы в придворных верхах Российской империи в 1890-е гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2023. № 4. С. 7–11.

⁷ *Казанцев П. А.* Телохранители Империи (из истории организации охраны первых лиц российского государства) // Вестник архивиста. 2005. № 3 (87). С. 190–206.

не случайно то, что все дворцовые коменданты имели боевой опыт: П. П. Гессе, С. С. Озеров, А. В. Олсуфьев, Д. Ф. Трепов и В. А. Дедюлин были участниками Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.⁸; П. Н. Енгальчев участвовал в подавлении Ихэтуаньского восстания в Китае в 1900–1901 гг.⁹; а Ю. И. Трубецкой принимал участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг.¹⁰ Исключение составляет лишь В. Н. Воейков, в годы войны с Японией занимавший пост товарища председателя Особой комиссии по бесплатному размещению больных и раненых воинов в пределах Санкт-Петербургского военного округа¹¹.

Вступлению в должность руководителя царской охраны предшествовал не только достаточный послужной список кандидатур, но и обязательное личное знакомство императора с будущими назначенцами. Так, знакомство Николая II еще в бытность наследником престола с П. П. Гессе произошло в период командования последним Сводно-гвардейским батальоном (1884–1888), когда генерал учил наследника «ружейным приемам»¹². Доверительные взаимоотношения императора с Д. Ф. Треповым стали складываться, по-видимому, во второй половине 1880-х гг., когда штабс-ротмистр принимал активное участие в организации охраны цесаревича¹³. Первый опыт взаимодействия между будущим царем и В. Н. Воейковым имел место в 1889 г., когда молодой корнет был приглашен к столу цесаревича на *folle journée* (подобие званого ужина) в Царскосельском дворце¹⁴. Даже в случае временного назначения на охранную должность Николай II выбирал тех кандидатов, с кем имел опыт длительного личного общения. Можно полагать, что знакомство С. С. Озерова с самодержцем произошло в 1894–1900 гг., когда генерал в качестве командира Сводно-гвардейского батальона занимался охраной Николая II и его семьи в Царском Селе и Петербурге¹⁵. Надежность А. В. Олсуфьева также не вызывала сомнений у царя, так как в течение 1869–1881 гг. граф состоял в должности адъютанта цесаревича Александра Александровича, будущего императора и отца Николая II¹⁶.

⁸ Руководители государственной охраны России и СССР. Энциклопедическое издание. М., 2018. С. 13, 15, 17, 21, 23.

⁹ *Канищев В. В.* Енгальчев Павел Николаевич // Тамбовская энциклопедия: сайт. URL: https://tambweb.ru/ЕНГАЛЫЧЕВ_Павел_Николаевич?highlight=Енгальчев (дата обращения: 26.08.2024).

¹⁰ Руководители государственной охраны России и СССР. С. 25.

¹¹ Особая комиссия по бесплатному размещению больных и раненых воинов в пределах Санкт-Петербургского военного округа // Энциклопедия благотворительности. Санкт-Петербург. URL: <http://encblagosite.kaisa.ru/showObject.do?object=2853564236> (дата обращения: 03.05.2019).

¹² *Волков А. А.* Около Царской семьи. Париж, 1928. С. 17.

¹³ ГАРФ. Ф. 595. Оп. 1. Д. 10. Л. 3, 7, 10–15.

¹⁴ *Воейков В. Н.* С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя Николая II. М., 1995. С. 52.

¹⁵ Сводно-гвардейский батальон, а ныне Собственный Его Императорского Величества сводный пехотный полк, на службе у Царского трона. СПб., 1909. С. 73–77.

¹⁶ Альманах современных русских государственных деятелей. СПб., 1897. С. 1176; Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е июля 1906 года. СПб., 1906. С. 207.

В 1902–1905 гг., до своего назначения исправляющим должность дворцового коменданта, П. Н. Енгальчев командовал лейб-гвардии Гусарским полком, шефом которого был сам государь¹⁷. Отметим также, что все назначенцы определенное время состояли в свите императора, вступали в должность в чине не ниже генерал-майора и в достаточно зрелом возрасте (в среднем около 45–50 лет).

Обращает на себя внимание тот факт, что из восьми дворцовых комендантов только четверо имели опыт охранной деятельности. При этом непосредственный опыт участия в охране Николая II имели только первые назначенцы — П. П. Гессе и С. С. Озеров, а наличие в послужном списке Д. Ф. Трепова и В. А. Дедюлина опыта командования Отдельным корпусом жандармов не было определяющей характеристикой при их вступлении в должность. Так, в высочайшей беседе с министром двора графом В. Б. Фредериксом царь, подразумевая возможную гибель генерала от рук революционеров, заявил, что «только эта должность может сохранить Трепова в живых»¹⁸. Кандидатура бывшего петербургского градоначальника В. А. Дедюлина была выдвинута премьер-министром П. А. Столыпиным, однако главным критерием при назначении стал не солидный послужной список, а известная аполитичность генерала¹⁹. Таким образом, при выборе нового дворцового коменданта царь руководствовался не только и не столько профессиональными качествами и наличием опыта у кандидата, сколько личным доверием к нему.

Первый дворцовый комендант П. П. Гессе был назначен на пост по тому же принципу, что и прежде, когда вступал в должность начальник охраны (дежурный генерал) его величества, — путем личного назначения императором. Тот же механизм сохранялся и при назначении С. С. Озерова, А. В. Олсуфьева и П. Н. Енгальчева. В связи с разработкой и принятием осенью 1905 г. Положения о дворцовом коменданте²⁰ руководитель царской охраны был переподчинен министру двора и, соответственно, мог вступить на этот пост по представлению руководителя министерства. Тем не менее подобным образом получил назначение только В. А. Дедюлин, в то время как назначение Д. Ф. Трепова и В. Н. Воейкова состоялось исключительно по воле государя (в последнем случае царь отклонил все кандидатуры, предложенные В. Б. Фредериксом)²¹. Это может свидетельствовать о том, что, несмотря на принятие законодательного акта, царь все равно сохранял в своих руках прерогативу назначения на ответственный пост руководителя охраны.

¹⁷ Руководители государственной охраны России и СССР. С. 19.

¹⁸ Мосолов А. А. При дворе Императора. Рига, 1938. С. 126.

¹⁹ Герасимов А. В. На лезвии с террористами. Париж, 1985. С. 82.

²⁰ Положение о дворцовом коменданте. 4 сентября 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. XXV. № 26710. С. 681–682.

²¹ Подробнее о причинах и обстоятельствах назначения последнего дворцового коменданта см.: Князев М. А. К вопросу о причинах назначения генерала В. Н. Воейкова дворцовым комендантом Николая II (1913 г.) // Сборник материалов V Международной научной конференции «Потемкинские чтения» (24–26 марта 2021 года, г. Севастополь). Севастополь, 2021. С. 36–37.

Не лишним будет отметить и то, что все дворцовые коменданты были православного вероисповедания. Конечно, формальная принадлежность к той или иной конфессии еще не может свидетельствовать о степени духовности руководителей охраны. Несомненно, однако, то, что религиозность была одной из важных опор в отношениях царя и его ближайшего окружения. Об этом достаточно ясно свидетельствуют дневниковые записи царя, куда он вносил наиболее важные события в течение дня. Так, 4 апреля 1903 г. совместно с П. П. Гессе и А. В. Олсуфьевым царь нес плащаницу в Страстную пятницу²², а 7 февраля 1915 г. он причащался вместе с В. Н. Воейковым²³. После скоропостижного ухода из жизни В. А. Дедюлина в октябре 1913 г. в письме матери, императрице Марии Федоровне, Николай II писал о том, что «кончина его была истинного христианина»²⁴.

Объединяющим началом между царем и дворцовыми комендантами выступало не только религиозное, но и идеологическое единство. Трудно однозначно оценить, было ли это единство обусловлено действительными взглядами руководителей охраны или они только искусно отражали взгляды суверена, тем не менее большинство дворцовых комендантов исповедовали умеренно-либеральные (или консервативно-либеральные) взгляды. Например, накануне и в начале Первой русской революции П. П. Гессе выступал за достижение соглашения с оппозицией, но в условиях усиления политического террора изменил свою позицию на противоположную²⁵. Подобные либерально-консервативные воззрения имел и Д. Ф. Трепов, наиболее точную и психологически верную характеристику которым дал генерал Г. О. Раух: «Его политические убеждения как-то не вяжутся часто с его деятельностью. Словом, в нем было как будто два человека. При действительной готовности на самые крутые меры и на крайний консерватизм, он, вместе с тем, в душе был, можно сказать, либералом и сочувствовал конституции»²⁶. В. А. Дедюлин, внешне покровительствуя Союзу русского народа и черносотенному движению, с оптимизмом воспринял издание Манифеста 17 октября 1905 г.²⁷ Выступая накануне Февральской революции за ограничение власти монарха и введение «ответственного министерства», последний дворцовый комендант В. Н. Воейков также идентифицировал себя, скорее, как либерала, нежели консерватора²⁸.

²² Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 1: 1894–1904. М., 2011. С. 721.

²³ Там же. Т. 2: 1905–1918. Ч. 2. М., 2013. С. 110.

²⁴ Переписка императора Николая II с матерью — императрицей Марией Федоровной. 1894–1917. М., 2017. С. 922–923.

²⁵ Подробнее см.: *Князев М. А.* Дворцовый комендант П. П. Гессе: основные этапы карьеры и его роль в окружении Николая II (1896–1905 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2021. № 6. С. 90–92.

²⁶ *Раух Г. О.* Дневник // Красный архив. 1926. Т. 19. С. 105.

²⁷ Подробнее о политических взглядах дворцового коменданта см.: *Князев М. А.* Взаимоотношения дворцового коменданта В. А. Дедюлина и правых: идейное единство или взаимовыгодное сотрудничество? // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2023. Т. 8. № 4. С. 46–51.

²⁸ *Князев М. А.* Участие дворцового коменданта В. Н. Воейкова в разработке политического курса в конце 1916 – начале 1917 гг. // XXV Нижегородская сессия молодых ученых

Свое либеральное (или умеренно-либеральное) политическое кредо выражали и временные назначенцы на этот пост. Так, в период подготовки Манифеста 17 октября 1905 г. генерал П. Н. Енгальчев «отстаивал перед императором идею издания именно Манифеста, а не доклада С. Ю. Витте, дабы все либеральные реформы исходили от монарха»²⁹, а Ю. И. Трубецкой был близок к придворной партии, настроенной против императрицы Александры Федоровны и возраставшего, по их мнению, влияния старца Г. Е. Распутина³⁰.

Судя по тому, что для руководителей императорской охраны эта должность становилась последней (как правило, в силу естественного ухода из жизни; в случае с В. Н. Воейковым — по причине падения монархии в России), можно сделать вывод о том, что назначение на этот пост предполагалось как пожизненное. С другой стороны, отставка с поста исправляющего должность дворцового коменданта отнюдь не означала царской немилости, наоборот, карьера этих лиц продолжала свое развитие. Например, С. С. Озеров стал командующим 1-й гвардейской пехотной дивизией, А. В. Олсуфьев — заведующим придворной частью в Москве и начальником Московского дворцового управления, П. Н. Енгальчев со временем возглавил Николаевскую академию Генерального штаба и занимал пост варшавского генерал-губернатора, а Ю. И. Трубецкой в годы Великой войны был начальником 2-й кавалерийской дивизии³¹.

Заключение. Итак, проведенное просопографическое исследование малой придворной группы в лице руководителей императорской охраны на рубеже XIX–XX вв. позволяет нам в общих чертах создать коллективный портрет дворцового коменданта Николая II. Чаще всего на этот пост назначался человек в зрелом возрасте, получивший образование в Пажеском корпусе и успешно продолживший его на практике военной службы. В силу разных причин будущий руководитель царской охраны мог оставить военную стезю и успешно продолжать построение карьеры на гражданской службе. Назначению на пост дворцового коменданта, как правило, предшествовало длительное знакомство с императором, которое, по-видимому, и было основным условием для вступления в должность. Будущий назначенец вступал на пост руководителя охраны в чине не ниже генерал-майора и обычно на момент назначения состоял в императорской свите. Это назначение, в большинстве случаев осуществляемое исключительно по воле императора, открывавшее для человека широкие возможности по взаимодействию с царем, в том числе и в качестве неофициального советника, было пожизненным и чаще всего прекращалось в связи с естественным

(технические, естественные, гуманитарные науки): материалы тезисов и докладов. Нижний Новгород, 2020. С. 395.

²⁹ Енгальчев Павел Николаевич // Куликов С. В. Сергей Юльевич Витте: Статьи для биографической энциклопедии. СПб., 2022. С. 193.

³⁰ Воейков В. Н. С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя Николая II. М., 1995. С. 25, 91.

³¹ Руководители государственной охраны России и СССР. С. 15, 17, 19, 25.

его уходом из жизни. По окончании периода временного нахождения на посту бывшие руководители охраны успешно продолжали службу на других должностях.

Обыгрывая известное выражение о том, что короля играет свита, не будет ошибкой заметить, что нередко и свиту играет король. По сути, назначенцы Николая II на пост дворцового коменданта в силу особой значимости этой должности и близости к царю в определенном смысле представляли собой *alter ego* императора. Таким образом, данное исследование может служить дополнительной характеристикой, позволяющей понять не только специфику кадровой политики Николая II и особенности формирования его ближайшего окружения, но и саму личность последнего самодержца.

Литература

1. Ашин Г. К. Элитология: история, теория, современность: монография. М.: МГИМО-Университет, 2010. 600 с.
2. Богданов С. В. Придворный штат императора Николая II // Вестник Пермского университета. История. 2017. № 4 (39). С. 67–77. <https://www.doi.org/10.17072/2219-3111-2017-4-67-77>
3. Бухарин С. Н., Малков С. Ю. Эволюция элиты (материалы и исследования). М.: Гаудеамус; Академический проект, 2014. 281 с.
4. Двор монарха в средневековой Европе. Вып. 1: Явление. Модель. Среда. М.; СПб.: Алетейя, 2001. 351 с.
5. Евдокимов А. В. Историческая элитология: проблемы историографии и теории // Социально-гуманитарное познание: методологические и содержательные параллели: коллективная монография / под общ. ред. А. В. Грехова, А. Н. Фатенкова. М.: Аквилон, 2019. С. 184–200.
6. Казанцев П. А. Телохранители Империи (из истории организации охраны первых лиц российского государства) // Вестник архивиста. 2005. № 3 (87). С. 190–206.
7. Кислицын С. А. Контрэлиты, оппозиции и фронды в политической истории России. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2009. 538 с.
8. Князев М. А. Взаимоотношения дворцового коменданта В. А. Дедюлина и правых: идейное единство или взаимовыгодное сотрудничество? // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2023. Т. 8. № 4. С. 46–51. <https://www.doi.org/10.25206/2542-0488-2023-8-4-46-51>
9. Князев М. А. Дворцовый комендант П. П. Гессе: основные этапы карьеры и его роль в окружении Николая II (1896–1905 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2021. № 6. С. 78–94.
10. Князев М. А. К вопросу о причинах назначения генерала В. Н. Воейкова дворцовым комендантом Николая II (1913 г.) // Сборник материалов V Международной научной конференции «Потемкинские чтения» (24–26 марта 2021 года, г. Севастополь) / под ред. Г. В. Косова и др. Севастополь: Севастопольский государственный университет, 2021. С. 36–37.
11. Князев М. А. Назначение генерала П. П. Гессе дворцовым комендантом Николая II (из истории борьбы в придворных верхах Российской империи в 1890-е гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2023. № 4. С. 7–11. https://www.doi.org/10.52452/19931778_2023_4_7

12. Князев М. А. Участие дворцового коменданта В. Н. Воейкова в разработке политического курса в конце 1916 – начале 1917 г. // XXV Нижегородская сессия молодых ученых (технические, естественные, гуманитарные науки): материалы тезисов и докладов / отв. за вып. М. А. Савельева. Нижний Новгород: НРЛ, 2020. С. 394–396.
13. Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань: НРИИД, 2004. 472 с.
14. Куликов С. В. Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии // Из глубины времен. Вып. 11. СПб.: [Б. и.], 1999. С. 21–108.
15. Куликов С. В. «Революции неизменно идут сверху...»: Падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. № 11: Смена парадигм: современная русистика. Источники, исследования, историография. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 117–185.
16. Островский А. В. Элита российского общества конца XIX – начала XX в.: некоторые проблемы истории и историографии // Из глубины времен. Вып. 3. СПб.: [Б. и.], 1994. С. 8–20.
17. Раскин Д. И. Специализация высшей российской бюрократии XIX – начала XX в.: образование, профессиональный опыт, продвижение по службе // Из глубины времен. Вып. 3. СПб.: [Б. и.], 1994. С. 29–42.
18. Уортман Р. С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. / пер. с англ. М.: ОГИ, 2004.
19. Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с введением: Социология и история / пер. с нем. А. П. Кухтенкова. М.: Языки славянской культуры, 2002. 368 с.

References

1. Ashin G. K. *Elitologiya: istoriya, teoriya, sovremennost': monografiya* [Elitology: history, theory, modernity: monograph]. Moscow: MGIMO-Universitet, 2010. 600 p. (In Russ.).
2. Bogdanov S. V. *Pridvornyi shtat imperatora Nikolaia II* [The court staff of Emperor Nicholas II] // Perm University Herald. History. 2017. № 4 (39). P. 67–77. <https://www.doi.org/10.17072/2219-3111-2017-4-67-77> (In Russ.).
3. Bukharin S. N., Malkov S. Yu. *Evolutsiya elity (materialy i issledovaniya)* [Evolution of the elite (materials and research)]. Moscow: Gaudeamus; Akademicheskii proekt, 2014. 281 p. (In Russ.).
4. *Dvor monarkha v srednevekovoi Evrope*. Vyp. 1: Iavlenie. Model'. Sreda [The Monarch's Court in Medieval Europe. Part 1: Phenomenon. Model. Environment]. Moscow; St. Petersburg: Aleteia, 2001. 351 p. (In Russ.).
5. Evdokimov A. V. *Istoricheskaia elitologiya: problemy istoriografii i teorii* [Historical elitology: problems of historiography and theory] // *Sotsial'no-gumanitarnoe poznanie: metodologicheskie i sodержatel'nye paralleli: Kollektivnaia monografiya / pod obshchei redaktsiei A. V. Grekhova, A. N. Fatenkova*. Moscow: Akvilon, 2019. P. 184–200. (In Russ.).
6. Kazantsev P. A. *Telokhraniteli Imperii (iz istorii organizatsii okhrany pervykh lits rossiiskogo gosudarstva)* [Bodyguards of the Empire (from the history of the organization of security for the first persons of the Russian state)] // Herald of an Archivist. 2005. № 3 (87). P. 190–206. (In Russ.).

7. Kislitsyn S. A. Kontrelity, oppozitsii i frondy v politicheskoi istorii Rossii [Counter-elites, oppositions and fronts in the political history of Russia]. Rostov na/D: SKAGS, 2009. 538 p. (In Russ.).

8. Knyazev M. A. Vzaimootnosheniia dvortsovogo komendanta V. A. Dediulina i pravyykh: ideinoe edinstvo ili vzaimovygodnoe sotrudnichestvo? [The relationships between the palace commandant V. A. Dedyulin and the rightists: ideological unity or mutually beneficial cooperation?] // Omsk Scientific Bulletin. Series: Society. History. Modernity. 2023. Vol. 8. № 4. P. 46–51. (In Russ.). <https://www.doi.org/10.25206/2542-0488-2023-8-4-46-51>

9. Knyazev M. A. Dvortsovyi komendant P. P. Gesse: osnovnye etapy kar'ery i ego rol' v okruzhenii Nikolaia II (1896–1905 gg.) [The palace commandant P. P. Hesse: the critical career milestones and the role in the entourage of Nicholas II (1896–1905)] // Moscow University Bulletin. Series 8: History. 2021. № 6. P. 78–94. (In Russ.).

10. Knyazev M. A. K voprosu o prichinakh naznachenii generala V. N. Voeikova dvortsovyim komendantom Nikolaia II (1913 g.) [On the reasons for the appointment of General V. N. Voeikov as the palace commandant of Nicholas II (1913)] // Sbornik materialov V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Potemkinskie chteniia» (24–26 marta 2021 goda, g. Sevastopol') / pod red. G. V. Kosova i dr. Sevastopol: Sevastopol'skii gosudarstvennyi universitet, 2021. P. 36–37. (In Russ.).

11. Knyazev M. A. Naznachenie generala P. P. Gesse dvortsovyim komendantom Nikolaia II (iz istorii bor'by v pridvornyykh verkhakh Rossiiskoi imperii v 1890-e gg.) [The appointment of general P. P. Hesse as the palace commandant of Nicholas II (from the history of the struggle in the court elites of the Russian Empire in the 1890s)] // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. 2023. № 4. P. 7–11. https://www.doi.org/10.52452/19931778_2023_4_7 (In Russ.).

12. Knyazev M. A. Uchastie dvortsovogo komendanta V. N. Voeikova v razrabotke politicheskogo kursa v kontse 1916 – nachale 1917 gg. [Participation of the palace commandant V. N. Voeikov in the development of the political course in late 1916 – early 1917] // XXV Nizhegorodskaya sessiia molodykh uchenykh (tekhnicheskie, estestvennye, gumanitarnye nauki): materialy tezisov i dokladov / otv. za vyp. M. A. Savel'eva. Nizhny Novgorod: NRL, 2020. P. 394–396. (In Russ.).

13. Kulikov S. V. Biurokraticheskaya elita Rossiiskoi imperii nakanune padeniia starogo poriadka (1914–1917) [Bureaucratic elite of the Russian empire on the eve of the fall of the old order (1914–1917)]. Ryazan: NRIID, 2004. 472 p. (In Russ.).

14. Kulikov S. V. Vysshaya tsarskaya biurokратиia i Imperatorskii dvor nakanune padeniia monarkhii [The Highest Tsarist Bureaucracy and the Imperial Court on the Eve of the Fall of the Monarchy] // Iz glubiny vremen. Vyp. 11. St. Petersburg: [B. i.], 1999. P. 21–108. (In Russ.).

15. Kulikov S. V. «Revolutsii neizmenno idut sverkh...»: Padenie tsarizma skvoz' prizmu elitistskoi paradigmy [“Revolutions invariably come from above...”: The fall of tsarism through the prism of the elitist paradigm] // Nestor. Zhurnal istorii i kul'tury Rossii i Vostochnoi Evropy. № 11: Smena paradigmy: sovremennaya rusistika. Istochniki, issledovaniia, istoriografiia. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2007. P. 117–185. (In Russ.).

16. Ostrovskii A. V. Elita rossiiskogo obshchestva kontsa XIX – nachala XX v.: nekotorye problemy istorii i istoriografii [The elite of Russian society in the late 19th – early 20th century: some problems of history and historiography] // Iz glubiny vremen. Vyp. 3. St. Petersburg: [B. i.], 1994. P. 8–20. (In Russ.).

17. Raskin D. I. Spetsializatsiia vysshei rossiiskoi biurokratii XIX – nachala XX v.: obrazovanie, professional'nyi opyt, prodvizhenie po sluzhbe [Specialization of the highest Russian bureaucracy of the 19th – early 20th centuries: education, professional experience, career advancement] // Iz glubiny vremen. Vyp. 3. St. Petersburg: [B. i.], 1994. P. 29–42. (In Russ.).

18. Uortman R. S. Stsenarii vlasti: mify i tseremonii russkoi monarkhii: v 2 t. [Scenarios of power: Myths and ceremonies in Russian monarchy] / perevod s angliiskogo. Moscow: OGI, 2004. (In Russ.).

19. Elias N. Pridvornoe obshchestvo: Issledovaniia po sotsiologii korolia i pridvornoj aristokratii, s vvedeniem: Sotsiologiya i istoriya [Court society: Studies in the sociology of the king and the court aristocracy, with introduction: Sociology and history] / perevod s nemetskogo A. P. Kukhtenkova. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2002. 368 p. (In Russ.).

Приложение

Таблица

Сведения о дворцовых комендантах Николая II

Ф. И. О., годы жизни, происхождение, вероисповедание	Образование	Основные этапы карьеры до вступления в должность, воинское звание на момент вступления в должность	Возраст на момент назначения, период пробывания на посту	Дальнейшее развитие карьеры
П. П. Гессе (1846–1905), из потомственных дворян Киевской губернии, православный	Пажеский корпус	Служба в лейб-гвардии Преображенском (1864–1882) и лейб-гренадерском Эриванском (1882–1883) полках; командир СГБ (1884– 1888); комендант ИГК (1888–1896); генерал- майор (1888); назначен в свиту его величества (1899)	50 лет 21.03.1896 – 10.06.1905	–
С. С. Озеров (1852–1920), из дворян Московской губернии, православный	Пажеский корпус	Служба (1871–1888) и командование (1900– 1904) лейб-гвардии Преображенским полком, командир СГБ (1888–1900), состоял в рас- поряжении дворцового коменданта (1905), генерал-майор свиты его величества (1899)	52 года 11.06.1905 – 24.07.1905	Командующий 1-й гвардейской пе- хотной дивизией (1905–1906); в от- ставке (1906–1912); восстановление на службе в том же чине (1912– 1917); произведен в чин генерал-лей- тенанта (13.04.1917) с увольнением по болезни от службы; скончался в 1920 г.
А. В. Олсуфьев (1843–1907), из дворян, православный	Московский университет (общее), на службе (военное)	Служба в лейб-гвардии Конной артиллерии (1865–1869); адъютант цесаревича Александра Александровича (1869–1881); начальник канце- лярии (1885–1895) и помощник командующего (1895–1905) ИГК; назначен в свиту его вели- чества (1891) и генерал-адъютантом к его вели- честву (1896); генерал-лейтенант (1899)	62 года 25.07.1905 – 03.09.1905	Заведующий придворной частью в Москве и начальник Московского дворцового управления (с октября 1905 г. и, по-видимому, до смерти в марте 1907 г.)

<p>П. Н. Енгалычев (1864–1944), из дворян, православный</p>	<p>Пажеский корпус, НАГШ</p>	<p>Служба в 1-й гвардейской пехотной дивизии (1890–1892); военный агент в Берлине (1894–1901); командование лейб-гвардии Гусарским полком (1902–1905); генерал-майор свиты его величества (1905)</p>	<p>41 год 06.09.1905 – 25.10.1905</p>	<p>Состоял в распоряжении командующего ИГК (1905–1914); начальник НАГШ (1914); начальник штаба 6-й армии (1914); варшавский генерал-губернатор (1914–1915); уволен со службы по прошению (1917); эмигрировал и скончался в 1944 г.</p>
<p>Д. Ф. Трепов (1865–1906), из дворян, православный</p>	<p>Пажеский корпус</p>	<p>Служба в лейб-гвардии Конном полку (1874–1896); московский обер-полицейстер (1896–1905); петербургский генерал-губернатор, товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией и командующий ОКЖ (1905); генерал-майор (1900); назначен в свиту его величества (1903)</p>	<p>49 лет 26.10.1905 – 02.09.1906</p>	<p>–</p>
<p>В. А. Дедюлин (1858–1913), из дворян, православный</p>	<p>Пажеский корпус, НАГШ</p>	<p>Служба в лейб-гвардии Уланском полку, затем в штабах 10-го армейского корпуса (1883–1884) и 23 пехотной дивизии (1884–1885); заведующий передвижением войск по железным дорогам и водным путям Петербурго-Динабургского района (1885–1898); помощник начальника отдела Главного штаба по передвижению войск и военных грузов (1898–1900); начальник отдела Управления военных сообщений (1900–1903); начальник штаба ОКЖ (1903–1905); Санкт-Петербургский градоначальник (1905); командующий ОКЖ (1905–1906), генерал-майор (1900); назначен в свиту его величества (1906)</p>	<p>48 лет 03.09.1906 – 26.10.1913</p>	<p>–</p>

Продолжение и окончание таблицы

Ф. И. О., годы жизни, происхождение, вероисповедание	Образование	Основные этапы карьеры до вступления в должность, воинское звание на момент вступления в должность	Возраст на момент назначения, период пробывания на посту	Дальнейшее развитие карьеры
Ю. И. Трубецкой (1866–1926), из княжеского рода, православный	Пажеский корпус	Служба в лейб-гвардии Конном полку, состоял в распоряжении главнокомандующего на Дальнем Востоке (1904–1906); командование Собственным Его Императорского Величества конвоем (1906–1914); генерал-майор свиты его величества (1907); генерал-лейтенант (1913)	46 лет 27.10.1913 – 23.12.1913	Помощник командующего ИГК (1914); начальник 2-й кавалерийской дивизии (1914–1917); в 1918 г. эмигрировал и скончался во Франции в 1926 г.
В. Н. Воейков (1868–1947), из дворян, православный	Пажеский корпус	Служба в Кавалергардском полку (1887–1905); командование лейб-гвардии Гусарским полком (1907–1913); главнонаблюдающий за физическим развитием народонаселения Российской империи (1913); генерал-майор с зачислением в свиту его величества (1909)	45 лет 24.12.1913 – 05.03.1917	Арестован по приказу Временного правительства (марг – сентябрь 1917 г.); эмигрировал в 1918 г. и скончался в Швеции в 1947 г.

Примечание: СГБ — Сводно-гвардейский батальон; ИГК — Императорская главная квартира; НАГШ — Николаевская академия Генерального штаба; ОКУЖ — Отдельный корпус жандармов.

Научная статья

УДК 94(47).083

DOI: 10.24412/2076-9105-2024-456-89-101

Иванов Андрей Александрович

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

andrey.a.ivanov@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-6438-5200

**ДЖЕНТЛЬМЕН С ПОВАДКАМИ ЗМЕИ:
СОВРЕМЕННОКИ О ДУМСКОМ ДЕБЮТЕ
ВАСИЛИЯ ШУЛЬГИНА**

Аннотация. Статья, основанная преимущественно на материалах периодической печати и источниках личного происхождения, посвящена восприятию современниками известного русского правого политика, депутата II–IV Государственной думы от Волынской губернии В. В. Шульгина (1878–1976) в период, когда его парламентская карьера только начиналась. В статье представлен ряд свидетельств современников о думском дебюте Шульгина, который состоялся в 1907 г., когда 29-летний начинающий политик впервые переступил порог Таврического дворца. Показана трансформация образа Шульгина, который в начале представлялся большинству журналистов заурядным провинциальным деятелем, но за считанные месяцы работы II Государственной думы превратился в яркого, узнаваемого парламентария и всероссийскую знаменитость. Значительная часть свидетельств современников Шульгина впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: В. В. Шульгин, Государственная дума, думские скандалы, Таврический дворец, российский парламентаризм, российская пресса, периодическая печать.

Для цитирования: Иванов А. А. Джентльмен с повадками змеи: современники о думском дебюте Василия Шульгина // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 4 (56). С. 89–101. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2024-456-89-101>

Original article

UDC 94(47).083

DOI: 10.24412/2076-9105-2024-456-89-101

Ivanov Andrey A.

Doctor of Historical Sciences, Professor

Saint-Petersburg State University

Saint Petersburg, Russia

andrey.a.ivanov@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-6438-5200

**A GENTLEMAN WITH THE HABITS OF A SNAKE:
CONTEMPORARIES ON VASILY SHULGIN'S DUMA DEBUT**

Abstract. The article, mainly based on periodical materials and sources of personal origin, is devoted to the perception by contemporaries of the famous Russian right-wing politician, deputy of the State Duma II–IV of the State Duma from Volyn province V. V. Shulgin (1878–1976) during the period when his parliamentary career was just beginning. The article presents a number of contemporary testimonies about Shulgin's Duma debut, which took place in 1907, when the 29-year-old aspiring politician first crossed the threshold of the Tauride Palace. The transformation of the image of Shulgin is shown, who at the beginning seemed to most journalists to be an ordinary provincial figure, but in a few months of work of the II State Duma turned into a bright and recognizable parliamentarian and an All-Russian celebrity. A significant part of the evidence of Shulgin's contemporaries is being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: V. V. Shulgin, the State Duma, Duma scandals, the Tauride Palace, Russian parliamentarism, the Russian press, periodicals.

For citation: Ivanov A. A. A gentleman with the habits of a snake: contemporaries on Vasily Shulgin's duma debut // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 4 (56). P. 89–101. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2024-456-89-101>

Введение. Имя Василия Витальевича Шульгина (1878–1976), прожившего долгую и удивительно богатую на события жизнь, не принадлежит к числу забытых. Являясь одним из самых ярких депутатов Государственной думы Российской империи, талантливым публицистом, видным политическим деятелем Белого движения и эмиграции, он неизбежно привлекал к себе внимание современников и историков. Ему посвящены десятки статей и отдельные тематические сборники¹, о нем написаны научные монографии² и научно-популярные книги³, переиздается его публицистическое

¹ Владимирские дни и годы В. В. Шульгина / сост. М. Коншин. Владимир, 2007; Шульгинские чтения: сборник материалов 2017–2019 гг. Владимир; Саратов, 2020.

² Бабков Д. И. Государственные и национальные проблемы в мировоззрении В. В. Шульгина в 1917–1939 годах. М., 2012.

³ Рыбас С. Ю. Василий Шульгин: Судьба русского националиста. М., 2014.

наследие⁴. Однако полной научной биографии, подробно освещающей все стороны жизни этого неординарного политика, еще не написано, и многие сюжеты его долгой и непростой жизни все еще требуют изучения. Одним из таких сюжетов является восхождение Шульгина на политический Олимп и превращение его из провинциального и мало кому известного деятеля во всероссийскую знаменитость.

Ход и результаты исследования. Политическая карьера Шульгина, оказавшаяся долгой и удивительно богатой на события, началась в 1907 г. Именно тогда молодой провинциальный начинающий политик прибыл в столицу Российской империи в качестве депутата II Государственной думы. Многие годы спустя, вспоминая свой приезд в Петербург, волынский помещик писал: «День 20 февраля 1907 года был сумрачный, из тех, которые хорошо описывал Достоевский. Блистательный Санкт-Петербург предстал передо мною на этот раз в сереньком виде. Я трусил на “ваньке” по Шпалерной, по которой шпалерами стояли люди. <...> Знакомых петербуржцам депутатов приветствовали возгласами и рукомаханием. Меня, естественно, никто не приветствовал. Сугубого провинциала, кто мог меня тут знать?»⁵. На фоне более именитых, узнаваемых и колоритных персонажей 29-летний депутат, действительно, затерялся. Публика желала поглазеть на Ф. И. Родичева, Ф. А. Головина, В. М. Пуришкевича, П. А. Крушевана, Г. А. Алексинского, священника Г. С. Петрова и других знаменитостей⁶. Киевский журналист Д. И. Заславский, ставший впоследствии автором первой книги о Шульгине, вспоминал: «Имя нового депутата не было известно: Шульгин, волынский помещик, сотрудник “Киевлянина” — и только»⁷. Вспоминая свои впечатления, Шульгин писал: «...Я попал в водоворот депутатов в так называемом Круглом зале, увидел величественные колонны Екатерининского зала и наконец вошел в святая святых — зал заседаний пленума Государственной думы. Он напомнил мне университетскую аудиторию, только в грандиозном масштабе. <...> Сказать по правде, таких залов я еще не видел»⁸.

«Биржевые ведомости», давая характеристику молодому Шульгину, иронично писали: «Человек маленького роста⁹, физически едва сложившийся, а духовно...

⁴ См., например: *Шульгин В. В.* Россия в 1917 году: избранные работы / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. В. Репников. М., 2020; *Его же.* «Белые мысли». Публицистика 1917–1920 гг. / сост., науч. ред., авт. вступ. ст. и коммент. А. А. Чемакин. М., 2020; *Его же.* «Имя русское». Публицистика 1921–1939 гг. / сост., науч. ред., авт. вступ. ст. А. А. Чемакин, авт. коммент. А. А. Чемакин и Е. О. Ковалева. М., 2023 и др.

⁵ *Шульгин В. В.* Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. 46–47.

⁶ Петербург, 20. II // Утро. 1907. 21 февраля; Около Думы. На улицах в день открытия // Утро. 1907. 23 февраля.

⁷ *Заславский Д.* Рыцарь черной сотни В. В. Шульгин. Л., 1925. С. 19.

⁸ *Шульгин В. В.* Годы. Дни. 1920. С. 47.

⁹ Здесь автор допустил ошибку. Как следует из анкеты арестованного Шульгина, заполненной в 1945 г., политик был высокого роста (от 171 до 180 см). См.: Тюремная одиссея Василия Шульгина: Материалы следственного дела и дела заключенного / сост., вступ.

впрочем, это знают сами читатели. По фигуре — совсем мальчик. Румянец во всю щеку. Большие голубые глаза с выражением васнецовского “Адама до грехопадения”. Иногда, в минуты, когда оратор пытается иронизировать, глаза приобретают не только то выражение, которое было у прародителя уже после грехопадения, но и блещут искорками, скорее свойственными тому, кто ввергнул в искушение и Еву, и Адама. Большие пушистые усы, не гармонирующие с тонким, детским овалом лица. Кажется, будто они наклеены. Так и хочется сказать: “бросьте этот маскарад: берите мяч и идите на лужайку. Что вам Дума, что вы Думе?”¹⁰.

По собственному признанию, начало ораторской карьеры Шульгина было весьма бледным¹¹. Из немногочисленных правых депутатов II Думы внимание прессы первоначально привлекли к себе В. М. Пуришкевич, П. Н. Крупенский, граф В. А. Бобринский и П. А. Крушеван¹². Оппозиционные газеты, уделявшие на своих страницах немало внимания характеристике правых ораторов, в первый месяц думской работы часто обходили Шульгина стороной. «Как ораторов — правых слушают, — отмечал корреспондент “Киевской мысли”. — Складно говорит Пуришкевич и Бобринский; даже Крупенский может сказать несколько десятков слов о правде и истине»¹³. Однако про Шульгина в заметке о правых депутатах не было сказано ни слова. Для многих журналистов он пока был лишь «ставленником», «воспитанником киевского черносотенника» и пасынком Д. И. Пихно¹⁴ — редактора влиятельной правой газеты «Киевлянин» и на тот момент куда более известного, чем Шульгин. Так, например, «Биржевые ведомости» писали: «...Говорит Шульгин (воспитанник и пасынок киевского Пихно), еще совсем молодой человек, в начале, видимо, смущенный, подыскивает выражения, временами сбивается, но в конце вполне овладевает своею ролью...»¹⁵. А в другой публикации той же газеты отмечалось, что если «у старого Пихно есть эрудиция, большой житейский опыт, казуистическая

ст. В. Г. Макарова, А. В. Репникова, В. С. Христофорова. М., 2010. С. 140. Высокий рост Шульгина заметен и на групповых фотографиях. Режиссер Ф. М. Эрмлер, снявший с Шульгиным фильм «Перед судом истории» (1965), вспоминая первую свою встречу с ним, отмечал: «...Навстречу мне поднялся высокий старик с белой бородой» (Цит. по: Пученков А. С. «Историк» против Василия Шульгина: о фильме «Перед судом истории» Фридриха Эрмлера (1965) // Русский сборник. Т. 10. М., 2011. С. 362).

¹⁰ *Лель [Гаккебуш М. М.] Наши депутаты. (Незлюбивые портреты). Шульгин // Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 1907. 5 (18) апреля.*

¹¹ *Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920. С. 56.*

¹² *Думский день // Речь. 1907. 21 февраля; Немирович-Данченко В. 1) По поводу. Боевой день второй Думы // Русское слово. 1907. 15 (28) марта; 2) По поводу. Боевые дни новой Думы // Русское слово. 1907. 16 (29) марта; Космополит. Думские письма // Киевская мысль. 1907. 28 февраля; Вергежский А. [Тыркова-Вильямс А. В.] Правые // Речь. 1907. 9 марта.*

¹³ *Космополит. Думские письма // Киевская мысль. 1907. 19 марта.*

¹⁴ *Немирович-Данченко В. По поводу. Боевые дни новой Думы // Русское слово. 1907. 16 (29) марта; Заседание Государственной думы. 12 марта // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1907. 13 (20) марта; Выходка г. Шульгина // Петербургский листок. 1907. 18 (31) мая.*

¹⁵ *Заседание Государственной думы. 12 марта // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1907. 13 (20) марта.*

изошренность», то у «молодого Шульгина взамен этого имеется лишь пылкость юноши-неофита... <...> Шульгин — не второй Пихно, и даже не Пихно-второй. Это — “пихненко”. Из гимназистов он уже вырос, а в жандармы еще не попал»¹⁶. Иронизируя над ораторскими способностями волынского депутата, «Биржевые ведомости» писали: «Когда он говорит с думской кафедры, он сбивается на разные тона и нельзя поручиться, чем он кончит: пошлой слащавостью, уместной при приглашении волынских поповен на кадрили, или дерзостью, большой и мерзопакостной, так не идущей этим улыбающимся розовым губам. Не то он с манерностью провинциального льва подаст вам цветок, не то опрокинет на вас ассенизационную бочку»¹⁷.

Поначалу над Шульгиным посмеивались, не воспринимая молодого парламентария всерьез. Враждебно настроенная к правым «Киевская мысль» разместила следующее четверостишие: «Шульгин... Он не дегенерат, / Знаеток России, “Гранд-Отеля”, / Он превосходный депутат... / Сегодня первое апреля!»¹⁸. «Когда в первый раз я, взобравшись на трибуну, обратил на себя неблагосклонное внимание “черты оседлости”, — вспоминал Шульгин, — меня описали примерно так: “Выступает какой-то Шульгин. Испитое лицо, хриплый голос, тусклые глазенки, плохо сшитый сюртук. Он напоминает приказную строку старого строя»¹⁹. Все это вызывало у начинающего политика и его близких недоумение. Д. И. Пихно утешал Шульгина: «Ты не пьешь, откуда же испитое лицо? Голос не хриплый, но слабый. А вот плохо сшитый сюртук — это уже лишнее. Зачем оскорблять Вильчковского? Он лучший портной в Киеве»²⁰. Отмечая, что эти слова его несколько утешили, Шульгин вместе с тем признавал: «Но все же в данной мне характеристике было и нечто от истины. Не испит я был, а истомлен. Голос от природы у меня плох, но здесь он и еще подался. А что касается сюртука, то хотя Вильчковский был хороший портной, но я-то был провинциал и не умел носить его по-столичному»²¹.

На тихий голос правого политика и его вкрадчивую манеру говорить обращали внимание многие. «Сегодня на сцену выступил Шульгин со своим вкрадчивым тихим голосом», — писала в марте 1907 г. кадетская «Речь»²². «...На трибуне правейший из правых, Шульгин, помещик Волынской губ. Жеманно растягивая слова, подражая пижонам из высшего света, он говорит слащаво и тихо. На выкрики “громче” не обращает внимания. Он по-прежнему небрежно роняет слова, временами рассматривает свой жилет...»²³. Писатель, путешественник и журналист

¹⁶ Лель [Гаккебуш М. М.] Наши депутаты. (Незлюбивые портреты). Шульгин.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Гарольд. Арабески // Киевская мысль. 1907. 1 апреля.

¹⁹ Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920. С. 66.

²⁰ Там же. С. 66–67.

²¹ Там же. С. 67.

²² Государственная дума: бесплатное приложение к газете «Речь» и «Реформа» // Речь. 1907. 27 марта (9 апреля).

²³ Дядя Ваня. Письма из Государственной думы // Утро. 1907. 30 марта.

Василий Немирович-Данченко, откликаясь на одну из речей волынского депутата, написал о Шульгине, «шипящем как змея»²⁴. К этому сравнению Немирович-Данченко возвращался в своих думских зарисовках неоднократно. Называя Пуришкевича «истерическим скакуном», а графа Бобринского «беснующимся мягкотелым барином», в отношении Шульгина известный публицист писал, что тот, нападая в своей речи на писателя-демократа В. Г. Короленко, делал это с «ласковым змеиным шипением»²⁵. Сравняя Шульгина с депутатом-большевиком Г. А. Алексинским, Немирович-Данченко отмечал: «Его (Шульгина. — А. И.) откровенность соответствовала такой же Алексинского. Но у первого она была цинизмом торжествующего палача, у второго — смелым вызовом бойца, показывающего всем: вот я, и вот мое оружие. У Алексинского было остроумие, которого лишены вожди правой. В этом хилом и бледном теле — необычайная бодрость и столько насмешливой язвительности, что змее Шульгину, разумеется, не справиться с этой рысью»²⁶. От статьи к статье все больше увлекаясь Шульгиным, Немирович-Данченко давал 17 марта оратору крайней правой партии такую характеристику: «Последовательнее всех Шульгин. Вот уж, доложу вам, мамочка с Лысой горы. Там, одесную Вельзевула, ей уготовано почетное место. <...> Когда этот оратор шипел *mezza-voce*²⁷, выгодно отличаясь своими полутонами от благих матов своих товарищей, я смотрел на гр. Бобринского, понимает ли тот, что говорит его Смердяков (у нас любят ссылаться на Достоевского). Нет, Карамазов не только не понял, но даже чуть не обнял возвращавшегося любителя пыток и виселиц»²⁸.

Депутат-кадет И. В. Гессен, вспоминая II Думу и сравнивая Шульгина с ярким оратором-социалистом И. Г. Церетели, писал про волынского депутата: «...Противовесом Церетели служил на правом крыле В. В. Шульгин — тоже с осторожными размеренными движениями, отчетливо, на слова разделенной речью, произносимой вкрадчивым буравящим голоском, напоенной ядом и приправленной змеиной улыбкой, которая замирала на тонко очерченном, как бы окаменевшем лице»²⁹. На те же отличительные характеристики оратора-Шульгина обращал внимание и журналист С. И. Варшавский. В конце марта 1907 г. он констатировал: «Мы уже знакомы с этим милым джентльменом.

²⁴ Немирович-Данченко В. По поводу. Боевой день второй Думы // Русское слово. 1907. 15 (28) марта.

²⁵ Хроникер газеты «Русь», описывая манеру выступления Шульгина, использовал почти те же самые слова: «Шульгин сказал, вернее прошипел, змеиную речь». (Цит. по: Среди газет и журналов // Новое время. 1907. 14 (27) марта).

²⁶ Немирович-Данченко В. По поводу. Боевые дни новой Думы // Русское слово. 1907. 16 (29) марта.

²⁷ *Mezza voce* — вполголоса (*итал.*), тихое, неполное звучание голоса, особый прием вокального исполнения.

²⁸ Немирович-Данченко В. По поводу. Боевые дни новой Думы // Русское слово. 1907. 17 (30) марта.

²⁹ Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Т. 22. Берлин, 1937. С. 250.

Вчера он опять шептал, ползал и извивался. Он говорил так тихо, что временами срывались нервные протесты: “Громче, да громче же!..” <...> Но этот человек не может говорить громко»³⁰. «Русскому слову» вторила кадетская «Речь». Описывая думские выступления правых 12 марта 1907 г., газета отмечала: «Сегодня они выступают без конца и выступают с исключительной энергией. Шульгин — чрезвычайно вкрадчивым тоном, Пуришкевич — неугомонная трещотка и Крушеван — медная труба — решительно высказываются за сохранение военно-полевых судов...»³¹. Заславский так характеризовал Шульгина: «...Вторая Государственная дума увидела перед собой на ораторской трибуне худощавого и бледного молодого человека с тонкими чертами лица и длинными выхоленными усами, с подчеркнута корректными манерами. Он говорил тихо и медленно, говорил сдержанно...»³²

На страницах сатирического журнала «Барабан», вышедшего весной 1907 г., Шульгин оказался героем одной из карикатур, на которой были изображены двенадцать выдающихся депутатов Думы. Все герои на ней легко узнаваемы, и лишь Шульгин изображен схематично стоящим спиной к зрителю и подписью: «г. Шульгин или “безличный господин”». Помещенная там же эпиграмма поясняла эту характеристику: «За суд он полевой, / Оратор он не пышный, / Репрессий друг большой / И говорит чуть слышно»³³.

Пресса также писала о «сладком», «елейном» и «медоточивом голосе» Шульгина³⁴, обличала его «клоунские выходки» и «наглое издевательство» над политическими противниками³⁵, возмущалась его «провокационными вылазками»³⁶. Оппозиционные газеты писали, что депутат Шульгин «тоном речи, манерой держаться на кафедре, силится подчеркивать свое пренебрежение к Думе»³⁷. Практически все современники сходились на том, что Шульгин как оратор выделялся своими подчеркнута корректными манерами, говорил неторопливо, сдержанно, искренне, почти всегда метко, иронично и ядовито³⁸. Как «сдержанную и язвительную» характеризовал манеру Шульгина кадет

³⁰ *Варшавский С.* Из зала Думы // Русское слово. 1907. 27 марта (9 апреля). Желая укрепить свой голос, Шульгин стал разрабатывать его, распевая перед думскими выступлениями песни под гитару. (См.: *Иванов А. А., Михайлов В. В., Пученков А. С.* В. М. Пуришкевич и В. В. Шульгин: два полюса «черной сотни» // Клио. 2011. № 7 (58). С. 124).

³¹ Думский день // Речь. 1907. 13 марта.

³² *Заславский Д.* Указ. соч. С. 19.

³³ Портретная галерея выдающихся деятелей 2-й Государственной думы // Барабан. 1907. № 4. Стр. без номера.

³⁴ Государственная дума // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1908. 21 марта; В Государственной думе // Петербургский листок. 1907. 4 (17) апреля. Депутат III и IV Государственной думы С. И. Шидловский позже назовет манеру Шульгина «медовым красноречием». (*Шидловский С. И.* Воспоминания. Берлин, 1923. Ч. II. С. 39–40).

³⁵ *Изгоев А. С.* «Господа дворяне!» // Речь. 1907. 30 марта.

³⁶ *Л. Н.* В ложе журналистов // Речь. 1907. 4 апреля.

³⁷ Выходка г. Шульгина // Петербургский листок. 1907. 18 (31) мая.

³⁸ *Иванов А. А., Михайлов В. В., Пученков А. С.* Указ. соч. С. 124; *Репников А. В., Христофоров В. С.* Василий Витальевич Шульгин // Российская история. 2009. № 5. С. 157.

В. А. Маклаков³⁹. Одним из самых искренних и талантливых ораторов правых называл Шульгина председатель II Государственной думы Ф. А. Головин⁴⁰.

Но заставить обратить на себя внимание всей страны и вызвать шквал негодования в оппозиционной прессе у Шульгина получилось лишь спустя полтора месяца после начала работы II Государственной думы. 3 апреля 1907 г., накаляясь, по собственному признанию, от оппозиционных речей, в которых звучали бесконечные обвинения власти в жестокости и зверствах⁴¹, Шульгин взял слово и, обращаясь к левой части думского зала, произнес слова, вызвавшие громкий скандал: «Господа, здесь говорились очень тяжелые, страшные вещи. Говорили о том, чтобы спасти от смерти, и т. д. Я, господа, не буду долгие и прошу вас только чистосердечно ответить на один вопрос. Кто здесь говорит о смерти, о жалости, о милосердии и т. п.; я, господа, прошу вас ответить: можете ли вы мне откровенно и положила руку на сердце сказать: “а нет ли, господа, у кого-нибудь из вас бомбы в кармане?”»⁴²

«Лавры г. Пуришкевича ... не давали ему [Шульгину] спать, — писал, откликаясь на скандальное выступление волынского депутата Немирович-Данченко. — Очевидно, он долго задумывал свой “выход”, и, надо отдать ему справедливость, выполнил его блистательно. В одном только он ошибся: принял Таврический дворец за цирк Чинизелли. В цирке он бы имел несомненный успех, и все его клоуны, несомненно, позавидовали бы более счастливому товарищу. Рукоплескания райка были бы только справедливою наградою этому сопернику Анатолия Дурова. В законодательном собрании это не удалось. Когда он вышел на кафедру и тоном Иудушки Головлева (как он хорошо им гримируется) начал что-то необыкновенно ласковое, тихое, крадущееся, — я обернулся к соседу и говорю: “Сейчас ужалил!”. И, представьте, не успел окончить, а он и ужалил действительно. Оказывается, он и на кафедру вышел для того, чтобы ни к селу, ни к городу, нежно обратиться к левым и скороговоркою, чтобы его не успели остановить, спросить: “А нет ли у кого из вас, левые, бомбы в кармане?”»⁴³. «...На трибуну вползает, как змейка, “язвительный” Шульгин, он завидует славе “неистового Роланда” Пуришкевича, — вторя Немировичу-Данченко отмечало харьковское “Утро”. — Жеманясь, растягивая слова, он начинает фразу медленно, но кончает ее очень быстро, как бы боясь, что ему не дадут ее кончить»⁴⁴. «Г. Шульгин не выступает в качестве неистового Роланда, как выступал несколько дней тому назад г. Пуришкевич, — отмечало “Слово”. — Он не бросает крылатых слов, не подымает голоса, не налетает

³⁹ Маклаков В. А. Вторая Государственная дума. London, 1991. С. 83.

⁴⁰ Воспоминания Ф. А. Головина о II Государственной думе // Исторический архив. 1959. № 5. С. 138.

⁴¹ Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920. С. 63.

⁴² Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв II. Сессия II. СПб., 1907. Стб. 1554.

⁴³ Немирович-Данченко В. По поводу. Боевые дни Думы // Русское слово. 1907. 5 (18) апреля.

⁴⁴ Огнев. Письма из Государственной думы // Утро. 1907. 7 апреля.

на врага с копьем наперевес, а не без ехидства допытывает своих противников, “где” у них “бомба”? Но эффект, производимый этим вопросом, превосходит эффект памятного выступления г. Пуришкевича»⁴⁵. «Киевская мысль» отмечала, что слова свои Шульгин произносил «спокойным тоном, медленно смакуя каждое слово...»⁴⁶. А, по оценке «Биржевых ведомостей», выпад в сторону левых депутатов Шульгин сделал «с гаденькой улыбкой»⁴⁷.

Иначе оценивали выпад Шульгина правые. Депутат II Думы Г. Е. Рейн считал, что «полная сарказмов речь» Шульгина заставила обратить на себя внимание⁴⁸. А публицист «Киевлянина» А. И. Савенко отмечал, что Шульгин, напомнив «думским революционерам, кто они — рыцари бомб и браунингов», «сказал только правду», и сказал ее «в очень корректной манере»⁴⁹.

Несмотря на бурю страстей, поднятых этой непарламентской фразой Шульгина, приведшей к его исключению на одно думское заседание, она в одночасье сделала его знаменитым и из «одного из думских правых»⁵⁰ поставила в один ряд с самыми узнаваемыми депутатами Государственной думы. «Фраза д[епутата] Шульгина непарламентарна, может быть обидна, но она останется гораздо дольше в летописях Думы, чем огромное количество речей, произнесенных не только сегодня, но и в эти два месяца, — отмечало “Новое время”. — Бомбы красноречия, шумевшие в таком изобилии из уст самодуров-революционеров, очевидно, надоумили д. Шульгина спросить, нет ли у кого из крайних левых бомбы в карманах. У них, конечно, не было в кармане бомбы, но те бомбы, которые столько раз разрывались и губили людей, не вызывали еще у них ни слова протеста и, чеканя свои бомбы красноречия, они меньше всего думают устранить те бомбы, которые можно носить в кармане...»⁵¹. Сам же Шульгин, обращаясь к этому скандалу в воспоминаниях, писал: «Я не понимал тогда⁵² и не понимаю

⁴⁵ *Духовецкий Ф. В.* Государственной думе. Заседание (XXI) 3 апреля // Слово. 1907. 4 (17) апреля.

⁴⁶ Государственная дума. Заседание 3 апреля // Киевская мысль. 1907. 4 апреля.

⁴⁷ Заседание Государственной думы. 3 апреля // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1907. 4 (17) апреля.

⁴⁸ *Рейн Г. Е.* Из пережитого: 1907–1918. Т. 2. Берлин, 1935. С. 20.

⁴⁹ *Савенко А. И.* Заметки. ССIV // Киевлянин. 1907. 5 апреля.

⁵⁰ Новая выходка крайних правых // Слово. 1907. 4 (17) апреля.

⁵¹ Бомба д. Шульгина и бомбы красноречия // Новое время. 1907. 4 (17) апреля.

⁵² 25 апреля 1907 г. Шульгин рассказывал на собрании единомышленников, что собирался сказать в Думе следующие слова левым: «Давеча, когда я устроил эту гнусную провокационную выходку по наущению сфер и с благословения всех погромных организаций... вы... подняли такой шум, что я не успел вас спросить: за что вы, собственно, так рассердились, граждане? Скажите, что же обидного для бомбиста в вопросе, есть ли у него бомба в кармане! Ведь это же ваше ремесло, ваша профессия, граждане! Зачем же стыдиться? <...> Ведь вы раз навсегда решили, что для блага России нужно разрушить Россию и путь к этому — бомба, так в чем же дело?! <...> Если бы тогда вместо всего этого гама и шума вы просто спросили меня, а нет ли у меня веревки в кармане, я бы вам ответил, что веревки нет, а есть носовой платок, но из нескольких носовых платков может выйти прекрасная веревка, которая при случае выдержит социал-революционера» (Общее собрание членов Партии правового порядка // Киевлянин. 1907. 26 апреля).

и теперь, в чем было оскорбление. Со мною случилось, как в сказке Андерсена “Новое платье короля”. Мальчик вдруг закричал толпе взрослых лицемеров, восторгавшихся только что сшитым платьем короля: “А король-то голый!” Оскорбление было в блеснувшей, как молния, правде. Ведь я обращался к членам партии эсеров, открыто проповедовавшей террор. Внимая им, их товарищи по партии бросали бомбы»⁵³. Вспоминая реакцию прессы на свое исключение, Шульгин добавлял: «Пока шла процедура голосования, я стоял около кафедры. Я все же был несколько смущен и потому не смотрел в зал, то есть на людей, меня выгонявших. Я рассматривал обручальное кольцо на пальце. Это было замечено в ложе печати, и в одной из газет я прочел: “Во время голосования, подчеркивая свое презрение к представителям народа, Шульгин рассматривал свои холеные ногти”⁵⁴. Пушкин сказал: “Быть можно умным человеком и думать о красе ногтей”... Но это ко мне не относится. Ногти у меня совсем не холеные, а обыкновенные. О чем... сожалею»⁵⁵.

После этого скандала и вызванного им общественного резонанса никто уже не мог говорить и писать о Шульгине как о малоизвестном и неинтересном политике. Полученная слава, равно как и приобретенный парламентский опыт, быстро сделали молодого волынского помещика знаменитостью. Если раньше он терялся на фоне более ярких правых ораторов, то начиная с апреля 1907 г. он был поставлен с ними в один ряд. «Черная сила вороньей стаи, все эти Пуришкевичи, Крушеваны, Шульгины, забравшиеся в Думу и ожидающие ее смерти, чтобы клевать ее труп, — все они, вдруг, почувствовали себя величиной, с которой считаются», — писал 10 апреля журналист «Биржевых ведомостей»⁵⁶. «...Имя Шульгина, — вспоминал Заславский, — стало неразрывно связано с именем Пуришкевича. Оно приобрело огромную и зловещую популярность. <...> ...Его спокойные, хорошо рассчитанные выпады доводили Государственную думу до белого каления. Его слушали внимательно, но с нарастающим беспокойством, с тревожным нетерпением»⁵⁷. Подтверждением этого утверждения является обложка сатирического журнала «Стрела», на которой оба правых депутата были изображены в виде клоунов-эксцентриков⁵⁸. Как и Пуришкевича, Шульгина стали считать скандалистом, провоцирующим

⁵³ Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920. С. 64. О том же писала в «Новом времени» С. Смирнова: «Если бы депутат Шульгин спросил, нет ли у них в кармане молитвенника, их негодование было бы понятно. Но почему они затопали, когда он заговорил о бомбах, решительно не понимаю. Скорее можно было ожидать, что это им польстит, и они любезно ответят, что “на этот раз, извините, забыли с собой захватить”» (Смирнова С. Наши законодатели // Новое время. 1907. 12 (25) мая).

⁵⁴ Харьковское «Утро», к примеру, писало: «А депутат Шульгин стоял спокойно у кафедры с таким видом, как будто дело его совсем не касалось. Все это время он чистил ножом себе ногти» (Огнев. Письма из Государственной думы // Утро. 1907. 7 апреля).

⁵⁵ Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920. С. 66.

⁵⁶ Каменев Л. В кулуарах // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1907. 10 (23) апреля.

⁵⁷ Заславский Д. Указ. соч. С. 19–20.

⁵⁸ Стрела. 1907. № 6.

Думу. «Скандалистом считали и Шульгина, — вспоминал В. А. Маклаков. — В течение 2-ой Думы я делил предубеждение против него и оставался с ним незнакомым»⁵⁹. Но, утверждал подружившийся с ним позже либеральный политик, «Шульгин был полной противоположностью Пуришкевичу⁶⁰: серьезный, отлично собой владевший, превосходный писатель и оратор, несмотря на свой слабый голос. Он ничего не боялся; говорил всегда все, что думал. <...> [Он] сам признался... что 2-ую Думу он “ненавидел”. Его “выходки” против нее не были несдержанностью, как у Пуришкевича; были делаемы язвительно, но хладнокровно»⁶¹. Много лет спустя в письме к Маклакову Шульгин признавался, что, начиная со II Думы, он усвоил манеру разговаривать с «наглецами» «самым презрительным тоном» и, сохраняя хладнокровие, «доводить своих политических противников до неопишуемой ярости»⁶². Пуришкевич посвятил в 1907 г. своему младшему товарищу Шульгину эпиграмму, в которой довольно метко отметил узнаваемые черты волынского депутата: «Твой голос тих, и вид твой робок, / Но черт сидит в тебе Шульгин, / Бикфордов шнур ты тех коробок, / Где помещен пироксилин!»⁶³. А известный русский издатель и публицист консервативных взглядов А.С. Суворин, давая оценку одной из апрельских речей Шульгина, называл ее «блестящей»⁶⁴.

«...Я быстро прогрессировал, — вспоминал Шульгин. — Примерно через месяц, в течение которого меня называли то погромщиком, то психопатом и всякими другими лестными именами, “черта оседлости” писала: “Снова на кафедре Шульгин. Хитро поблескивая глазами херувима, эта очковая змея говорит отменные гадости Государственной думе”. Ясно, что от тусклых глазенок до глаз херувима и от приказной строки до очковой змеи — дистанция огромнейших размеров. А о сюртуке уже ничего не говорили. Через три месяца ложа печати писала: “Говорит всем известный альфонсообразный Шульгин”. “Всем известный...”! Давно ли о нем ронялось презрительно “какой-то” Шульгин?! Альфонсообразный, конечно, выражение оскорбительное. <...> [Но] “альфонсообразный” — это прежде всего подчеркнуто элегантный мужчина. Ложа печати в этом случае дала мне великодушный реванш за “плохо сшитый сюртук”»⁶⁵.

Заключение. Начав свою депутатскую карьеру молодым неизвестным провинциалом, над внешним видом, манерами и ораторскими способностями

⁵⁹ Маклаков В. А. Указ. соч. С. 194.

⁶⁰ Маклаков противопоставлял «кавалерийский наскок Пуришкевича» «подслащенной язвительности Шульгина» (Маклаков В. А. Указ. соч. С. 207).

⁶¹ Маклаков В. А. Указ. соч. С. 194.

⁶² Репников А. В. Василий Шульгин в Государственной Думе // Таврические чтения 2011: Актуальные проблемы истории парламентаризма: сб. науч. статей / под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2012. С. 145–146.

⁶³ Пуришкевич В. М. Галерея современных деятелей. Эпиграммы. Вып. 1. СПб., 1907. С. 65.

⁶⁴ Суворин А. С. Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма (1904–1908). М., 2005. С. 643.

⁶⁵ Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920. С. 66–67.

которого иронизировали, Шульгин за весьма короткий срок, отведенный II Государственной думе (102 дня), превратился в одного из самых ярких и узнаваемых российских парламентариев. То, что раньше многими в его внешности, особенностях поведения и выступлениях воспринималось как недостатки, было обращено им если не в достоинства, то в часть имиджа, который успешно работал на узнаваемость ставшего популярным политика. В этом плане очень наглядны и показательны оценки, данные Шульгину видной деятельницей кадетской партии А. В. Тырковой. В одной из своих заметок, написанных в ходе работы II Думы, она так отзывалась о Шульгине, которого называла «мелко-злостным» и «бессильным»: «С самого появления в Думе этот злобный и ничтожный человек вызвал к себе очень дружное чувство брезгливой неприязни, которое давно уже перешагнуло порог Таврического дворца и распространилось в широких кругах людей, интересующихся Думой. Шульгин не дурак и отлично знает цену собственной репутации»⁶⁶. Однако спустя годы Тыркова вынуждена была признать: «Это был очень культурный киевлянин, молодой, благовоспитанный. Говорил он обдуманно и умело. Самые неприятные вещи Шульгин подносил с улыбочкой. Оппозицию он язвил неустанно и подчас очень зло»⁶⁷. Шульгин научился владеть собой, держаться с большим достоинством, убедительно придерживаться образа галантного и вежливого джентльмена и производить впечатление. Преодолев первоначальное смущение, Шульгин быстро освоил депутатскую роль, много лет спустя отметив, что Дума научила его актерскому мастерству⁶⁸. Эта эволюция произошла с ним уже во II Думе, и в Государственную думу III созыва уверенно входил «всем известный» депутат Шульгин.

Литература

1. Бабков Д. И. Государственные и национальные проблемы в мировоззрении В. В. Шульгина в 1917–1939 годах. М.: РОССПЭН, 2012. 302 с.
2. Владимирские дни и годы В. В. Шульгина / сост. М. Коншин. Владимир: Калейдоскоп, 2007. 96 с.
3. Заславский Д. О. Рыцарь черной сотни В. В. Шульгин. Л.: Былое, 1925. 72 с.
4. Иванов А. А. «Дело чести»: Депутаты Государственной думы и дуэльные скандалы (1906–1917). СПб.: Владимир Даль, 2018. 633 с.
5. Иванов А. А., Михайлов В. В., Пученков А. С. В. М. Пуришкевич и В. В. Шульгин: два полюса «черной сотни» // Клио. 2011. № 7 (58). С. 124–127.
6. Пученков А. С. «Историк» против Василия Шульгина: о фильме «Перед судом истории» Фридриха Эрмлера (1965) // Русский сборник. Т. 10. М., 2011. С. 361–378.

⁶⁶ *Вергезский А.* [Тыркова А. В.] Поединки // Речь. 1907. 19 мая; Иванов А. А. «Дело чести»: Депутаты Государственной думы и дуэльные скандалы (1906–1917). СПб., 2018. С. 106.

⁶⁷ *Тыркова-Вильямс А. В.* На путях к свободе. London, 1990. С. 365–366.

⁶⁸ *Пученков А. С.* Указ. соч. С. 375.

7. Репников А. В. Василий Шульгин в Государственной Думе // Таврические чтения 2011: Актуальные проблемы истории парламентаризма: сб. науч. статей / под ред. А. Б. Николаева. СПб.: Центр истории парламентаризма, 2012. С. 145–169.
8. Репников А. В., Христофоров В. С. Василий Витальевич Шульгин // Российская история. 2009. № 5. С. 155–169.
9. Рыбас С. Ю. Василий Шульгин: Судьба русского националиста. М.: Молодая гвардия, 2014. 542 с.
10. Шульгинские чтения: сборник материалов 2017–2019 гг. Владимир: Владимирская областная научная библиотека; Саратов: Амирит, 2020. 204 с.

References

1. Babkov D. I. Gosudarstvennye i natsional'nye problemy v mirovozzrenii V. V. Shul'gina v 1917–1939 godakh [State and national problems in V. V. Shulgin's worldview in 1917–1939]. Moscow: ROSSPEN, 2012. 302 p. (In Russ.).
2. Vladimirskie dni i gody V. V. Shul'gina [Vladimir days and years of V. V. Shulgin] / ed. by M. Konshin. Vladimir: Kaleidoskop, 2007. 96 p. (In Russ.).
3. Zaslavskii D. O. Rytsar' chernoi sotni V. V. Shul'gin [Knight of the Black Hundred V. V. Shulgin]. Leningrad: Byloe, 1925. 72 p. (In Russ.).
4. Ivanov A. A. “Delo chesti”: Deputaty Gosudarstvennoi dumy i duel'nye skandaly (1906–1917) [“A matter of honor”: Deputies of the State Duma and dueling scandals (1906–1917)]. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2018. 633 p. (In Russ.).
5. Ivanov A. A., Mikhailov V. V., Puchenkov A. S. V. M. Purishkevich i V. V. Shul'gin: dva poliуса “chernoi sotni” [V. M. Purishkevich and V. V. Shulgin: two poles of the “black hundred”] // Klio. 2011. № 7 (58). P. 124–127. (In Russ.).
6. Puchenkov A. S. “Istoriik” protiv Vasiliia Shul'gina: o fil'me “Pered sudom istorii” Fridrikha Ermlera (1965) [“The Historian” against Vasily Shulgin: about the film “Before the Court of History” by Friedrich Ermler (1965)] // Russkii sbornik. Vol. 10. Moscow, 2011. P. 361–378. (In Russ.).
7. Repnikov A. V. Vasiliia Shul'gin v Gosudarstvennoi Dume [Vasily Shulgin in the State Duma] // Tavrisheskie chteniia 2011: Aktual'nye problemy istorii parlamentarizma: sbornik nauchnykh statei / ed. by A. B. Nikolaev. St. Petersburg: Tsentri istorii parlamentarizma, 2012. P. 145–169. (In Russ.).
8. Repnikov A. V., Khristoforov V. S. Vasiliia Vital'evich Shul'gin [Vasily Vitalievich Shulgin] // Rossiiskaia istoriia. 2009. № 5. P. 155–169. (In Russ.).
9. Rybas S. Yu. Vasiliia Shul'gin: Sud'ba russkogo natsionalista [Vasily Shulgin: The fate of the Russian nationalist]. Moscow: Molodaia gvardiia, 2014. 542 p. (In Russ.).
10. Shul'ginskie chteniia: sbornik materialov 2017–2019 gg. [Shulgin readings: a collection of materials 2017–2019]. Vladimir: Vladimirskaia oblastnaia nauchnaia biblioteka; Saratov: Amirit, 2020. 204 p.

Научная статья

УДК 93/94

DOI: 10.24412/2076-9105-2024-456-102-115

Калюжная Ольга Васильевна

кандидат исторических наук

Университет ФСИН России

Санкт-Петербург, Россия

kalyuzhka@list.ru; ORCID 0000-0001-9167-6652

ВЫБОРЫ В III ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ В ОЦЕНКАХ ГАЗЕТЫ «НИЖЕГОРОДСКИЙ ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВЕСТНИК»

Аннотация. В статье впервые исследуются оценки провинциальной церковной периодической печати (на примере газеты «Нижегородский церковно-общественный вестник»), данные выборам в III Государственную думу Российской империи. Показывается отношение издания к роспуску II Думы и избирательному закону 3 июня 1907 г. Выявляется идеологическая платформа издания, рассматривается его отношение к институту Думы и к конституции. Рассматривается критика социализма и левых партий накануне и в ходе выборов в III Государственную думу. Выделяется место православного духовенства на выборах, дается характеристика его участия и проблем, связанных с проведением выборов. Характеризуются итоги выборов в III Государственную думу.

Ключевые слова: выборы, III Государственная дума, «Нижегородский церковно-общественный вестник», общественное мнение, православное духовенство, Русская православная церковь, церковная периодическая печать.

Для цитирования: Калюжная О. В. Выборы в III Государственную думу в оценках газеты «Нижегородский церковно-общественный вестник» // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 4 (56). С. 102–115. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2024-456-102-115>

Original article

UDC 93/94

DOI: 10.24412/2076-9105-2024-456-102-115

Kalyuzhnaya Olga V.

Candidate of Historical Sciences

The University of FPS of Russia

Russia, St. Petersburg

kalyuzhka@list.ru; ORCID 0000-0001-9167-6652

**ELECTIONS
TO THE III STATE DUMA IN THE ESTIMATES
OF “THE NIZHNY NOVGOROD CHURCH
AND PUBLIC BULLETIN” NEWSPAPER**

Abstract. For the first time, the article examines the estimates of the provincial church periodical press (using the example of the newspaper “Nizhny Novgorod Church and Public Bulletin”), given to the elections to the III State Duma of the Russian Empire. The article shows the attitude of the publication to the dissolution of the II Duma and the electoral law on June 3, 1907. The ideological platform of the publication is revealed, its attitude to the institution of the Duma and to the constitution is considered. The article examines the criticism of socialism and left-wing parties on the eve and during the elections to the III State Duma. The place of the Orthodox clergy in the elections is highlighted, its participation and problems related to the conduct of elections are characterized. The results of the elections to the III State Duma are characterized.

Keywords: elections, III State Duma, “Nizhny Novgorod Church and Public Bulletin”, public opinion, Orthodox clergy, Russian Orthodox Church, church periodical press.

For citation: Kalyuzhnaya O. V. Elections to the III State Duma in the estimates of “The Nizhny Novgorod Church and Public Bulletin” newspaper // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 4 (56). P. 102–115. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2024-456-102-115>

Введение. Проблема участия Русской православной церкви в политической жизни Российской империи позднего периода является предметом изучения широкого круга специалистов¹. Период думской монархии характеризуется расширением публичности российской политики и активным вовлечением в этот процесс периодической печати, в том числе и церковной. Эта проблема была освещена в трудах ряда

¹ Ивакин Г. А. Правомонархизм и его политические оппоненты: межпартийная борьба в России в 1905–1917 гг. М., 2014; Мальшева О. Г. Избирательная система и практика России в период думской монархии 1905–1917. М., 2018; Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев, 2007; Смирнова М. И. Государственно-церковные отношения в России как фактор политики. М., 2014.

отечественных исследователей², а также затронута в работах зарубежных историков³.

Газеты и журналы играли важную роль в освещении деятельности Государственной думы и избирательных кампаний, а также формировали общественное мнение, ориентируясь на те или иные группы избирателей. В связи с предоставлением представителям духовенства избирательных прав позиция церковной периодической печати также приобретала весомое значение, а сами газеты и журналы выступали каналом коммуникации между Церковью и потенциальными избирателями. При этом стоит отметить, что к настоящему времени мало исследований, посвященных отражению думских выборов на страницах церковных периодических изданий⁴.

Несмотря на то что политическая активность отдельных представителей Русской православной церкви, равно как и участие духовенства в выборах и деятельности Государственной думы Российской империи, являются предметом широкого изучения в исторической науке, проблема собственно восприятия думских выборов практически не находила своего отражения в исследованиях на примере провинциальных церковных изданий. Цель настоящей статьи заключается в исследовании содержания и особенностей подходов к избирательной

² *Воронцова И. В.* «Церковный вестник» 1906–1907 гг. как журнал «реформационного движения» в Русской Православной Церкви // *Христианское чтение.* 2019. № 5. С. 222–236; *Карпук Д. А.* Периодические издания Санкт-Петербургской духовной академии // *Христианское чтение.* 2012. № 4. С. 24–69; *Иванов А. А.* Проблематика русского национализма в церковной публицистике второй половины XIX – начала XX века // *Тетради по консерватизму.* 2020. № 1. С. 176–196; *Его же.* Православное духовенство и правые политические движения в России начала XX века (по материалам церковной прессы) // *Научный диалог.* 2021. № 1. С. 286–30; *Его же.* Епископ Андрей (Ухтомский): церковное осмысление и критика идеологии и практики социализма // *Научный диалог.* 2021. № 8. С. 323–340; *Церковное осмысление социализма: pro et contra / А. А. Иванов и др.* // *Православная церковь и социализм. Вторая половина XIX–XX век / под ред. А. А. Иванова.* СПб., 2023. С. 5–63; *Нетужилов К. Е.* История церковной журналистики в России XIX – начала XX века. СПб., 2009; *Омельянчук И. В.* Правые партии, власть и церковь в 1905–1914 гг. (на примере Владимирской губернии) // *Вестник Владимирского государственного университета. Серия: Социальные и гуманитарные науки.* 2017. № 2 (14). С. 15–30; *Его же.* Правые партии и православное духовенство в 1905–1914 гг. (на примере Владимирской губернии) // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской православной церкви.* 2019. Вып. 87. С. 23–39.

³ *Basil J. D.* Church and the state in late imperial Russia: critics of the synodal system of church government (1861–1914). Minneapolis, 2005; *Russian Orthodoxy under the old regime / ed. by Robert L. Nichols, Theofanis G. Stavrou.* Minnesota, 1978; *Scarborough D.* Russia's social gospel: the orthodox pastoral movement in famine, war, and revolution. Madison, 2022.

⁴ *Калужная О. В.* Русская Православная Церковь и выборы в I и II Государственные Думы Российской империи (по материалам журнала «Вера и разум») // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского.* 2022. № 6. С. 17–23; *Сорокин А. А.* Русская Православная Церковь и выборы в I Государственную Думу (по материалам журнала «Церковный вестник») // *Таврические чтения – 2021. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 9–10 декабря 2021 г.: сб. науч. ст. / под ред. А. Б. Николаева.* СПб., 2022. Ч. 1. С. 55–60.

борьбе на выборах в III Государственную думу на материалах газеты «Нижегородский церковно-общественный вестник», которая издавалась Нижегородской епархией и выходила под редакцией священника, кандидата богословия Н. М. Боголюбова. Ее политическая позиция была отличной от большинства провинциальных церковных изданий: газета не являлась ни сугубо правомонархической, как большинство подобных изданий, ни обновленческой, сочувствующей либеральной оппозиции. Идеологическая платформа издания базировалась на конституционно-монархических принципах и в целом была близка к идеям партии правового порядка, которая к моменту выборов в III Думу фактически прекратила свое существование.

Ход и результаты исследования. Известие о роспуске II Думы было прокомментировано на страницах «Нижегородского церковно-общественного вестника» без сожаления. Отмечая, что Дума фактически ничего не дала стране за короткий период своей работы, анонимный автор заключал: «Дума сама убила себя, и ее роспуск лишь предупредил ту заразу, которая должна была распространиться от ее разложения»⁵.

Редакция одобряла новый избирательный закон, который был принят 3 июня 1907 г. одновременно с роспуском Думы. К числу явных его достоинств были отнесены избрание депутатов от крестьян всеми губернскими выборщиками (а не только крестьянскими, как ранее); предоставление большего преимущества владельцам крупных цензов; сокращение числа представителей от окраинных губерний (с обеспечением в ряде из них отдельного представительства от русского населения); а также разделение съездов избирателей. Последнее изменение носило, с точки зрения редакции, важнейший характер. Подчеркивалось, что на выборах в Думу предыдущего созыва в Волынской губернии на съездах мелких землевладельцев большое число подлежащих избранию выборщиков определялось в основном за счет землевладения представителей православного духовенства. Однако сами мелкие землевладельцы были в основном из числа евреев, и, действуя сообща, они провели практически всех своих кандидатов в следующую избирательную стадию. Теперь же эта «несообразность» легко устранялась за счет разделения съездов. Тем самым появлялась надежда на принципиальное изменение состава Государственной думы⁶.

Кроме того, редакция «Вестника» исходила из двух обстоятельств. Во-первых, сам состав Думы второго созыва признавался крайне неудовлетворительным (особо подчеркивалось, что в ней не было представителей купечества, а голоса землевладельцев заглушались голосами интеллигенции) и неспособным к конструктивной работе: «Все эти многочисленные во второй Думе представители русской богемы прошли в законодатели единственно на гребне революционной волны, катившейся по России, и если в какой-нибудь мере отражают на себе русскую

⁵ Н. Роспуск Г. Думы // Нижегородский церковно-общественный вестник. 1907. № 23. Стб. 605.

⁶ Из общественной жизни // Нижегородский церковно-общественный вестник. 1907. № 23. Стб. 621–622.

действительность, то исключительно русскую действительность переживаемого смутного времени»⁷. Во-вторых, «Вестник» вступал в полемику с либеральной печатью, утверждавшей, что изменение избирательного закона произошло с нарушением основных законов Российской империи. И здесь выделялись два ключевых момента. Первый заключался в том, что проведение такого закона через старую Думу было в принципе невозможно. Что касается второго, то «Вестник» признавал, в отличие от ряда других церковных изданий, существование в России конституции, однако для редакции конституция не была чем-то неприкосновенным: «Конституции, как и всякие создания рук человеческих, не рождаются идеальным совершенством, в котором потом не надо ничего ни изменять, ни добавлять, ни убавлять». Поэтому принятие нового порядка выборов в Государственную думу рассматривалось в том числе и как естественное обновление российской конституции⁸.

Отметим, что приверженность конституционной идее не означала ее сакрализацию. Напротив, заявлялось на примере конституционного опыта западных государств, что изменение государственного строя России не могло да и не может изменить систему российских воззрений (в качестве аргументации приводился опыт Франции, где сущность «души французской нации» осталась неизменной, невзирая на революцию 1789 г., режим диктатуры, реставрацию монархии и новый переход к республике). «Утверждение, что парламентский строй сделает в России реки молочными и берега кисельными, является поэтому верхом наивности», — писал «Вестник». Тем самым признавалась несостоятельность стремлений левых партий, желавших резких перемен в России, и утверждалось, что им придется с этим смириться, поскольку «каждый народ живет и должен жить по-своему», причем любые насильственные изменения пойдут ему только во вред⁹.

С точки зрения редакции, опасность для государственного строя была не справа (при этом не отрицалось, что наиболее ортодоксальные монархисты выступают против Государственной думы, однако подчеркивалось, что они в меньшинстве, в связи с чем «правая революция» невозможна), а слева, поскольку левые партии выступали, по мнению издания, против России как государства и против ее целостности и единства¹⁰. В связи с этим констатировалось, что Россия накануне выборов в III Думу нуждается не столько в охране и упрочении конституции, сколько в водворении порядка и прекращении террора, основными зачинщиками которого виделись прежде всего представители социалистических партий (социал-демократы и эсеры). Для достижения

⁷ Из общественной жизни // Нижегородский церковно-общественный вестник. 1907. № 25. Стб. 669–670.

⁸ Там же. Стб. 671.

⁹ Старый знакомый. По поводу одной забытой книги // Нижегородский церковно-общественный вестник. 1907. № 31. Стб. 830.

¹⁰ Из общественной жизни // Нижегородский церковно-общественный вестник. 1907. № 28. Стб. 757.

этой цели оказывался возможным союз и с представителями Союза русского народа, в то время как с представителями названных выше партий не должно было быть никаких блоков на выборах¹¹.

При этом речь шла о том, что предстоящая Дума должна быть прежде всего русской по своему характеру, работоспособной и далекой от партийных крайностей: «Нам нужна Дума не партийная, не кадетская, не октябристская, не мирно-обновленская, ни даже спаянная — неизвестно, крепко ли? — из этих трех партий, не крайняя левая и не крайняя правая»¹².

Для издания серьезной проблемой представлялась антирусская и антиправославная пропаганда на окраинах. Так, особо критиковался бывший депутат Думы от Виленской губернии, католический епископ барон Э. М. фон Ропп. Его речь о том, что православное духовенство является противником и врагом польского народа, рассматривалась как предостережение русскому духовенству, грозящее государственным интересам в западных губерниях¹³.

Издание резко противилось распространению социализма как в обществе в целом, так и среди духовенства. Член нижегородского монархического союза «Белое знамя», настоятель Петропавловской церкви в Нижнем Новгороде П. А. Альбицкий в своей статье указывал на то, что сущность социалистических идей состоит не в достижении всеобщего блага и социальной справедливости, а в низведении всего общества к единому материальному уровню и превращении общества и государства в обычную экономическую ассоциацию. В противовес этой идеологии он ставил социальный идеал, который был выработан в христианстве, — Церковь¹⁴.

Об участии православного духовенства в выборах председатель Троицкого кружка христианской помощи детям, протоиерей Н. С. Спасский писал, что необходимо учесть опыт предыдущих избирательных кампаний, когда сельское духовенство, выступая в качестве представителей мелкого землевладения, не проявило ни достаточной энергичности, ни достаточной сплоченности, чтобы провести представителей в уполномоченные хотя бы пропорционально принадлежащей им земле. Надежда возлагалась на новый избирательный закон, который разрешал теперь отдельные предварительные съезды по разрядам избирателей соответственно роду и размеру цензов, однако выражалось сомнение, что получится везде выделить духовенство в особую избирательную курию на предварительной стадии выборов (на чем настаивал один из руководителей Русской монархической партии протоиерей И. Восторгов). Вместе с тем подчеркивалось, что этого необходимо добиваться, поскольку голос

¹¹ Из общественной жизни // Нижегородский церковно-общественный вестник. 1907. № 28. Стб. 758.

¹² Там же. Стб. 759.

¹³ Хроника местной епархиальной и общей церковной жизни // Нижегородский церковно-общественный вестник. 1907. № 27. Стб. 726.

¹⁴ Альбицкий П. Христианство и социализм // Нижегородский церковно-общественный вестник. 1907. № 23. Стб. 609.

депутатов в Думе, избранных духовенством из своей среды, был бы именно голосом духовенства¹⁵. Поддерживалась также инициатива Подольского епархиального съезда выделить православное духовенство в отдельную категорию избирателей с правом выбирать от епархий депутатов в Думу¹⁶.

В развитие предыдущих тезисов о готовности сотрудничества с Союзом русского народа (СРН) и о необходимости более деятельного участия православного духовенства в выборах редакция поддержала инициативу Совета Волынского отдела Союза русского народа по внесению дальнейших коррективов в закон о выборах, а именно: выделение евреев в отдельную курию на выборах в городах; разделение уездных съездов землевладельцев в западных губерниях по национальностям; выделение православного духовенства на предварительных съездах в особую группу с предоставлением ему права избирать из своей среды уполномоченных на уездные съезды землевладельцев (по количеству полных цензов)¹⁷.

Кроме того, поддерживалось и принятое в июле 1907 г. на съезде председателей губернских и областных отделов СРН решение о возбуждении ходатайства перед Синодом об ускорении рассмотрения вопросов о виновности духовных лиц, «своей деятельностью в Думе позорящих сан и причиняющих опаснейший соблазн среди православных» без применения к ним статуса депутатской неприкосновенности с максимальным сокращением всех при этом формальностей¹⁸. На страницах издания всячески приветствовались меры, принятые церковными властями в отношении к бывшим депутатам Думы из числа православных священников, которые принадлежали к немонархическим фракциям. В частности, одобрялось лишение Вятской духовной консисторией сана Ф. В. Тихвинского, который входил во фракцию трудовиков, за «принадлежность к политической партии с революционными стремлениями»¹⁹.

Освещался на страницах издания и визит видных монархистов в Нижний Новгород. 3 июля 1907 г. в доме Братства Святого Георгия прочел лекцию основатель Русской монархической партии, главный редактор газеты «Московские ведомости» В. А. Грингмут, который приветствовал роспуск «крамольной Думы» и заявлял о всяческой поддержке СРН со стороны императора, особо отмечая при этом, что Союз русского народа — опора русского престола²⁰. На лекции присутствовали епископ Нижегородский и Арзамасский Назарий, епископ Балахнинский Евфимий, а также рабочий, член Совета Уфимского губернского

¹⁵ *Спаский Н.* Новый выборный закон и сельское духовенство // Нижегородский церковно-общественный вестник. 1907. № 29. Стб. 769–770.

¹⁶ Хроника местной епархиальной и общей церковной жизни // Нижегородский церковно-общественный вестник. 1907. № 32. Стб. 870.

¹⁷ Там же. № 29. Стб. 785.

¹⁸ Из общественной жизни // Нижегородский церковно-общественный вестник. 1907. № 31. Стб. 843.

¹⁹ Хроника местной епархиальной и общей церковной жизни // Нижегородский церковно-общественный вестник. 1907. № 32. Стб. 870.

²⁰ *Старый знакомый.* В Братском доме 3-го июля // Нижегородский церковно-общественный вестник. 1907. № 30. Стб. 804–805.

отдела СРН П. Т. Михайлов и видный член «Русского собрания», издатель газеты «Колокол» и журнала «Миссионерское обозрение» В. М. Скворцов. Последний в своем выступлении рассказал о положении правой печати в стране. Общее количество слушателей было около 500 человек. В «Вестнике» при освещении данного мероприятия упор делался на то, что при практически полном отсутствии анонсов оно вызвало широкий интерес у публики, причем совершенно разной по своему положению, и подняло самые актуальные и злободневные темы: ложность социалистического учения, антигосударственный характер деятельности левых партий (включая кадет) и т. д.²¹ В этом отношении критиковалась позиция кадетского «Нижегородского листка», в котором данная встреча была названа междусобойной и нацеленной на дискредитацию освободительных идей²².

«Вестник» поддерживал точку зрения бывшего министра земледелия и государственных имуществ, члена Государственного совета А. С. Ермолова о том, что необходимо выбирать не партии, а людей. Это объяснялось тем, что количество партий в России было уже довольно велико, при этом далеко не всегда партиями выдвигались лучшие люди. Однако создать в Государственной думе умеренный центр из октябристов и более правых партий было необходимо, и вот здесь, с учетом того, что объединить их в единый блок не представлялось возможным, вставал вопрос о персональном подходе к каждому кандидату. С точки зрения Н. М. Боголюбова, это был рациональный вариант, особенно с учетом неоднородности многих партий: «До тех пор, пока наши партии будут бороться между собою из-за своих лозунгов и программ, до тех пор опасно доверяться тем из них, которые не видят, куда они идут, куда они едва не привели Россию»²³.

Отмечалось и то, что партийность накануне выборов оказалась возведена в абсолют, а либерализм стал чуть ли не главной идеей, в то время как все то, что ему не соответствует, признается черносотенным. В связи с этим предлагалось отступить от «этого партийного угара» и приложить максимум усилий для того, чтобы новая Дума была действительно «собранием лучших людей русской земли»²⁴. Большая часть партий, участвовавших в выборах, именовалась «раскольничьими сектами», которые создали «господа красные», причем добавлялось, что все они только вносят лишь путаницу в среду избирателей, а более всего этим занимаются кадеты²⁵. Указывалось также, что и само население Поволжья ждет от новой Думы прежде всего умиротворения, а не продолжения кризиса, вызванного действиями «освободителей» из левых партий²⁶.

²¹ *Старый знакомый*. В Братском доме 3-го июля // Нижегородский церковно-общественный вестник. 1907. № 30. Стб. 804, 806.

²² Нижегородский листок. 1907. 4 июля.

²³ Из общественной жизни // Нижегородский церковно-общественный вестник. 1907. № 30. Стб. 816.

²⁴ Там же. № 30. Стб. 817.

²⁵ *Старый знакомый*. С большой головы на здоровую // Нижегородский церковно-общественный вестник. 1907. № 36. Стб. 958.

²⁶ Из общественной жизни // Нижегородский церковно-общественный вестник. 1907. № 31. Стб. 845–846.

Острые критики «Вестника» было направлено против кадетов. Рассуждая о возможном блоке их с октябристами на предстоящих выборах, редакция исходила из того, что Думе жизненно необходим прочный конституционный центр, однако в этом отношении кадеты не рассматривались как конституционная партия. Они обвинялись в эксплуатации конституционной идеи для достижения своих целей по проведению как можно большего числа своих депутатов в Думу при сотрудничестве с радикальными левыми, включая эсеров-максималистов (благодаря чему социалисты также получили депутатские места). Соответственно, предполагалось, что участие кадетов в конституционном центре возможно будет лишь тогда, когда произойдет их разделение на истинных конституционалистов, которые смогут занять в таком центре достойное место, и революционных элементов, которые, «сняв с себя маски конституционалистов», отойдут к левым партиям²⁷.

Неприемлемы для редакции издания и более левые партии — народные социалисты, социал-демократы и эсеры. Их стремление привести Россию к республиканскому строю расценивалось как настоящая угроза, следствием которой могло стать низвержение народа «в большую нищету и в худшее рабство». Скептически воспринимались и политические таланты представителей этих партий, которые «действительного русского народа не знают и знать не хотят... путь, на который они его толкают всеми правдами и неправдами, приведет его не к благополучию, а к обнищанию, одичанию и полной гибели»²⁸.

Подчеркивалось, что при избрании как выборщиков, так и самих депутатов следовало критически оценить деятельность каждого такого лица и его политические взгляды, чтобы провести в Думу людей с «прочно сложившимися убеждениями». При этом в отношении профессиональных качеств предлагалось особое внимание обратить на нравственный ценз: «Не гении нужны в Думу, а честные и добросовестные люди с желанием работать и приносить пользу...»²⁹.

«Вестник» также давал комментарии по поводу выборов уполномоченных. В частности, по итогам избрания 3443 выборщиков к 7 сентября редактор с удовлетворением констатировал, что более трети выборщиков от крестьян принадлежит к умеренным и монархистам и что наметилась тенденция к снижению популярности левых идей у рабочих, треть выборщиков от которых также принадлежала к умеренным партиям³⁰. В связи с этим священник П. А. Альбицкий с воодушевлением отмечал успех правых и особенно СРН: «.. можно с уверенностью повторить вслед за представителями коренной России, что Союз русского народа сделает в наши дни великое историческое дело — нового собрания Руси, восстановления ее могущества и славы...»³¹ В целом отмечалось, что на выборах проявилось четкое

²⁷ Из общественной жизни // Нижегородский церковно-общественный вестник. 1907. № 27. Стб. 729–730.

²⁸ Там же. № 37. Стб. 990.

²⁹ Там же. № 34. Стб. 917.

³⁰ Там же. № 37. Стб. 994.

³¹ Альбицкий П. А. Русскому народу о выборах // Нижегородский церковно-общественный вестник. 1907. № 37. Стб. 996.

уклонение вправо, причем подчеркивалось, что это не «победа реакции», а «победа здравого смысла над недавним порывом»³².

Вместе с тем выражалось недоумение, почему предварительные съезды были назначены в Нижегородской и ряде других губерний на 14 сентября — праздник Воздвижения Креста Господня. Из-за этого большинство священников не смогло явиться на выборы, предпочтя праздничную службу, и явка их в Нижегородской губернии оказалась невелика: по приведенным данным семи уездов, из 528 внесенных в списки священников явились 140, т. е. общая явка составила 26,5 %, а непосредственно в уездах она, по нашим подсчетам, варьировалась от 15,1 до 60 %³³. Так, в Нижегородском уезде из 77 настоятелей церквей на съезд явились лишь 16 человек, в результате чего вместо 12 полагавшихся уполномоченных удалось избрать лишь троих, в связи с чем редактор издания задавался вопросом, халатность это или целенаправленная акция³⁴.

Характеризуя снижение активности избирателей и откровенный абсентеизм, редакция «Вестника» объясняла случившееся двумя обстоятельствами. Во-первых, было отмечено утомление избирателей политикой и сложной выборной процедурой. Во-вторых, по мнению редактора, немало усилий приложила и «демагогическая агитация» кадетов и прочих левых партий, которая заключалась в том, что Дума заранее была объявлена «господской», в связи с чем масса крестьян и мелких землевладельцев априори относилась к ней с долей скепсиса и не стремилась к реализации своих избирательных прав³⁵.

Отмечалась и еще одна новая тенденция, а именно рост беспартийных в общем числе уполномоченных (по состоянию на 8 сентября, их было более четверти). Рассуждения о характере такого явления были следующими. Утверждалось, что к выборам сформировалось фактически четыре основных направления: реакционное (Союз русского народа), национал-либеральное (октябристы), интернациональный либерализм (кадеты) и социалистическое. Однако поскольку формирование их программ шло преимущественно в кругах интеллигенции, зачастую отчужденной от народа, то этот разрыв между партиями и массой избирателей стал только усиливаться, формируя запрос на новые лица, не связанные с перечисленными выше направлениями. В результате сила беспартийности оказалась такова, что она сама выдвигала своих кандидатов, а партии «принуждены идти в хвосте за беспартийными»³⁶.

Для редакции важнейшим итогом выборов было то, что порядка $\frac{2}{3}$ мест в Думе должно было отойти умеренным и примыкающим к ним правым, в то время как на долю оппозиции оставалась лишь треть. Это означало обеспечение работоспособности Думы (большой либеральный центр при наличии

³² Из общественной жизни // Нижегородский церковно-общественный вестник. 1907. № 38. Стб. 1008.

³³ *N.* О предварительных съездах настоятелей православных церквей // Там же. Стб. 997–998.

³⁴ Из общественной жизни // Там же. Стб. 1012.

³⁵ Там же. № 39. Стб. 1039.

³⁶ Там же. Стб. 1040–1041.

небольшой группы крайних правых и «беспощадной оппозиции») и окончание революции. При этом подчеркивалось, что Дума будет не реакционной, а «национальной и либеральной», защищающей русские интересы³⁷. Такая расстановка сил объяснялась двумя факторами: охлаждением избирателей к программам левых партий (в том числе и кадетов) и особенностями обновленного в 1907 г. избирательного законодательства. Отмечалось, что если в Думе большинство будет состоять из «приверженцев реальной политики», то Россия сможет избежать различных социально-политических утопий. Общая оценка итогов была такова: «Прекрасные дни нашей демократии, по-видимому, миновали, и, конечно же, по ее собственной вине»³⁸.

Кроме того, «Вестник» продолжал заочную полемику с кадетским «Нижегородским листком», в котором результаты выборов получили оценку как «крайне печальные»³⁹. С точки зрения издания, в этом свершилась «воля народа», которая сформировала Думу, готовую к совместной плодотворной работе с правительством⁴⁰. Важен был и тот факт, что формирование такой по составу Думы проходило при активном участии православного духовенства. В качестве примера приводилась ситуация в Саратове, где выборщики в губернском избирательном собрании раскололись на два примерно равных по численности, но противоположных друг другу лагеря, и именно за счет голосов 15 священников из 11 избранных депутатов девять принадлежали к умеренным и правым, причем двое из них из числа священников⁴¹.

В III Думу оказалось избрано около 50 православных священников (включая двух епископов), что составило более 10 % ее состава. Для «Вестника» было важно, что выбранные депутатами священники на собраниях под председательством епископа Люблинского Евлогия (избранного также в Думу и вошедшего в состав фракции умеренных правых) обязались не выделяться в отдельную фракцию, работать во имя интересов народа, соответствовать позиции Церкви, стремиться иметь представителей в президиуме и во всех комиссиях, не умалять авторитет духовенства и Церкви в своих выступлениях и действиях⁴².

Заключение. Таким образом, риторика «Нижегородского церковно-общественного вестника» отличалась приверженностью конституционно-монархическим идеям, более правым, чем платформа октябристов, и левее Союза русского народа. В отличие от значительной части церковных изданий редакция газеты признавала наличие конституции в России и не противилась самой идее существования

³⁷ Из общественной жизни // Нижегородский церковно-общественный вестник. 1907. № 41. Стб. 1091–1092.

³⁸ Там же. № 42. Стб. 1114.

³⁹ Нижегородский листок. 1907. 11 октября.

⁴⁰ *Старый знакомый*. Перед Третьей Думой // Нижегородский церковно-общественный вестник. 1907. № 43. Стб. 1129.

⁴¹ Хроника местной епархиальной и общей церковной жизни // Там же. № 44. Стб. 1154.

⁴² Там же. № 45. Стб. 1185–1186.

законодательного представительного органа. Ключевой составляющей содержания опубликованных в газете статей, посвященных выборам в III Думу, было обоснование необходимости национальной и проправительственной Думы. В связи с этим одобрялись изменения в избирательном законодательстве, которые были приняты после роспуска II Думы, поскольку они должны были обеспечить иной, менее оппозиционный, ее состав. Социализм и все левые партии и движения, включая кадетов, резко критиковались, равно как и представители духовенства, которые им сочувствовали; при этом Союз русского народа рассматривался как союзник в борьбе с революцией. Духовенству в ходе выборов редакция отводила важную роль и подчеркивала необходимость его консолидации в целях обеспечения работоспособной Думы. Итоги выборов в III Думу были восприняты как победа, в том числе и благодаря православным священникам, деятельность которых в Думе, с точки зрения издания, должна была стать активной и направленной на продуктивную работу в проправительственном ключе.

Литература

1. Воронцова И. В. «Церковный вестник» 1906–1907 гг. как журнал «реформационного движения» в Русской Православной Церкви // Христианское чтение. 2019. № 5. С. 222–236.
2. Ивакин Г. А. Правомонархизм и его политические оппоненты: межпартийная борьба в России в 1905–1917 гг. М.: Этносоциум, 2014. 248 с.
3. Иванов А. А. Православное духовенство и правые политические движения в России начала XX века (по материалам церковной прессы) // Научный диалог. 2021. № 1. С. 286–305.
4. Иванов А. А. Епископ Андрей (Ухтомский): церковное осмысление и критика идеологии и практики социализма // Научный диалог. 2021. № 8. С. 323–340.
5. Иванов А. А. Проблематика русского национализма в церковной публицистике второй половины XIX – начала XX века // Тетради по консерватизму. 2020. № 1. С. 176–196.
6. Иванов А. А., Амбарцумов И. В., Костромин К. А., Петров И. В., Чемакин А. А. // Церковное осмысление социализма: pro et contra // Православная церковь и социализм. Вторая половина XIX–XX век / под редакцией А. А. Иванова. СПб.: Владимир Даль, 2023. С. 5–63.
7. Калюжная О. В. Русская Православная Церковь и выборы в I и II Государственные Думы Российской империи (по материалам журнала «Вера и разум») // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. № 6. С. 17–23.
8. Карпук Д. А. Периодические издания Санкт-Петербургской духовной академии // Христианское чтение. 2012. № 4. С. 24–69.
9. Малышева О. Г. Избирательная система и практика России в период думской монархии 1905–1917. М.: Квадрига, 2018. 240 с.
10. Нетужилов К. Е. История церковной журналистики в России XIX – начала XX века. СПб. РХГА, 2009. 352 с.
11. Омелянчук И. В. Правые партии, власть и церковь в 1905–1914 гг. (на примере Владимирской губернии) // Вестник Владимирского государственного университета. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2017. № 2 (14). С. 15–30.

12. Омелянчук И. В. Правые партии и православное духовенство в 1905–1914 гг. (на примере Владимирской губернии) // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Серия II: История. История русской православной церкви. 2019: Вып. 87. С. 23–39.
13. Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев: МАУП, 2007. 744 с.
14. Смирнова М. И. Государственно-церковные отношения в России как фактор политики. М.: Этносоциум, 2014. 150 с.
15. Сорокин А. А. Русская Православная Церковь и выборы в I Государственную Думу (по материалам журнала «Церковный вестник») // Таврические чтения 2021. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 9–10 декабря 2021 г.: сб. науч. ст. / под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2022. Ч. 1. С. 55–60.
16. Church and the State in Late Imperial Russia: Critics of the Synodal System of Church Government (1861–1914) / John D. Basil. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2005. XII + 216 p.
17. Russian Orthodoxy under the Old Regime / ed. Robert L. Nichols. Minnesota: University of Minnesota Press, 1978. 284 p.
18. Scarborough D. Russia's Social Gospel: The Orthodox Pastoral Movement in Famine, War, and Revolution. Madison: University of Wisconsin Press, 2022. 320 p.

References

1. Voroncova I. V. «Cerkovnyj vestnik» 1906–1907 gg. kak zhurnal «reformacionnogo dvizheniya» v Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi [«Church Bulletin» 1906–1907 as a journal of the «reformation movement» in the Russian Orthodox Church] // Hristianskoe chtenie. 2019. № 5. P. 222–236. (In Russ).
2. Ivakin G. A. Pravomonarxizm i ego politicheskie opponenty`: mezhpartinaya bor`ba v Rossii v 1905–1917 gg. [Pravomonarchism and its political opponents: the inter-party struggle in Russia in 1905–1917]. Moscow: Jetnosocium, 2014. 248 p. (In Russ.)
3. Ivanov A. A. Pravoslavnoe dukhovenstvo i pravye politicheskie dvizheniia v Rossii nachala KhKh veka (po materialam tserkovnoi pressy) [Orthodox clergy and right-wing political movements in Russia at the beginning of the 20th century (based on materials from the church press)] // Nauchnyi dialog. 2021. № 1. P. 286–305.
4. Ivanov A. A. Episkop Andrei (Ukhtomskii): tserkovnoe osmyslenie i kritika ideologii i praktiki sotsializma [Bishop Andrei (Ukhtomsky): church understanding and criticism of the ideology and practice of socialism] // Nauchnyi dialog. 2021. № 8. P. 323–340.
5. Ivanov A. A. Problematika russkogo natsionalizma v tserkovnoi publitsistike vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka [Problems of Russian nationalism in church journalism of the second half of the 19th – early 20th centuries] // Tetradi po konservatizmu. 2020. № 1. P. 176–196.
6. Ivanov A. A., Ambartsumov I. V., Kostromin K. A., Petrov I. V., Chemakin A. A. Tserkovnoe osmyslenie sotsializma: pro et contra [Church understanding of socialism: pro et contra] // Pravoslavnaia tserkov' i sotsializm. Vtoraia polovina XIX–XX vek / pod redaktsiei A. A. Ivanova. St. Peterberg: Vladimir Dal', 2023. P. 5–63.
7. Kalyuzhnaya O. V. Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' i vybory v I i II Gosudarstvennyye Dumy Rossijskoj imperii (po materialam zhurnala «Vera i razum») [The Russian

Orthodox Church and elections to the I and II State Dumas of the Russian Empire (based on the materials of the magazine «Faith and Reason») // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2022. № 6. P. 17–23. (In Russ).

8. Karpuk D.A. Periodicheskie izdaniya Sankt-Peterburgskoj duhovnoj akademii [Periodicals of the St. Petersburg Theological Academy] // Hristianskoe chtenie. 2012. № 4. P. 24–69. (In Russ).

9. Maly'sheva O.G. Izbiratel'naya sistema i praktika Rossii v period dumskoj monarii 1905–1917 [The electoral system and practice of Russia during the period of the Duma monarchy 1905–1917]. Moscow: Kvadriga, 2018. 240 p. (In Russ).

10. Netuzhilov K.E. Istoriya cerkovnoj zhurnalistiki v Rossii XIX – nachala XX veka [The history of church journalism in Russia of the XIX – early XX century]. St. Petersburg: RHGA, 2009. 352 p. (In Russ).

11. Omel'ianchuk I. V. Pravye partii, vlast' i tserkov' v 1905–1914 gg. (na primere Vladimirskoi gubernii) [Right-wing parties, power and the church in 1905–1914 (using the Vladimir province as an example)] // Vestnik Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. 2017. № 2 (14). P. 15–30.

12. Omel'ianchuk I. V. Pravye partii i pravoslavnoe dukhovenstvo v 1905–1914 gg. (na primere Vladimirskoi gubernii) [Right-wing parties and the Orthodox clergy in 1905–1914 (using the Vladimir province as an example)] // Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II: Istoriia. Istoriia russkoi pravoslavnoi tserkvi. 2019: Vyp. 87. P. 23–39.

13. Omel'ianchuk I. V. Chernosotennoe dvizhenie v Rossiiskoi imperii (1901–1914) [The Black Hundred Movement in the Russian Empire (1901–1914)]. Kiev: MAUP, 2007. 744 p.

14. Smirnova M. I. Gosudarstvenno-cerkovnye otnosheniya v Rossii kak faktor politiki [State-church relations in Russia as a factor of politics]. Moscow: Jetnosocium, 2014. 150 p. (In Russ).

15. Sorokin A.A. Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' i vybory v I Gosudarstvennyuyu Dumu (po materialam zhurnala «Cerkovnyj vestnik») [The Russian Orthodox Church and the elections to the I State Duma (based on the materials of the journal «Church Bulletin») // Tavricheskie chteniya 2021. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya, S.-Peterburg, Tavricheskij dvorec, 9–10 dekabrya 2021 g.: sb. nauch. st. / pod redakciej A. B. Nikolaeva. St. Petersburg, 2022. Ch. 1. P. 55–60. (In Russ).

16. Church and the State in Late Imperial Russia: Critics of the Synodal System of Church Government (1861–1914) / John D. Basil. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2005. XII + 216 p.

17. Russian Orthodoxy under the Old Regime / ed. Robert L. Nichols. Minnesota: University of Minnesota Press, 1978. 284 p.

18. Scarborough D. Russia's Social Gospel: The Orthodox Pastoral Movement in Famine, War, and Revolution. Madison: University of Wisconsin Press, 2022. 320 p.

Научная статья

УДК 94(575.4)

DOI: 10.24412/2076-9105-2024-456-116-130

Васильев Дмитрий Валентинович

доктор исторических наук, доцент

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

dvvasiliev@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6616-0646

ЗАСЕЛЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ МУРГАБСКОГО ГОСУДАРЕВА ИМЕНИЯ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ: ПЛАНЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Аннотация. Мургабское государево имение учреждалось с целью создать эффективное орошаемое хозяйство, которое должно было привлечь русских и коренных жителей российской части Центральной Азии. Задача российской администрации заключалась в том, чтобы новые жители Мургабского оазиса были заинтересованы в сельскохозяйственном производстве, дорожили своей землей и противостояли проидам враждебной агентуры. Первоначально планировалось поселить в имении семейных переселенцев и дать им небольшие наделы земли. Ожидалось, что каждый поселенец будет жить за счет собственного труда. Незначительное количество земли власти намеревались отдать арендаторам с расчетом, что они устроят эффективные фермерские хозяйства. В реальности все оказалось иначе. Переселение сельскохозяйственных производителей на территорию имения не было реализовано. Вся орошаемая земля оказалась в руках арендаторов, некоторые из них владели участками, во много раз превосходившими норму. В этих владениях трудились десятки простых субарендаторов, доход которых зависел только от желания арендатора. Срок предполагавшейся долгосрочной аренды был сокращен в три раза. Почти вся земля сдавалась в аренду на один год. Размер и местонахождение будущего надела часто были неизвестны арендатору. Это не способствовало развитию фермерского хозяйства и заинтересованности в системном получении прибыли. Администрация имения изымала весь производившийся хлопок и обрабатывала его на своем хлопкоочистительном заводе. Она продавала хлопок и часть вырученных денег возвращала арендаторам. В конце концов Мургабское

государево имение превратилось в капиталистическое хозяйство, основанное на принципах, отличных от тех, которые декларировались первоначально.

Ключевые слова: Мургабское государево имение, Закаспийская область, Туркестанское генерал-губернаторство, сельское хозяйство, орошение, демография, переселенцы, аренда.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00915, <https://rscf.ru/project/24-28-00915/>, реализуемого в Российской академии предпринимательства.

Для цитирования: Васильев Д. В. Заселение территории Мургабского государева имения и землепользование: планы и реальность // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 4 (56). С. 116–130. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2024-456-116-130>

Original article

UDC 94 (575.4)

DOI: 10.24412/2076-9105-2024-456-116-130

Vasilyev Dmitry V.

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Moscow City University

Moscow, Russia

dvvasiliev@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6616-0646

**LAND USE AND SETTLEMENT OF THE TERRITORY
OF THE MURGHAB SOVEREIGN'S ESTATE:
PLANS AND REALITY**

Abstract. The Murghab Sovereign's Estate was established with the aim of creating an effective irrigated farm that was to attract Russians and indigenous peoples of the Russian part of Central Asia. The Russian administration was interested in the new residents of the Murghab oasis being interested in agricultural production, cherishing their land and resisting the machinations of hostile agents. Initially, it was planned to settle family settlers on the estate and give them small plots of land. It was expected that each settler would live off his own labor. The authorities intended to give a small amount of land to lessees with the expectation that they would set up efficient farms. In reality, everything turned out differently. The resettlement of agricultural producers to the estate was not implemented. All the irrigated land ended up in the hands of lessees, some of whom owned plots that were dozens of times larger than the norm. Dozens of simple under-lessees worked on those estates. Their income depended only on the desire of the lessee. The term of the proposed long-term lease was reduced by 3 times. Almost all the land was leased for 1 year. The size and location of the future plot was often unknown to the lessee. This did not contribute to the development of the farm and interest in systematic profit-making. The estate administration confiscated all the cotton produced and processed it at its own cotton gin. The administration sold the cotton and returned part of the proceeds to the tenants. In the end, the Murghab sovereign estate turned into a capitalist enterprise based on principles other than those originally declared.

Keywords: Murghab Sovereign's Estate, Transcaspian Province, Turkestan Governorate General, agriculture, irrigation, demography, settlers, lease.

Acknowledgments: the research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 24-28-00915, <https://rscf.ru/project/24-28-00915/>, implemented at the Russian Academy of Entrepreneurship.

For citation: Vasilyev D. V. Land use and settlement of the territory of the Murghab Sovereign's Estate: plans and reality // *MCU Journal of Historical Studies*. 2024. № 4 (56). P. 116–130. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2024-456-116-130>

Введение. Мургабское государево имение было создано императором Александром III в 1887 г. в долине реки Мургаба в недавно завоеванной части Закаспийской области¹. Императорский указ декларировал главную цель этого мероприятия — воссоздать давно утраченную оросительную систему и развить на берегах Мургаба эффективное сельское хозяйство. Однако есть основания предполагать, что за этим решением российского правительства стояла и более существенная задача — привязать к этой местности людей, которые, будучи заинтересованными в высокодоходном земледелии, станут дорожить своими участками, расположенными на стыке границ России, Персии и Афганистана, и будут противодействовать возможным намерениям соседей присоединить эту территорию к своим владениям или проiscaм иностранных шпионов с целью дестабилизировать положение в этом значимом для Российской империи регионе.

Отсюда вытекают две взаимосвязанные проблемы — колонизация имения сельскохозяйственными работниками и организация землепользования в формах, призванных обеспечить реализацию названной цели. Рассмотрению этих проблем в планах властей и фактическому положению вещей посвящена настоящая статья.

Первая попытка исторического анализа Мургабского государева имения была предпринята академиком М. Н. Тихомировым в монографии «Присоединение Мерва к России»². В соответствующей главе автор достаточно критически оценивает действия российской власти по организации имения. И хотя его характеристику экономики имения как «плантационного хозяйства, рассчитанного на эксплуатацию рабочих» нельзя считать абсолютно точной, можно признать, что она не так уж и далека от реальности. Более масштабный подход к исследованию Мургабского имения предприняла Н. Н. Канода в работе «Аграрная политика царизма в Туркменистане». Здесь истории имения отведена целая глава³. Нельзя не согласиться с ее заключением, что «Мургабское государево имение... служило образцом комплексного агропромышленного хозяйства»⁴. Построенное на материалах,

¹ 1887 г. августа 6. Об обращении в состав государевых имений части земель, вновь присоединенных в Средней Азии // Полное собрание законов Российской империи: Собр. 3-е. Т. 7. СПб., 1889. С. 390.

² Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России. М., 1960. С. 194–198.

³ Канода Н. Н. Аграрная политика царизма в Туркменистане. Ашхабад, 1991. С. 103–192.

⁴ Там же. С. 193.

отложившихся в Центральном государственном архиве Туркменистана, исследование содержит весьма ценную конкретную информацию о функционировании имения. Однако привлечение документов Центрального управления (Департамента уделов) позволяет не только восполнить фактологические пробелы, но и сформировать представление о реальных целях правительства при реализации и функционировании Мургабского государева имения.

Современная отечественная историография раскрывает отдельные страницы истории имения⁵. Лишь совсем недавно появились статьи, в которых авторы приступили к более широкому исследованию истории этого феномена Российской империи⁶.

Источниками для настоящей статьи стали делопроизводственные документы, связанные с формированием политики Департамента уделов в отношении Мургабского государева имения, материалы ревизий имения и его внутренние документы, регламентировавшие арендные отношения. Некоторые статистические сведения почерпнуты из отчета байрамалийского пристава и следственных документов по правонарушениям местных должностных лиц. Собранные вместе, эти документы позволяют исчерпывающе ответить на вопрос, насколько первоначальные планы российской администрации в отношении Мургабского имения были реализованы в действительности.

Ход и результаты исследования. Главной задачей российской администрации стало восстановление (с учетом современных для того времени технологий) древней оросительной системы, а следующей — разработка программы, реализация которой позволила бы заселить вновь орошенные земли трудолюбивыми сельскохозяйственными производителями. Заметим, что речь шла о лежавших впусе землях, не занятых коренным населением, которое продолжало исстари

⁵ *Алимджанов Б. А.* А. Н. Куропаткин и экономическая политика Российской империи в Центральной Азии // *Юридическая наука: история и современность.* 2019. № 8. С. 93–103; *Бочкарева И. Б.* Ирригационный вопрос в политике России в Туркестане (конец XIX – начало XX вв.) // *Былые годы.* 2021. № 16 (3). С. 1399–1408; *Брусина О. И., Соловьева Л. Т.* Мургабское государево имение в Байрам-Али по материалам Г. И. Карпова: антиколониальная критика имперского подхода // *Электронный научно-образовательный журнал «История».* 2022. Т. 13. № 10 (120); *Дмитриева И. В.* Становление новой архитектуры и строительной науки в Средней Азии (конец XIX – начало XX века): автореф. дис. ... канд. архитектуры. Ташкент, 1994. 26 с.; *Настич В. Н.* Металлические марки дайханской конторы Мургабского государева имения // *Ориенталистика.* 2018. Т. 1. № 2. С. 237–250; *Саркисов М. М.* Ирригация южного Туркменистана / Туркменгипропроводхоз. М., 1992. 135 с.; *Слезкин А. В.* Храм в Мургабском государевом имении: конкурсные проекты и реализация // *Русская усадьба.* 2015. № 20 (36). С. 258–287; *Ходжакулиева Б. А.* Из истории туркмено-российских отношений: экономические преобразования в Закаспийской области // *Экономика и управление: проблемы, решения.* 2016. Т. 4. № 12. С. 68–73.

⁶ *Васильев Д. В.* Мургабское государево имение — образцовое хозяйство на юго-восточной окраине // *Гусевские чтения – 2024. Три измерения политической истории России: идеология, политика, практики: сб. науч. статей / отв. ред. Ю. В. Смирнова.* Т. 1. М.; Ярославль: Канцлер, 2024. С. 84–92; *Мазаев Н. А.* Аграрный сектор Мургабского государева имения как отражение аграрной политики Российской империи в Туркестанском крае // *Там же.* С. 258–272.

пользоваться маломощными ресурсами традиционных оросительных систем. Местные туркмены не должны были испытывать никаких трудностей, связанных с появлением государева имения. Власти неоднократно подчеркивали, что появление новых земледельцев никоим образом не должно было вмешиваться в традиционную систему водопользования.

Известно, что к моменту присоединения этой части туркменских земель к России на территории Мургабского оазиса (вне Мерва) проживало совсем незначительное население. Из них мервцев насчитывалось около 80 000 чел., а сарыков, проживавших в основном в Йолотанском оазисе, — около 22 000 душ⁷. Эти люди как раз и пользовались относительно небольшими старыми плотинами Казыклыбент и Каушутханбент, которые постоянно поддерживали в исправном состоянии. На них не распространялся интерес Департамента уделов, в зависимости от которого находилось Мургабское государево имение. Было принято решение устроить масштабное гидротехническое сооружение на месте разрушенной плотины Султанбент.

Пока шло строительство плотины, позволявшей обеспечить не только правый берег Мургаба, который, собственно, и отходил имению, но и левый, что открывало доступ к воде и йолотанским сарыкам, власти озаботились вопросами перспективы заселения огромной орошаемой территории (около 45 000 десятин).

В начале 1889 г. Министерство императорского двора и уделов направило в Мургабское государево имение высокопоставленного чиновника Департамента уделов, помощника управляющего департаментом действительного статского советника Н. Ваганова с целью выработки плана заселения имения земледельческим элементом. Вместе с ним на Мургаб были командированы чиновник особых поручений при Департаменте уделов действительный статский советник Рахманинов и главный удельный стряпчий статский советник Бородулин. Приступая к работе, Н. Ваганов привлек к совместной деятельности весьма компетентных лиц: инженера от Морского министерства генерал-майора В. Ф. Карловича, специалиста по ирригационным сооружениям инженера полковника С. Вейсенгофа, строителя Султанбентской плотины инженера И. Поклевского-Козелла. Позже к команде помощника управляющего Департаментом уделов присоединился управляющий Мургабским имением подполковник Н. Лутца.

Знакомство Ваганова и его сотрудников с ходом работ по строительству гидросооружений и наблюдение за мервцами и сарыками убедили столичного чиновника в том, что время для немедленной колонизации еще не наступило⁸. Более того, ему пришлось признать, что местные туркмены не могут составить основу земледельческого населения имения: «Как земледелие, так и орошение находятся у сарыков и у мервцев (особенно у последних) на весьма низкой степени. Те и другие

⁷ 1889 г. Сведения о состоянии земледелия и других сторон сельскохозяйственного быта у жителей Мервского оазиса и ближайших к нему частей Туркестанского края // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 515. Оп. 44. Д. 71. Л. 114 об.

⁸ 1889 г. октября 20. Рапорт помощника управляющему Департаментов уделов // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 71. Л. 15.

ведут вполне переложное хозяйство; поля обрабатываются плохо, а вода тратится без толку, так что встречается много участков вполне заболоченных; ценных культур (хлопка, шелководства, плодоводства) никаких нет и в настоящее время хлопков возделывается в пределах Мервского оазиса только на русских плантациях... устроенных на арендуемых у туркмен землях»⁹.

Поняв, что вопрос колонизации имения не менее сложен, чем вопрос его орошения, Н. Ваганов разделил своих сотрудников на две группы: сам он вместе К. Бородулиным, В. Рахманиновым и Н. Лутцау отправился в поездку по Туркестанскому краю, а С. Вейсенгоф, В.-Ф. Карлович остались в имении заниматься гидрологическими исследованиями и разбираться с другими инженерно-техническими вопросами. И. Поклевский-Козелл вернулся к непосредственному исполнению своих обязанностей.

С 5 по 27 сентября 1889 г. состоялась поездка в Туркестанский край. Рахманинов доехал со своими сотрудниками до Самарканда, а затем вернулся в Байрамали для изучения делопроизводства и отчетности. Кроме Самарканда удалось объехать большую часть Самаркандской, Сырдарьинской и Ферганской областей, а также посетить Ташкент, Ходжент, Копал, Коканд, Новый Маргелан и Андижан. Планировавшееся посещение Бухарского эмирата не состоялось по причине серьезного заболевания Карловича и Поклевского, которое заставило поспешить с возвращением в имение.

«При объезде областей Туркестанского края собирались как от туземцев, так и от чинов местной администрации сведения по вопросам программы (командировочного задания. — *Д. В.*) и, кроме того, изучалось посредством осмотров состояние земледельческой культуры и орошения в крае. При этом обращалось внимание также и на важные промыслы и другие стороны экономического быта страны, которые могли бы иметь значение при будущем устройстве государева имения»¹⁰.

В Самарканде участники поездки осмотрели оросительные системы Зеравшана и местные винодельческие предприятия. В Сырдарьинской области изучено хлопководство, в том числе хлопководческая и шелководческая опытные станции. Было установлено, что американский хлопок (не без инициативы местных властей) выращивало большое число русских служащих на собственных и арендованных землях. И это убедило путешественников в том, что с берегов Сырдарьи в имение хлынут русские арендаторы, имеющие опыт возделывания качественного хлопчатника¹¹.

А вот поездка по Ферганской долине и окрестностям показала, что основными хлопкоробами там были именно коренные жители. А высокие темпы прироста объема этого сырья подтолкнули Н. Ваганова и его коллег к мысли, что именно эта часть края имеет все шансы составить конкуренцию иностранным производителям.

⁹ 1889 г. октября 20. Рапорт помощника управляющему Департаментов уделов // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 71. Л. 16 об.

¹⁰ Там же. Л. 17 об.

¹¹ Там же. Л. 18.

Именно посещение Ферганской области убедило помощника управляющего Департаментом уездов в том, что «оседлые жители из большинства посещенных местностей были бы весьма желательными поселенцами для государева имения, и что в виду густоты населения, которое не уклоняется ни от какого труда, коль скоро труд дает хороший барыш, весьма вероятно такие поселенцы и найдутся, если условия пользования землей в государевом имении будут необременительны и, главное, понятны мусульманскому населению, которое во всем обиходе своем держится традиционных воззрений, вытекающих преимущественно из Корана и разных его толкований, и весьма трудно отступает от этих воззрений»¹².

Так и появился принцип учета мусульманского фактора, в принципе, не чуждый краевой администрации, но впервые столь ярко реализованный в имениях удельного ведомства. Об этом еще будет сказано ниже.

После возвращения из туркестанского турне Н. Ваганов из числа своих соратников образовал комиссию, которая занялась обсуждением проблемы колонизации имения и выработкой основных начал этой работы, равно как и перспектив устройства мургабского хозяйства вообще.

Имея в виду, что речь идет о вновь орошенных, никем не занятых землях, комиссия сочла возможным установить четыре формы землепользования в имении, разделив весь массив на: «а) земли, которые останутся в непосредственном распоряжении и пользовании удельного ведомства; б) земли, которые имеют быть отданы в постоянное пользование мусульманским поселенцам; в) земли, которые будут отдаваемы в постоянное пользование русским поселенцам и г) земли, оставляемые как запас для пользования ими в качестве удельных оброчных статей»¹³. В последнем случае речь шла о том, что позднее стали называть арендой.

Из упомянутых выше категорий группы б) и в) должны были составить подавляющую часть всего земельного фонда, группа а) должна была обеспечить насущные потребности самого имения (включая питомники и опытные поля), а группа г), как думалось, будет наверняка не значительной¹⁴.

Что же касается переселения, то приоритетным было признано привлекать на Мургаб именно русских земледельцев. Однако реальность подсказывала, что русские переселенцы с непривычки работать с хлопком и искусственным орошением столкнутся с непреодолимыми трудностями и не станут примером для коренных жителей края, а потому к отбору претендентов рекомендовалось подходить с большой осторожностью, принимая тех, кто уже имел опыт труда в регионе, был привычен к местному климату и знаком с технологией обработки орошаемой земли¹⁵. И таких земледельцев предлагалось рекрутировать семьями как из центральноазиатских, так и из закавказских владений Российской империи.

¹² 1889 г. октября 20. Рапорт помощнику управляющему Департаментов уделов // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 71. Л. 20 об.

¹³ Там же. Л. 67.

¹⁴ Там же. Л. 84.

¹⁵ Там же. Л. 85–85 об.

Комиссия сочла важным приглашение именно семейных людей, так как наличие нескольких пар рабочих рук давало возможность более эффективно справиться с непростой задачей выращивания и сбора хлопка, решение которой было не под силу одиночкам. В последнем случае, как представлялось, невозможно добиться прочного водворения переселенцев.

А так как русские, судя по всему, не могли уже (после выяснения всех обстоятельств) составить основную массу переселенцев, то ставку пришлось сделать на местных мусульман. А среди них на тех, что владели культурой орошаемого земледелия и были в состоянии вести эффективное и прибыльное хозяйство. Поездка по соседним туркестанским областям показала, что основная масса земледельческих наделов не должна была превышать четырех десятин. Именно такие наделы позволяли максимально эффективно использовать и землю, и воду.

Н. Ваганов с коллегами, видимо, понимая, что основную массу переселенцев составят именно мусульмане, приняли меры к тому, чтобы правила землепользования для них стали более понятными и приемлемыми. Так как местным мусульманам понятие аренды (как долгосрочной, так и годичной) было чуждо, остановились на принципе бессрочного потомственного пользования с обязательством постоянного хозяйствования и внесения определенной платы (хераджа в размере от 1/8 до 1/10 части урожая, вносимой натурой; перевод в денежное выражение был отложен на будущее)¹⁶. Такие же правила были установлены и для русских переселенцев. С одной стороны, это уравнивало в правах русских и коренных жителей (которые в противном случае могли оказаться в привилегированном положении). С другой, трудно найти еще один пример, когда бы русские в империи вынуждены были подчиняться инокультурным правилам регулирования имущественных отношений.

Однако капиталистические отношения вполне естественно должны были стать основой эффективного капиталистического хозяйства. Несмотря на натуральный характер платы за пользование землей (издольщина), те земледельцы, которые не вели хозяйства либо не вносили плату, должны были лишаться своего надела, который должен был передаваться другой семье на тех же условиях. Здесь следует добавить, что в имении вполне естественно предполагалось допустить подворное, но не общинное землепользование.

Чтобы закончить обсуждение вопроса о мусульманских поселенцах, заметим, что приглашать в имение намеревались ферганцев, самаркандцев, хивинцев и бухарцев, которые более всего были знакомы с искусственным орошением. А предпочтению намеревались отдать семиреченским дунганам и таранчам¹⁷, а также кашгарцам. При этом приглашение в имение местных йолотанских сарыков комиссия

¹⁶ 1889 г. октября 20. Рапорт помощника управляющему Департаментов уделов // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 71. Л. 68.

¹⁷ Васильев Д. В., Асанова С. А. Приют для страждущих: Миграция из Синьцзяна в Россию в 1860–1880-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 1. С. 34–46.

Н. Ваганова сочла нежелательным из-за того, что они не обладали земледельческой культурой достаточного уровня¹⁸.

Осталось обратиться к землям группы г), т. е. к собственно арендным участкам (оброчным статьям). Комиссия признала целесообразным выделять не более 50 дес. на каждый участок со сроком аренды до 36 лет. Каждому пожелавшему стать арендатором (стороннему лицу или поселенцу) следовало давать по одному участку. И в этом шаге также можно увидеть проникновение в Закаспийскую область капиталистических отношений: «Можно надеяться, что если сроки аренды будут продолжительные, то на этих участках разовьется постепенно фермерское хозяйство и что они, в большей по крайней мере части, будут в руках русских. <...> Подобные арендаторы были бы во всех отношениях желательны: они внесут и укрепят русский элемент в Мервском оазисе и при этом, как люди более развитые, сумеют, конечно, правильно поставить свои хозяйства. Поэтому и предполагается сдавать подобные участки на срок до 36 лет; а размер участков установить в пределах до 50 десятин, так как на подобном куске орошенной земли в большинстве местностей Средней Азии можно завести хозяйство, над которым стоит потрудиться. В течение 36-летнего арендного срока прилежный и разумный хозяин, имея 50 или даже менее десятин поливной земли в своем распоряжении, может не только прожить с известным довольством, но и составит себе порядочное состояние...»¹⁹.

После утверждения Александром III всеподданнейшего доклада министра императорского двора и уделов, содержавшего основные заключения комиссии действительного статского советника Н. Ваганова, все ее предположения обрели императивную силу закона и поступили в Управление Мургабским государевым имением для исполнения²⁰.

Однако все перечисленное выше — лишь планы, которые начали рушиться уже в конце 1890 г., когда напора мургабской воды не выдержала Султанбентская плотина, возведенная инженером И. Поклевским-Козеллом. Сами же планы колонизации Мургабского государева имения представляют интерес для понимания, так сказать, теоретических подходов Департамента уделов к организации хозяйства. Большой интерес вызывает фактическое положение дел, сопоставление которого с планами позволяет обратить внимание на трудности развития экономической составляющей имения и вынужденные изменения в планах государства.

Имеющиеся сведения на 1909 г. дают возможность понять реальное состояние колонизационного вопроса в Мургабском государевом имении в это время. В 1902 г. в Байрамали было учреждено полноценное приставство: появилось

¹⁸ 1889 г. октября 20. Основные положения по устройству и колонизации // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 71. Л. 70.

¹⁹ Объяснительная записка к основным положениям по устройству и колонизации Мургабского государева имения // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 71. Л. 99–100.

²⁰ 1890 г. марта 10. Предписание управляющего Департаментом уделов управляющему Мургабским государевым имением // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 71. Л. 139–143 об.

административно-полицейское управление, одной из обязанностей которого стали сбор статистических данных и представление отчетов по соответствующим отраслям жизни имения.

Так, отчет байрамалийского пристава М. И. Познанского за 1909 г. свидетельствует, что преобладающим населением в имении были почти исключительно представители коренного населения — туркмены. На второй позиции стояли служащие, рабочие и торговцы разных национальностей, начиная с русских. При этом пристав отметил, что местные туркмены, будучи по своему духу кочевниками, продолжают таковыми и оставаться, не имея прочной перспективы пребывания на землях имения, ибо к этому времени первоначальная идеалистическая концепция землепользования в имении изменилась. От планов наполнения имения поселенцами пришлось отказаться, а все его сельскохозяйственные земли стали сдаваться арендаторам на условиях ежегодного переоформления договоров, что, в принципе, противоречило мусульманской традиции, о которой говорилось выше. И коренные жители, находясь под постоянной угрозой прекращения арендных отношений, вынуждены были сохранять для себя возможность возврата к прежнему полукочевому или кочевому образу жизни²¹. Полковник Познанский видел нежелание туркмен оседать и в том обстоятельстве, что они отказывались селиться, подобно другим народам, большими аулами, а жили в одиночных кибитках или группами в несколько кибиток вблизи своих временных посевов.

На территории имения проживали в меньшем числе и текинцы, вышедшие из Бухарского эмирата. Они, по словам пристава, выделялись нищетой и отсутствием нравственности: «Эти нищие идут на черную работу, и число их сильно колеблется в зависимости от времени года; больше всего их бывает перед сбором хлопка»²². Ту же долю населения составляли афганцы, приходившие на сбор хлопка. Но их преимущество состояло в том, что они приводили с собой отары баранов, чем оказывали помощь населению. Четвертую группу представителей коренных жителей Центральной Азии составляли таранчи (илийские уйгуры), приглашенные из Семиреченской области на строительство первой Султанбентской плотины и оставшиеся на территории имения. Они в силу своих сельскохозяйственных пристрастий занимались хлебопашеством, а также извозом и другими промыслами²³.

За период с 1902 г. (когда были начаты соответствующие подсчеты) по 1909 г. включительно число представителей коренного населения, проживавших в имении, возросло с 2718 до 7609 чел., русских и представителей других национальностей — с 1142 до 1705 чел. Такое увеличение числа коренных жителей капитан Роминский объяснял расширением орошаемых площадей и возможностью привлечения новых рабочих рук. Что же касается русских, то рост их количества объяснялся прибавлением служащих в имении и на заводах²⁴.

²¹ 1910 г. Годовой отчет по административно-полицейскому управлению Мургабского государства имения за 1909 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 45. Д. 1003. Л. 60 об.

²² Там же. Л. 61.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 61 об.

Во второй половине 1908 г. в имении побывал сенатор К. К. Пален, который по особому распоряжению императора осуществил ревизию его администрации. В ходе своей работы Пален выявил следующие проблемы. Было установлено, что земельные наделы получали не непосредственные земледельцы, а арендаторы, сдающим землю в субаренду дейханам, что принципиально противоречило и предложениям комиссии Н. Ваганова, и идеологии императорского указа от 6 августа 1887 г. При этом чистая прибыль от продажи хлопка распределялась между арендаторами. Из этого процесса фактически были исключены непосредственные производители — дейхане. Сенатора весьма обеспокоила ситуация, при которой последние были оторваны от результатов своего труда, не были заинтересованы в долгосрочном результате и не были «крепки» к этой земле, не воспринимали ее как свою и не были готовы потенциально отстаивать ее российский суверенитет. Он отметил: «Создался особый класс арендаторов-посредников, которые, не затрачивая ни труда, ни капитала, исключительно за одно только посредничество получали ежегодно крупный доход с арендуемых ими участков, уменьшая тем самым и доходность государева имения и прибыль лиц, действительно обрабатывавших землю»²⁵.

В 1907 г. общая площадь посевов в имении составила 12 799 дес., из которых более 6000 дес. были заняты хлопком²⁶. Ревизией было установлено, что имение могло разместить на орошаемых площадях более 1000 арендаторов. Получается, что идеальный арендуемый участок должен был составить 12 дес. На деле же оказалось, что 5775 дес. хлопковых земель владели всего 379 арендаторов, то есть в среднем по 15 дес. Но это не все. 186 арендаторов-работников пользовались 866 дес. (4,6 дес. — почти как и предлагалось изначально для поселенцев), 193 арендатора-посредника — 4009 дес. (20,8 дес., что больше предполагавшегося надела поселенца, но меньше планировавшегося участка долгосрочного арендатора). Ревизоры подсчитали годовой совокупный убыток государева имения и дейхан — 300 тыс. руб. Одновременно было установлено, что самые крупные арендные участки получили даже не представители коренного населения, а служащие имения и аффилированные с ними лица²⁷. Несколько позднее были названы размеры участков для русских долгосрочных арендаторов — 45 дес. — и для коренных жителей — 15 дес.²⁸ Но были из этих правил весьма заметные исключения: переводчик Дурдули Шираков — 374 дес. (1906), Берды Ишан — 547 дес. (1907), Мемед Кебедов — 167,05 дес. (1907), Курбан Агабаев — 615,3 дес. (1908)²⁹.

²⁵ 1910 г. сентября 12. Заключение о дальнейшем направлении дела по обвинению бывших помощника начальника Главного управления уделов, управляющего Мургабским государевым имением и помощника управляющего тем же имением в преступлениях по должности // РГИА. Ф. 515. Оп. 38. Д. 1830. Л. 123 об.

²⁶ Там же. Л. 123.

²⁷ Там же. Л. 123 об. – 124.

²⁸ 1910 г. декабря 1. Доклад о ревизии Мургабского государева имения // РГИА. Ф. 515. Оп. 81. Д. 164. Л. 360–360 об.

²⁹ 1910 г. сентября 12. Заключение о дальнейшем направлении дела по обвинению. Л. 125–125 об., 130, 131 об.

В итоге на конец первого десятилетия XX в. все земли имения, не занятые под его собственные нужды, сдавались исключительно в аренду. От выделения наделов переселенцам в постоянное пользование отказались. В качестве арендаторов удельное ведомство желало видеть туркмен-текинцев из числа постоянных жителей имения, однако практика демонстрировала абсолютную randomness в выборе арендаторов. В тогдашних нормативных документах речь идет именно не о поселенцах, а о долгосрочных арендаторах. Каждому такому арендатору полагался под посев хлопка единственный участок площадью не более 100 дес., причем в это число включались и его дейхане (субарендаторы). Служащим в имении, за исключением представителей военно-народного управления, старшины, судьи и мирзы (помощники старшин), аренда запрещалась. Последняя категория должностных лиц могла получать землю на общих основаниях³⁰.

С 1/3 до 1/2 возросло количество хлопка, сдававшегося натурой (аналог хераджа) управлению в качестве арендной платы. Исключение было сделано для таранчей³¹, имевших особые заслуги перед имением. За это арендаторы могли бесплатно получать семена, мешки для сбора хлопка, а также осуществлять его очистку, упаковку и прессовку на местном хлопкоочистительном заводе. Кроме того, арендатор имел возможность бесплатно ремонтировать в мастерских имения современный сельскохозяйственный инвентарь. А в случае форс-мажорных обстоятельств доля сдававшегося в пользу имения урожая сокращалась. Непосредственно возделывавшим хлопок дейханам полагалось 40 % от всего урожая, а самому арендатору — 10 %³². Арендаторы хлопковых земель могли при необходимости получать у Управления имением займы³³.

В это время имение заключало с арендаторами долгосрочные договоры сроком на 12 лет, условия которых предполагали, что последние могли выращивать зерновые (хлеба), люцерну и хлопок при трехпольном севообороте. За все посевы, кроме хлопка, следовало вносить арендную плату деньгами. За хлопок же, как уже было отмечено выше, — натурой³⁴.

Заключение. Итак, в начале XX столетия русский элемент так и не стал доминирующим в хозяйстве Мургабского государева имения. Титульная нация не смогла стать опорой прогрессивного капиталистического хозяйства в закаспийском оазисе. Зато своей возможностью воспользовались выходцы

³⁰ 1919 г. февраля 18. Правила для сдачи земли Мургабского государева имения в аренду под хлопковые посевы в 1909 году // РГИА. Ф. 515. Оп. 81. Д. 162. Л. 25.

³¹ 1919 г. марта 24. Рапорт помощника начальника началнику Главного управления уделов // РГИА. Ф. 515. Оп. 81. Д. 164. Л. 321 об. – 392.

³² 1919 г. февраля 18. Правила для сдачи земли Мургабского государева имения в аренду под хлопковые посевы в 1909 году // РГИА. Ф. 515. Оп. 81. Д. 162. Л. 25 об. – 26.

³³ 1919 г. февраля 18. Правила выдачи в 1909 году займов арендаторам хлопковых земель Мургабского государева имения // РГИА. Ф. 515. Оп. 81. Д. 162. Л. 27.

³⁴ 1909 г. Проект условия долгосрочных арендаторов // РГИА. Ф. 515. Оп. 81. Д. 162. Л. 35, 37 об.

из других районов российской Центральной Азии, некоторые из которых смогли превратиться в весьма успешных капиталистов. Вместо массы крепких семейных землепользователей и слоя долгосрочных арендаторов-фермеров основными «производителями» стали арендаторы-латифундисты, массово эксплуатировавшие труд дейхан. Формально в начале XX в. договоры полагалось заключать на меньшие (в пять раз) по площади участки и на меньший (в четыре раза) срок, чем планировалось комиссией Н. Ваганова, что, конечно же, не способствовало развитию частного предпринимательства. Но при этом тем или иным образом составлялись наделы больше планировавшихся в 10 раз со сроком аренды всего на один год. По форме капиталистическое мероприятие превращалось, по сути, в нечто сродни «черному переделу». Даже состоятельные арендаторы не были уверены в площади и месте нахождения своего участка в следующем году.

Предполагавшиеся уступки мусульманам были успешно побеждены вполне созревшей буржуазной действительностью. Вместе с идеей создания мощного слоя подготовленных и специально отобранных переселенцев погиб и принцип бессрочного землепользования, повсеместно замененный арендой. Сохранился херадж. Но только на первый взгляд. Вместо привычной для региона натуральной формы его внесения была внедрена денежная форма. Натуральная осталась лишь для хлопка. Да и то только потому, что управлению имением было выгодно осуществлять первичную переработку сырца на своем заводе, чтобы обеспечивать загрузку его производственных мощностей.

Словом, все благие надежды на создание образцового хозяйства разбились о суровую капиталистическую реальность и желание минимизировать затраты там, где это было наименее заметно. Намерение скорейшего перехода к прибыльности имения привело к упрощению первоначальной идеи, заложенной указом Александра III от 6 августа 1887 г. (и развитой Н. Вагановым), и к превращению Мургабского государева имения в прекрасную витрину Российской империи в Азии, за которой скрывались пороки фактически нерегулируемой адаптации традиционных представлений коренного населения региона к новым условиям. В итоге земледельцы нового Мургабского оазиса по-прежнему тяготели к экстенсивным приемам ведения сельского хозяйства.

Литература

1. Алимджанов Б. А. А. Н. Куропаткин и экономическая политика Российской империи в Центральной Азии // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 8. С. 93–103.
2. Бочкарева И. Б. Ирригационный вопрос в политике России в Туркестане (конец XIX – начало XX вв.) // Былые годы. 2021. № 16 (3). С. 1399–1408. <https://www.doi.org/10.13187/bg.2021.3.1399>
3. Брусина О. И., Соловьева Л. Т. Мургабское государево имение в Байрам-Али по материалам Г. И. Карпова: антиколониальная критика имперского подхода // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. № 10 (120). e22. <https://www.doi.org/10.18254/S207987840023218-8>. URL: <https://history.jes.su/s207987840023218-8-1/>

4. Васильев Д. В. Мургабское государево имение — образцовое хозяйство на юго-восточной окраине // Гусевские чтения – 2024. Три измерения политической истории России: идеология, политика, практики: сб. науч. статей / отв. ред. Ю. В. Смирнова. Т. 1. М.; Ярославль: Канцлер, 2024. С. 84–92.
5. Дмитриева И. В. Становление новой архитектуры и строительной науки в Средней Азии (конец XIX – начало XX века): автореф. дис. ... канд. архитектуры. Ташкент, 1994. 26 с.
6. Канода Н. Н. Аграрная политика царизма в Туркменистане. Ашхабад: Ылым, 1991. 222 с.
7. Мазаев Н. А. Аграрный сектор Мургабского государева имения как отражение аграрной политики Российской империи в Туркестанском крае // Гусевские чтения – 2024. Три измерения политической истории России: идеология, политика, практики: сб. науч. статей / отв. ред. Ю. В. Смирнова. Т. 1. М.; Ярославль: Канцлер, 2024. С. 258–272.
8. Настич В. Н. Металлические марки Дайханской конторы Мургабского Государева имения // Ориенталистика. 2018. Т. 1. № 2. С. 237–250. <https://www.doi.org/10.31696/2618-7043-2018-1-2-237-248>
9. Саркисов М. М. Ирригация южного Туркменистана. М.: Геоинформмарк, 1992. 135 с.
10. Слёзкин А. В. Храм в Мургабском государевом имении: конкурсные проекты и реализация // Русская усадьба. 2015. № 20 (36). С. 258–287.
11. Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 239 с.
12. Ходжакулиева Б. А. Из истории туркмено-российских отношений: экономические преобразования в Закаспийской области // Экономика и управление: проблемы, решения. 2016. Т. 4. № 12. С. 68–73.

References

1. Alimjanov B. A. A. N. Kuropatkin i ekonomicheskaja politika Rossiiskoi imperii v Tsentral'noi Azii [Gen. Kuropatkin and the economic policy of the Russian Empire in the Central Asia] // Iuridicheskaja nauka: istoriia i sovremennost' [Legal Science: History and Modernity]. 2019. № 8. P. 93–103. (In Russ.).
2. Bochkareva I. B. Irrigatsionnyi vopros v politike Rossii v Turkeстане (konets XIX – nachalo XX vv.) [The irrigation issue in Russia's policy in Turkestan (end of the 19th – beginning 20th centuries)] // Bylye gody. 2021. № 16 (3). P. 1399–1408. <https://www.doi.org/10.13187/bg.2021.3.1399> (In Russ.).
3. Brusina O. I., Solovyeva L. T. Murgabskoe gosudarevo imenie v Bairam-Ali po materialam G. I. Karpova: antikolonial'naja kritika imperskogo podkhoda [Murghab State Estate in Bairam-Ali based on the materials of G. I. Karpov: anti-colonial critique of the imperial concept] // Istoriya. 2022. Vol. 13. № 10 (120). e22. <https://www.doi.org/10.18254/S207987840023218-8>. URL: <https://history.jes.su/s207987840023218-8-1/> (In Russ.).
4. Vasilyev D. V. Murgabskoe gosudarevo imenie — obraztsovoe khoziaistvo na iugovostochnoi okraine [Murghab State Estate is an exemplary farm on the southeastern outskirts] // Gusevskie chteniia – 2024. Tri izmereniia politicheskoi istorii Rossii: ideologija, politika, praktiki: sbornik nauchnykh statei / ed. by Yu. V. Smirnova. Vol. 1. Moscow; Yaroslavl: Kantsler, 2024. P. 84–92. (In Russ.).

5. Dmitrieva I. V. Stanovlenie novoi arkhitektury i stroitel'noi nauki v Srednei Azii (konets XIX – nachalo XX veka) [Formation of new architecture and construction science in Central Asia (late 19th – early 20th century)]: abstract of the dissertation of the Candidate of Architecture. Tashkent, 1994. 26 p. (In Russ.).
6. Kanoda N. N. Agrarnaia politika tsarizma v Turkmenistane [Agrarian policy of tsarism in Turkmenistan]. Ashkhabad : Ylym, 1991. 222 p. (In Russ.).
7. Mazaev N. A. Agrarnyi sektor Murgabskogo gosudareva imeniia kak otrazhenie agrarnoi politiki Rossiiskoi imperii v Turkestanskom krae [The agricultural sector of the Murghab State Estate as a reflection of the agrarian policy of the Russian Empire in the Turkestan region] // Gusevskie chteniia – 2024. Tri izmereniia politicheskoi istorii Rossii: ideologiya, politika, praktiki: sbornik nauchnykh statei / ed. by Yu. V. Smirnova. Vol. 1. Moscow; Yaroslavl: Kantsler, 2024. P. 258–272. (In Russ.).
8. Nastich V. N. Metallicheskie marki Daikhanskoi kontory Murgabskogo gosudareva imeniia [Metal stamps of the peasant office of the Murghab Sovereign's Estate] // Orientalistica. 2018. Vol. 1. № 2. P. 237–250. <https://www.doi.org/10.31696/2618-7043-2018-1-2-237-248> (In Russ.).
9. Sarkisov M. M. Irrigatsiia iuzhnogo Turkmenistana [Irrigation of Southern Turkmenistan]. Moscow: Geoinformmark, 1992. 135 p. (In Russ.).
10. Slezkin A. V. Khram v Murgabskom gosudarevom imenii: konkursnye proekty i realizatsiia [Temple in the Murghab Sovereign's Estate: competition projects and implementation] // Russkaia usad'ba. 2015. № 20 (36). P. 258–287. (In Russ.).
11. Tikhomirov M. N. Prisoedinenie Merva k Rossii [The annexation of Merv to Russia]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1960. 239 p. (In Russ.).
12. Khodzhaikulieva B. A. Iz istorii turkmeno-rossiiskikh otnoshenii: ekonomicheskie preobrazovaniia v Zakaspiiskoi oblasti [From the history of the Turkmen-Russian relations: economic reforms in Zacaspiian region] // Economics and Management: Problems, Solutions. 2016. Vol. 4. № 12. P. 68–73. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94(74)

DOI: 10.24412/2076-9105-2024-456-131-142

Павленко Алла Игоревна

аспирантка

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

kabantsovaai@mgpu.ru; ORCID: 0009-0000-6032-7409

**НОВЫЕ МЕДИА О ПОЛИТИЧЕСКОМ КРИЗИСЕ
ОСЕНИ 1993 г. В РОССИИ:
К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

Аннотация. В статье исследуется проблема освещения блогерами Рунета политического кризиса осени 1993 г. в России. В последнее десятилетие новые медиа существенно окрепли и приобрели авторитет у широкой аудитории, которой они рассказывают о событиях прошлого и настоящего и совершают попытки их объяснить. Основные положения видеороликов о кризисной странице отечественной истории крупных и известных блогеров разной политической ориентации подвергаются критике. В статье выносятся на обсуждение тезис: профессиональному научному сообществу необходимо уделять больше внимания просветительской деятельности, чтобы грамотно и корректно объяснять общественности дискуссионные вопросы истории России и тем самым формировать историческую память без искажений.

Ключевые слова: новые медиа, кризис 1993 г., расстрел Дома Советов, «Черный октябрь», блогеры, историческая память.

Для цитирования: Павленко А. И. Новые медиа о политическом кризисе осени 1993 г. в России: к вопросу об исторической памяти // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 4 (56). С. 131–142. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2024-456-131-142>

Original article

UDC 94(74)

DOI: 10.24412/2076-9105-2024-456-131-142

Pavlenko Alla I.

Postgraduate Student

Moscow City University

Moscow, Russia

kabantsovaai@mgpu.ru; ORCID: 0009-0000-6032-7409

**NEW MEDIA ABOUT THE POLITICAL CRISIS
OF AUTUMN 1993 IN RUSSIA:
ON THE ISSUE OF HISTORICAL MEMORY**

Abstract. The article examines the problem of coverage of the political crisis of autumn 1993 in Russia by Runet bloggers. In the last decade, new media have grown significantly stronger and gained authority for a wide audience to whom they tell and attempt to explain the past and present. The main provisions of videos about the crisis page of Russian history by large and well-known bloggers of various political orientations are criticized. The article brings up for discussion the need to pay more attention to educational activities by the professional scientific community in order to competently and correctly explain to the public controversial issues of Russian history and thereby form historical memory without distortion.

Keywords: New media, crisis of 1993, shooting of the House of Soviets, Black October, bloggers, historical memory.

For citation: Pavlenko A. I. New media about the political crisis of autumn 1993 in Russia: on the issue of historical memory // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 4 (56). P. 131–142. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2024-456-131-142>

Введение. Период перестройки в СССР положил начало масштабному осмыслению событий прошлого, в особенности актуальной стала тема белых пятен в российской истории. Эта тенденция сохраняется и в наше время. Как и в эпоху гласности, активным освещением и толкованием российской истории занимаются публицисты. В наши дни публицистика обрела новые черты в виде блогинга на различных интернет-площадках. Блогеры или новые медиа с подписчиками, счет которых может исчисляться миллионами, по-разному трактуют и преподносят те или иные события российской истории. Они в определенном смысле пропагандируют тот или иной взгляд на прошлое. Часть инфлюенсеров ведет диалог с аудиторией с марксистских позиций, кто-то — с либертарианских или консервативных и т. д. Наиболее популярными среди аудитории являются ролики о недавнем прошлом России. Советская история, «лихие девяностые» и период с 2000 г. вызывают бурные дискуссии в комментариях к сюжетным видеороликам. Восприятие широко-ми массами тех событий будет влиять на восприятие современной политики и российской действительности.

В связи с ростом влияния новых медиа, особенно на молодежь, и популяризацией истории в России, мы считаем необходимым проанализировать, как известные блогеры с видеоплощадки YouTube объясняют, что произошло в кризисный период российской истории, а именно осенью 1993 г., когда разразилась горячая фаза политического кризиса начала 1990-х гг. и был осажден Дом Советов. В данной статье рассмотрены шесть видеороликов от лидеров общественного мнения о политическом кризисе 1993 г. в России.

Ученые Т. Каулфильд и Д. Фахи уже несколько лет ставят вопрос о новом тренде на популяризацию знаменитостями и медийными лицами порой антинаучных или околонучных знаний¹. Другие американские исследователи Д. Р. Джонсон и соавт. отмечают важность исследований научной коммуникации, большую часть которых занимает изучение роли известных ученых в передаче научных знаний публике, не связанной с наукой². Проблема деятельности блогеров интересует и российских ученых. Например, вопросы искажения новыми медиа сюжетов фэнтези были подняты в выступлении профессора НИУ ВШЭ М. А. Штейнман³. В этой связи актуальность исследований об исторической памяти в России возрастает: блогеры взяли на себя роль просветителей ненаучной аудитории в сфере науки, и в частности истории. Они предпринимают попытки объяснить, как было на самом деле и как прошлое влияет на наше настоящее. Более того, деструктивные тенденции в области исторического просвещения, исторической памяти были отмечены в Указе Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения»⁴. В ч. II «Основания для выработки государственной политики в области исторического просвещения» п. 6, пп. б говорится о рисках и угрозах, к которым относятся «попытки деформации исторической памяти и искажения исторической правды, негативные оценки событий и периодов отечественной истории, распространение ложных представлений о России»⁵. Таким образом, руководство страны, понимая важность исторической правды для граждан, приняло меры для популяризации научного знания в области истории и исторического просвещения с целью укрепления государственности. На наш взгляд, трудно не согласиться, что в современных условиях проблема исторической истины и правды является животрепещущей.

¹ *Caulfield T., Fahy D.* Science, celebrities, and public engagement // *Issues in Science and Technology*. 2016. Vol. 32. № 4. URL: <https://drive.google.com/file/d/1VIOT8dSGlRXIN24s0Uaf4hMaapR-88En/view> (дата обращения: 03.01.2024).

² *Johnson D. R., Ecklund E. H., Di D., Matthews K. R. W.* Responding to Richard: celebrity and (mis)representation of science // *Public Understanding of Science*. 2016. Vol. 27. № 5. P. 535–536. <https://www.doi.org/10.1177/0963662516673501>

³ Научные бои наоборот: спецвыпуск с преподавателями. URL: https://vk.com/video-131597813_456239209 / Научные бои: Вышка 1.12.2023 г. (дата обращения: 01.02.2024).

⁴ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405080001?index=1> (дата обращения: 08.05.2024).

⁵ Там же.

Таблица

Основные тезисы авторов тематических видеороликов о политическом кризисе 1993 г. в России

Блогер	Причины кризиса	Последствия кризиса	Оценка произошедшего
Максим Кац*	<ol style="list-style-type: none"> 1. Торможение Конституционным судом РФ процесса декоммунизации. 2. Популизм и неконструктивная позиция народных депутатов стали тормозом для проведения рыночных реформ и задержали на несколько очень тяжелых лет начало экономического роста 	Суперпрезидентская конституция позволила его преемнику Владимиру Путину построить режим автократии	Государственный переворот, гражданская война
Клим Жуков	<ol style="list-style-type: none"> 1. Получая контрреволюция, начавшаяся с приходом к власти Никиты Хрущева; горячая фаза — при Горбачеве. 2. Сложилось двоевластие. 3. Участие иностранных агентов и спецслужб в политической жизни России начиная с перестройки. 4. «Большие деньги» купили СМИ и представителей творческой интеллигенции. 5. Нарушение Б. Н. Ельциным Конституции РФ. 6. Первая информационная война за всю историю страны в пользу президента 	<ol style="list-style-type: none"> 1. На основе этих событий выросла современная демократия. 2. Вымирало по 800 000 человек в год. 3. Продали 0,25 % оружейного урана за границу. 4. Развал флота, спецслужб, экономики. 5. «Гитизация» бывшего РСФСР 	Контрреволюционный переворот, путч, фашистский переворот, государственный переворот

<p>Андрей Рудой*</p>	<p>1. Перестановка политических сил в Верховном Совете и на Съезде народных депутатов не в пользу президента. 2. Политика либеральных реформаторов, которая ставила перед собой задачу, по словам Анатолия Чубайса, «забить последний гвоздь в крышку гроба коммунизма». 3. Антиконституционные указы президента в сентябре 1993 г.</p>	<p>1. Сформировалась нынешняя политическая система. 2. Новый класс олигархии получил всю полноту власти. 3. Отсутствие реальной оппозиции власти Бориса Ельцина</p>	<p>Кризис 1993 года, «черный октябрь»</p>
<p>Илья Варламов*</p>	<p>1. Депутаты и президент по-разному представляли новую Россию. 2. Конституционный кризис</p>	<p>1. Борис Ельцин забрал и формальную, и фактическую власть. 2. Ельцин смог продвинуть не только либеральные реформы, но и заложил основы суперпрезидентской власти в России</p>	
<p>Сергей Минаев</p>	<p>Борьба за власть</p>	<p>Победа ЛДПР В. В. Жириновского на выборах в ГД РФ 12 декабря 1993 г.</p>	<p>Путч 1993 года, расстрел Белого Дома</p>
<p>Алексей Пивоваров*</p>	<p>Борьба старой и новой элит за власть</p>	<p>Призыв делать выводы самим зрителям</p>	

Примечание. * — признан иноагентом по решению Минюста РФ.

Ход и результаты исследования. Основой исследования стало сравнение контента блогеров о политическом кризисе осени 1993 г.⁶ (см. табл.).

Можно отметить, что совпадения во мнениях по поводу причин кризиса есть только у двух блогеров — Сергея Минаева и Алексея Пивоварова*⁷. Они отмечают, что борьба за власть легла в основу кризиса. Блогеры Максим Кац*, Клим Жуков и Андрей Рудой* считают складывание авторитарного стиля управления страной последствием политического кризиса. В остальном в блогерской среде представлены разные подходы к пониманию того, что произошло и что последовало за этим в политике.

Несмотря на единую информацию об участниках конфликта, похожие кино- и фотоматериалы, хронологический метод рассказа, видеоролики отличает диаметрально противоположный контекст. И с этими творческими интерпретациями исторического события на 19 января 2024 г. ознакомилось внушительное количество человек: у Максима Каца* — 951 тыс. просмотров за три года; канала «Редакция» — 3,2 млн просмотров за три месяца; Андрея Рудого* — 330 тыс. за 4 года; Сергея Минаева — 2,1 млн за три года; Ильи Варламова* — 927 тыс. за три месяца; у Клим Жукова — 1,1 млн за четыре года. В совокупности было сделано 8,6 млн просмотров в России и других странах. К сожалению, мы не можем знать точное количество уникальных пользователей и коэффициент повторных просмотров, чтобы сложить более полное представление о качестве привлеченной аудитории. Кроме того, нам неизвестно количество накрученных просмотров так называемыми ботами. Тем не менее количество просмотров шести информационных видеороликов практически равно населению Московской области в 2023 г.⁸

Историки акцентируют внимание на несколько иных причинах и последствиях политического кризиса осени 1993 г. Политолог Н. И. Чувашова привела семь вариантов причин политического кризиса осени 1993 г., которые выделяли российские историки: борьба за власть⁹, институциональный конфликт¹⁰,

⁶ См.: Октябрь 1993: как случился расстрел Белого дома? / Редакция. 05.10.2023 г. URL: <https://youtu.be/samW19W196g?si=ZvI6Fhti6IBMX643> (дата обращения: 01.11.2023); Расстрел Белого дома. Пutsch 1993. Уроки истории / МИНАЕВ. 27.10.2020 г. URL: https://youtu.be/gjXo_SrMm4s?si=WlggWazXZ2Z0_fTA (дата обращения: 05.11.2023); Зачем Ельцин расстреливал Белый дом из танков / Максим Кац. 10.06.2020 г. URL: <https://youtu.be/XtWUic0eqg?si=HaDA502UGbdnZvNB> (дата обращения: 07.11.2023); Штурм Белого дома: зачем он был нужен и как помогает Путину. История России / Varlamov. 05.10.2020 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=o5GTyXoGPmQ&ysclid=m52f91ixat722245288> (дата обращения: 08.11.2023); «ЧЕРНЫЙ ОКТЯБРЬ» 1993-го: как Ельцин нёс «демократию» / Вестник бури. 01.10.2019 г. URL: https://youtu.be/RbKqQ4nxBs0?si=T-4_j3voDU2bR5dr (дата обращения: 02.11.2023); Черный октябрь 1993 / Клим Жуков. 29.10.2019 г. URL: https://youtu.be/QM0dRZuvm3E?si=jM72_UrPqRgtmKp (дата обращения: 03.11.2023).

⁷ * — признан иноагентом по решению Минюста РФ.

⁸ Более 8,5 млн человек проживают в Московской области // Правительство Московской области: сайт. URL: <https://mosreg.ru/sobytiya/novosti/news-submoscow/bolee-8-5-mln-chelovek-prozhivayut-v-moskovskoi-oblasti> (дата обращения: 01.12.2024).

⁹ Мунчаев Ш. М. Политическая история России: от становления самодержавия до падения Советской власти. М., 1999. С. 714.

¹⁰ Никовская Л. И. Трансформация в России в контексте социального конфликта. М., 2003. Ч. 1. С. 34.

конфликт властей совместно с конфликтом регионов и центра¹¹, схватка Термидора с Реставрацией¹², мятеж красно-коричневых¹³ и антиконституционный переворот¹⁴. Историк Р. Г. Пихоя считает, что политика экономических реформ формировала новое состояние политической обстановки в стране, следствием которого стала конфронтация между законодательной и исполнительной ветвями власти¹⁵. Историк С. В. Журавлев в своей статье пишет, что разгон Верховного Совета лишил страну демократического достижения советского общества в лице обновленных Советов, которые сформировались еще в перестроечный период¹⁶. Специалист по политической истории Е. А. Тарасова утверждает, что в условиях сложившегося двоевластия депутатский корпус был настроен на согласованную работу с исполнительной властью, в то время как Б. Н. Ельцин проводил политику по ликвидации парламента¹⁷. Американист В. В. Согрин считает, что в основу кризиса легли разногласия по вопросам социально-экономической политики и отсутствие опыта у политиков во взаимодействии в условиях разделения властей¹⁸. Политолог В. Гельман утверждает, что силовой разгон Верховного Совета и Съезда народных депутатов произошел потому, что Б. Н. Ельцину не удалось привлечь широкий круг сторонников¹⁹. Тем не менее на страницах многих научных гуманитарных журналов можно встретить схожие с блогерами мнения. Так, И. М. Поняев считает, что среди элит велась борьба за власть и собственность²⁰. Такой подход к рассмотрению конфликта разделяют историки Ш. М. Мунчаев и В. М. Устинов²¹.

Можно увидеть многообразие мнений среди ученых, которые порой диаметрально противоположно оценивают события осени 1993 г. Однако новые медиа приводят в основе своей либо далекие от научного видения причины политического кризиса, либо озвучивают лишь одну причину российской трагедии осени 1993 г. — борьбу за власть. Отметим практически полное несовпадение в анализе политического кризиса 1993 г. новыми медиа и российскими учеными. Это заставляет

¹¹ Фурман Д. Е. Наша политическая система и ее циклы // Свободная мысль. 2003. № 11. С. 17.

¹² Согрин В. В. Революция и Термидор. К исторической типологии общественно-политического процесса в России // Вопросы философии. 1998. № 1. С. 14–15.

¹³ Ельцин – Хасбулатов: единство, компромисс, борьба. М., 1994. С. 53.

¹⁴ Зевелев А., Павлов Ю. Расколотая власть. 14 дней и ночей гражданской войны в Москве осенью 1993 года. М., 1995. С. 86.

¹⁵ Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985–2005. М., 2007. С. 406.

¹⁶ Журавлев С. В. Перестройка как момент истины: к дискуссиям о природе и судьбе СССР // Российская история. 2022. № 6. С. 8.

¹⁷ Тарасова Е. А. Конституционные кризисы 1992–1993 годов в России. М., 2005. С. 140.

¹⁸ Согрин В. В. Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачёва до Путина. М., 2001. С. 145.

¹⁹ Гельман В. Я. Из огня да в полымя: российская политика после СССР. М., 2013. С. 46.

²⁰ Поняев И. М. Политический кризис 1993 года в России: предпосылки, причины и упущенные возможности разрешения // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 206–215.

²¹ Мунчаев Ш. М. Политическая история России: от становления самодержавия до падения Советской власти. М., 1999. С. 714.

задуматься как об объективности блогеров, так и о степени их информированности о произошедшем в 1993 г. при подготовке своих публичных материалов.

В ходе своего рассказа о противостоянии Верховного Совета и президента блогеры привлекают различные исторические источники. Одни используют кино- и фотохронику в качестве визуального сопровождения, другие ведут свой монолог, опираясь на различные документы и интервью в качестве аргумента или доказательства своих слов, а третьи строят свой рассказ вокруг интервью очевидцев.

Илья Варламов* пригласил на интервью четверых участников событий осени 1993 г.: журналиста Андрея Колесникова, бывших народных депутатов Верховного Совета Илью Константинова и Виктора Аксючица, а также политолога Георгия Сатарова. Писатель и блогер Сергей Минаев в ходе своего рассказа делает ссылки на мемуары Коржакова; фото событий осени 1993 г.; указы Президента РФ, в том числе известный Указ № 1400, телеобращение Б. Н. Ельцина 21 сентября 1993 г.; интервью автора с Алексеем Венедиктовым*; видео штурма телецентра «Останкино»; телеобращение Егора Гайдара 3 октября 1993 г.; видео призыва Лии Ахеджаковой защищать президента; а также интервью со следователем генпрокуратуры Леонидом Прошкиным.

Профессиональный игрок в покер, оппозиционный общественно-политический деятель и блогер Максим Кац* в качестве источников использует 14 фрагментов видеохроники сентября – октября 1993 г. Блогер с историческим образованием Клим Жуков ссылается только на текст Конституции РСФСР 1978 г. В отличие от других блогеров, бывший школьный учитель истории Андрей Рудой* привлекает значительное количество источников. В них вошли два интервью; статистические данные; видеосюжеты о митингах 1992–1993 гг.; новостной выпуск «Новости недели»; выступление Б. Н. Ельцина 21 сентября 1993 г.; части стенограмм заседаний Верховного Совета РФ; статьи из российских газет; делопроизводственные материалы; фото- и кинохроника столкновений осени 1993 г. Архитектор по образованию, предприниматель и блогер Илья Варламов* ссылается на четыре источника: авторские интервью с участниками событий осени 1993 г.; цитаты из мемуаров Б. Н. Ельцина «Дневник президента»; видео телеагитации в пользу Бориса Ельцина перед референдумом 25 апреля 1993 г.; телеобращение Б. Н. Ельцина 21 сентября 1993 г. Профессиональный журналист и медиаменеджер Алексей Пивоваров* использует видео- и фотохронику, а также авторские интервью с восемнадцатью участниками и очевидцами политического кризиса.

Заметим, что ни один видеоролик блогеров в основе своей не содержит точных ссылок на привлекаемые источники. Исключение составил писатель Сергей Минаев, который дает только одну ссылку на ресурс, откуда были взяты видеоматериалы для сюжета²². Что касается остальных блогеров, то остается только догадываться, действительно ли привлеченные кадры фото- и видеосъемки являются подлинными. Встает также вопрос об истинности текстов

²² Ельцин-центр: [сайт]. URL: <https://yeltsin.ru/archive> (дата обращения: 05.11.2023).

документов и мемуаров, так как нет ссылок на данные источники. Наиболее остро вопрос об искажениях привлекаемых источников встает в эпоху искусственных нейронных сетей и технологий фотошопа. Отсутствие достоверных ссылок на использованные материалы существенно отличает научно-популярный и развлекательный контент от строго научного подхода к созданию исторических работ. На наш взгляд, ненаучная аудитория даже при желании проверить слова блогеров может встретиться с проблемами проверки привлекаемых ими источников как в силу отсутствия навыков поиска подлинных исторических источников, так и по причине больших временных затрат на поиск.

Особое внимание обращает на себя работа блогера Андрея Рудого*, который опросил жителей Нижнего Новгорода о событиях осени 1993 г. Он отмечает, что «эти события вымываются из народной памяти». В ходе интервью оказалось, что многие респонденты не смогли сказать что-то конкретное о расстреле Дома Советов и даже путали эти события с августовским путчем 1991 г. Подобное «беспамятство» отмечает журналист и писатель Сергей Минаев в своем видеоролике.

Отметим, что на видеоплощадке YouTube существуют достаточно известные и авторитетные научно-просветительские каналы «Постнаука» и «Цифровая история». Эти каналы созданы, чтобы рассказывать широкой публике о различных процессах, явлениях, событиях, личностях и многом другом с точки зрения науки. «Постнаука» с 2011 г. занимается просвещением по различным отраслям науки. «Цифровая история» историка Егора Яковлева с 2017 г. специализируется на всеобщей и отечественной истории. Данные площадки приглашают профильных специалистов и ученых и в формате лекций или дискуссий объясняют, что произошло на различных этапах российской истории. Однако за столь продолжительное существование на этих действительно экспертных площадках нет ни одного видеоролика про политический кризис 1993 г. в России. В то же время, говоря о привлечении экспертов в рамках просветительских видеороликов, ни один из представителей вышеуказанных новых медиа не опубликовал мнение ученого насчет политического кризиса 1993 г. Для сравнения: Илья Варламов* в видеороликах, посвященных другим темам, приводит мнение действующих ученых²³ и профессионалов в области журналистики²⁴. Таким образом, встает вопрос о характере видеороликов на тему политического кризиса в 1993 г. в России. Привлечение блогерами только интервью с участниками и очевидцами расстрела Дома Советов в качестве основы видеоролика еще больше характеризует творчество новых медиа как сугубо субъективное.

²³ Наука в России: самые безумные теории от ДНК до Золотой Орды. Генетика, религия и эволюция / Varlamov. 08.02.2024 г. URL: https://youtu.be/-vgd7rOnqVA?si=Rxul6ZE7n_9Uet2D (дата обращения: 11.02.2024).

²⁴ Интервью Путина Такеру Карлсону: что это было и зачем. Лекция по истории Украины для американцев / Varlamov. 11.02.2024 г. URL: https://youtu.be/1MsnWJHGnPE?si=E8AR_IDzFEU7pOm0 (дата обращения: 11.02.2024).

Заключение. Французский философ и режиссер Ги Дебор утверждал, что «специалисты по иллюзорным дискуссиям»²⁵ намеренно выстраивают свою логику на той системе, которая может их ангажировать. Подтверждением тому могут служить новые медиа в России, влиятельная часть которых намеренно преподносит страницы прошлого России в искаженном виде. И это искажение представляет собой не подтасовку фактов, а их предвзятую интерпретацию в общей канве деятельности блогеров. Научному сообществу важно учитывать влияние новых медиа на российское общество, так как вольные суждения крупных блогеров способны размывать границы истинности прошлого. Их медийность и авторитет среди ненаучной аудитории влияют на восприятие людьми истории России. Мы убеждены, что нельзя допустить доминирования неисторичного знания, и выносим на обсуждение необходимость популяризации российской исторической науки силами научного сообщества.

Литература

1. Гельман В. Я. Из огня да в полымя: российская политика после СССР. СПб.: БХВ-Петербург, 2013. 255 с. (Цивилизация).
2. Дебор Г. Общество спектакля / пер. с фр. С. Офертас и М. Якубович; ред. Б. Скуратов; послесловие А. Кефал. М.: Логос, 2000. 208 с.
3. Ельцин – Хасбулатов: единство, компромисс, борьба / Рос. независимый ин-т социал. и нац. пробл., Центр полит. и экон. истории России; [сост. Л. Н. Доброхотов и др.; авт. предисл. М. К. Горшков и др.]. М.: Терра, 1994. 613 с.
4. Журавлев С. В. Перестройка как момент истины: к дискуссиям о природе и судьбе СССР // Российская история. 2022. № 6. С. 3–14. <https://www.doi.org/10.31857/S0869568722060012>
5. Зевелев А., Павлов Ю. Расколота власть. 14 дней и ночей гражданской войны в Москве осенью 1993 года. М.: РОССПЭН, 1995. 118 с.
6. Мунчаев Ш. М., Устинов В. М. Политическая история России: От становления самодержавия до падения советской власти. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999. 789 с.
7. Никовская Л. И. Трансформация в России в контексте социального конфликта. Ч. 2. М.: Ключ-С, 2003. 314 с.
8. Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985–2005. М.: Русь-Олимп: Астрель, 2007. 554 с.
9. Поняев И. М. Политический кризис 1993 года в России: предпосылки, причины и упущенные возможности разрешения // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 206–215. <https://www.doi.org/10.18384/2310-676X-2017-5-206-215>
10. Согрин В. В. Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина. М.: Весь мир, 2001. 272 с.
11. Согрин В. В. Революция и Термидор. К исторической типологии общественно-политического процесса в России // Вопросы философии. 1998. № 1. С. 3–17.
12. Тарасова Е. А. Конституционные кризисы 1992–1993 годов в России. М.: Литера, 2005. 207 с.

²⁵ Дебор Г. Общество спектакля. М., 2000. С. 10.

13. Фурман Д. Е. Наша политическая система и ее циклы // Свободная мысль. 2003. № 11. С. 9–30.
14. Johnson D. R., Ecklund E. H., Di D., Matthews K. R. W. Responding to Richard: celebrity and (mis)representation of science // *Public Understanding of Science*. 2016. Vol. 27. № 5. P. 535–536. <https://www.doi.org/10.1177/0963662516673501>

References

1. Gelman V. Ya. Iz ognia da v polymia: rossiiskaia politika posle SSSR [Out of the fire and into the flames: Russian politics after the USSR]. St. Petersburg: BKhV-Peterburg, 2013. 255 p. (Tsivilizatsiia). (In Russ.).
2. Debor G. Obshchestvo spektaklia / perevod s frantsuzskogo S. Ofertas i M. Iakubovich; redaktor B. Skuratov; posleslovie A. Kefal [The Society of the performance / translated from the French by S. Ofertas and M. Yakubovich; edited by B. Skuratov; afterword by A. Kefal]. Moscow: Logos, 2000. 208 p. (In Russ.).
3. El'tsin – Khasbulatov: edinstvo, kompromiss, bor'ba / Rossiiskii nezavisimyi institut sotsial'nykh i natsional'nykh problem, Tsentri politicheskoi i ekonomicheskoi istorii Rossii; sostaviteli L. N. Dobrokhotov i dr.; avtory predisloviia M. K. Gorshkov i dr. [Yeltsin – Khasbulatov: unity, compromise, struggle / Russian Independent Institute of Social and National Problems, Center for Political and Economic History of Russia; [compiled by L. N. Dobrokhotov et al.; authors of the preface M. K. Gorshkov et al.]. Moscow: Terra, 1994. 613 p. (In Russ.).
4. Zhuravlev S. V. Perestroika kak moment istiny: k diskussiiam o prirode i sud'be SSSR [Perestroika as a moment of truth: on discussions about the nature and fate of the USSR] // *Russian History*. 2022. № 6. P. 3–14. <https://www.doi.org/10.31857/S0869568722060012> (In Russ.).
5. Zevelev A., Pavlov Yu. Raskolotaia vlast'. 14 dnei i nochei grazhdanskoi voiny v Moskve osen'iu 1993 goda [The split government. 14 days and nights of the civil war in Moscow in the autumn of 1993] Moscow: ROSSPEN, 1995. 118 p. (In Russ.).
6. Munchaev Sh. M., Ustinov V. M. Politicheskaiia istoriia Rossii: Ot stanovleniia samoderezhaviia do padeniia sovetskoi vlasti [The political history of Russia: From the formation of autocracy to the fall of Soviet power]. Moscow: NORMA-INFRA-M, 1999. 789 p. (In Russ.).
7. Nikovskaya L. I. Transformatsiia v Rossii v kontekste sotsial'nogo konflikta. Ch. 2 [Transformation in Russia in the context of social conflict. Part 2]. Moscow: Kliuch-S, 2003. 314 p. (In Russ.).
8. Pihoya R. G. Moskva. Kreml'. Vlast'. Dve istorii odnoi strany. Rossiia na izlome tyshacheletii. 1985–2005 [Moscow. Kremlin. Power. Two stories of the same country. Russia at the turn of the millennium. 1985–2005]. Moscow: Rus'-Olimp: Astrel', 2007. 554 p. (In Russ.).
9. Ponyaev I. M. Politicheskii krizis 1993 goda v Rossii: predposylki, prichiny i upushchennye vozmozhnosti razresheniia [Political crisis of 1993 in Russia: prerequisites, reasons and missed opportunities to resolve It] // *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Politic Sciences*. 2017. № 5. P. 206–215. <https://www.doi.org/10.18384/2310-676X-2017-5-206-21>. (In Russ.).
10. Sogrin V. V. Politicheskaiia istoriia sovremennoi Rossii. 1985–2001: ot Gorbacheva do Putina [Political history of modern Russia. 1985–2001: from Gorbachev to Putin]. Moscow: Ves' mir , 2001. 272 p. (In Russ.).

11. Sogrin V. V. Revoliutsiia i Termidor. K istoricheskoi tipologii obshchestvenno-politicheskogo protsessa v Rossii [Revolution and thermidor. On the historical typology of the socio-political process in Russia] // Voprosy Filosofii. 1998. № 1. P. 3–17. (In Russ.).
12. Tarasova E. A Konstitutsionnye krizisy 1992–1993 godov v Rossii [Constitutional crises of 1992–1993 in Russia]. Moscow: Litera, 2005. 207 p. (In Russ.).
13. Furman D. E. Nasha politicheskaiia sistema i ee tsikly [Our political system and its cycles] // Svobodnaia mysl' [Free Thought]. 2003. № 11. P. 1–24. (In Russ.).
14. Johnson D. R., Ecklund E. H., Di D., Matthews K. R. W. Responding to Richard: celebrity and (mis)representation of science // Public Understanding of Science. 2016. Vol. 27. № 5. P. 535–536. <https://www.doi.org/10.1177/0963662516673501>

Научная статья

УДК 94

DOI: 10.24412/2076-9105-2024-456-143-158

Шеркова Татьяна Алексеевна

кандидат исторических наук

Центр египтологических исследований РАН

Москва, Россия

sherkova@inbox.ru; ORCID: 0000-0002-6203-1959

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД В ДОДИНАСТИЧЕСКОМ И РАННЕДИНАСТИЧЕСКОМ ЕГИПТЕ В КОНТЕКСТЕ ОБРЯДОВ ПЕРЕХОДА

Аннотация. В каждом переходном обряде человек проходил через символическую смерть, возрождаясь в новом качестве. В погребальном обряде умерший преодолевал сложные и опасные препятствия во время инициации перехода в мир предков и богов. В системе трех этапов переходных обрядов физическая смерть соответствует отделению умершего от мира живых, затем следуют похороны как пребывание между небом и землей, в социальном безвременье, и на третьем этапе покойный включается в мир почитаемых первопредков и богов, трижды символически переступая через порог (*limen*); изменяется, трансформируется его состояние в процессе инициации при проведении ритуалов. Проведение ритуалов в переходном погребальном обряде является частным случаем в миросозерцании древних египтян в бинарных представлениях о победе космоса над хаосом.

Ключевые слова: ритуал, обряд, инициация, миф, погребение, загробный мир, образ, символ, лодка, «отверзание уст», космос, хаос.

Для цитирования: Шеркова Т. А. Погребальный обряд в додинастическом и раннединастическом Египте в контексте обрядов перехода // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 4 (56). С. 143–158. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2024-456-143-158>

Original article

UDC 94

DOI: 10.24412/2076-9105-2024-456-143-158

Sherkova Tatiana A.

Candidate of Historical Sciences

Center for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

sherkova@inbox.ru; ORCID: 0000-0002-6203-1959

**FUNERAL RITES
IN PREDYNASTIC AND EARLY DYNASTIC EGYPT
IN THE CONTEXT OF TRANSITIONAL RITES**

Abstract. In each transitional rite, a person passed through a symbolic death, being reborn in a new capacity. In the funeral rite, the deceased overcame difficult and dangerous obstacles during the initiation of the transition to the world of ancestors and gods. In the system of three stages of transitional rites, physical death itself corresponds to the separation of the deceased from the world of the living, then the funeral follows as a stay between heaven and earth, in social timelessness and at the third stage the deceased is included in the world of revered ancestors and gods, symbolically crossing the threshold three times (limen); his state changes and transforms during the process of initiation during rituals. The performance of rituals in a transitional funeral rite is a special case in the worldview of the ancient Egyptians in binary ideas about the victory of the cosmos over chaos.

Keywords: ritual, rite, initiation, myth, burial, afterlife, image, symbol, boat, “opening of the mouth,” cosmos, chaos.

For citation: Sherkova T. A. Funeral rites in predynastic and early dynastic Egypt in the context of transitional rites // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 4 (56). P. 143–158. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2024-456-143-158>

Введение. Погребальный обряд принадлежал к числу основных переходных обрядов, связанных с изменением (повышением) социального статуса, наряду с рождением, достижением юношеского возраста, свадьбой и пр., предполагающих инициацию. Жизнь и смерть составляют оппозицию, крайние противолежащие точки на линии жизни человека, разделенные в социуме целым рядом переходных обрядов, охватывающих биологическую, физиологическую, психологическую, интеллектуальную и социальную составляющие в трансформации человека. В каждом переходном обряде человек проходил через символическую смерть, возрождаясь в новом качестве. И в погребальном обряде умерший преодолевал сложные и опасные препятствия во время инициации перехода в потусторонний мир.

Обычай сооружать погребения свидетельствует о существовании в культуре представлений о продолжении жизни в загробном мире, о новом рождении. И если приуроченные к погребению ритуалы являются действиями, направленными на восстановление порядка, то они совершаются согласно универсальным

представлениям о победе космоса над хаосом, в каждой культуре выраженным мифами и ритуалами на своем, присущем ей образно-символическом языке. Здесь мы вторгаемся в длящуюся многие годы дискуссию о том, что было первично: миф или ритуал. Однако, не внедряясь в эту специальную дискуссию, отметим, что, возможно, следует повернуть ее русло в сторону их единства. Ведь, с одной стороны, мы имеем действие (план выражения), а с другой — слово (план содержания). И одно без другого существовать не может. Слово, речь по-гречески пишется как слово «миф» и обозначает миф¹. Представления, которые отражает ритуальное действие, очевидно, предполагает существование мифологических повествований, которые скрываются за вещными формами погребального обряда.

На высшем уровне представлений о картине мира мифологическое сознание, оперируя бинарной системой противоположностей, актуализировалось в ритуальной практике, призванной упорядочить, обновить, гармонизировать мироздание. Для носителей архаического и классического периода древне-египетской культуры ритуал играл центральную роль, ибо «только в ритуале достигается переживание целостности бытия и целостности знания о нем, понимаемое как благо и отсылающее к идее божественного как носителя этого блага»². Ритуал начинается с хаоса — старения мира и всего, что он содержит. И все действия во время ритуалов нацелены на восстановление, возрождение обновленного мира.

Обряды перехода являлись основополагающими вехами на жизненном пути каждого члена общества в социокультурном контексте изучения традиционных и древних культур, начиная с самых ранних фаз их существования. Сущность обрядов перехода состоит в том, что человек проходит ряд этапов, переходя из одного состояния в другое, что является единым для всех социумов независимо от традиций и степени развития социальной и политической системы. Этнограф, фольклорист, культуролог А. Геннеп разделяет обряд перехода на три фазы: отделения от одного состояния, промежуточной и включения в новое состояние. В терминологии А. Геннепа это прелиминарные обряды отделения; лиминарные, совершаемые в промежуточный период, и лиминарные — обряды включения³. Латинский термин *limen*, означающий слово «порог», вносит метафоричность в содержание обряда перехода, метафоричность, присущую мифологическому сознанию, символически отождествляющему явления, причастные к разным категориям событий и действий.

Специалист по социальной антропологии Э. Лич также выделяет три этапа переходных обрядов, применяя иную терминологию. Первая фаза отделения иницируемого (посвящаемого) состоит в том, что человек изымается из нормального

¹ Топоров В. Н. Мифология. Статьи для мифологических энциклопедий. Т. 1. М., 2014. С. 269.

² Топоров В. Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988. С. 17.

³ Геннеп ван А. Обряды перехода. М., 2002. С. 26–28, 103, 169.

существования, превращаясь в аномального человека, пребывающего в аномальном времени. На следующем этапе для иницируемого наступает период социального безвременья. Эти промежуточные обряды, приводящие иницируемого в «маргинальное состояние», состоят в том, что он отделяется от привычной жизни, помещается в замкнутое пространство, исполняет все предписания и запреты в отношении еды, одежды и передвижения. Он словно находится между небом и землей. С точки зрения обычных людей, иницируемый «заражен священным началом», находясь в священном состоянии, чем и опасен для других, «грязен». На третьей фазе иницируемый возвращается в общество и приспособливается к новой роли. Он облачается в новую одежду, соответствующую новому статусу⁴. «Поскольку каждый разрыв социального времени, — делает вывод Лич, — представляет собой конец одного периода и начало другого и поскольку “рождение/смерть” представляют собой самоочевидный “естественный” образ “начала/конца”, то символика смерти и возрождения подходит ко всем обрядам перехода и осязательно проявляется в широком спектре конкретных случаев»⁵. В погребальном обряде смерть — только дверь в будущую жизнь.

Культуролог М. Элиаде полагал, что, будучи феноменом сакральным, как и миф, обряд перехода является посвящением, так как «происходит коренная перемена онтологического состояния или общественного статуса». Особую роль играл погребальный обряд, когда речь идет «об одновременном изменении как онтологического состояния, так и общественного положения»⁶.

Египтолог и культуролог Ян Ассман отмечал, что, если миф хранит священные писания, то обряд вносит в общество порядок, противостоящий хаосу. В бесписьменных обществах целью обрядов (ритуальной коммуникации) является циркуляция и воспроизводство знания, обеспечивающего идентичность, тесно связанных между собой. «Обряды — это каналы, “жилы” в которых течет обеспечивающий идентичность смысл, инфраструктура идентификационной системы». И далее: «в бесписьменных обществах, а также таких, которые, подобно Древнему Египту, основывались, несмотря на употребление письма, на “обрядовой когерентности”, когерентность группы опирается на принцип ритуального повторения, причем в плане как синхронии, так и диахронии»⁷.

Ход и результаты исследования. В додинастическом дописьменном Египте мы имеем дело с материальными источниками. Реконструировать погребальный обряд позволяет анализ основных параметров: формы могильной ямы, наземного сооружения над ней, положения погребенного, содержание

⁴ Лич Э. Культура и коммуникация. Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. М., 2001. С. 95–98.

⁵ Там же. С. 97.

⁶ Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. С. 115–119.

⁷ Ассман Ян. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 154.

погребального инвентаря, при том что собственно *предмет символизирует делание, то есть ритуал*. Памятники культуры Нагада распространены в Среднем и Верхнем Египте левобережья и правобережья Нила на ранней (амратской, I, $\approx$ с 3700 г. до н. э.) и средней (герзейской, II, $\approx$ с 3300 г. до н. э.) фазах. На третьей, позднединастической фазе ($\approx$ с 3200 г. до н. э.) эта культура продвинулась в Низовье, хотя процесс этот начался уже на предыдущей фазе. В историческом аспекте процесс связан с ранним этапом политической унификации страны, когда владыки Верхнего Египта протодинастического и раннединастического времени завоевывали дельту Нила. В результате произошла ассимиляция местных культур, последовательно развивавшихся в Низовье, от Меримде, Эль-Омари до Буто-Маадийского культурного комплекса. Хотя эти культуры, включая погребальный обряд, были достаточно близки культуре Нагада, и их памятники встречаются в Среднем Египте.

Основные параметры погребений демонстрируют эволюционный процесс, который включает в себя развитие социально-имущественных отношений, а также позволяют раскрыть основные мифо-религиозные представления, отраженные в погребальном обряде.

Некрополи культуры Нагада различались размерами, наиболее крупные из них находились на важных исторических локальных территориях Иераконполя и Абидоса, включая входящие в эти регионы памятники, т. е. близ протогородов, которые становились центрами будущих номов начиная с амратско-герзейской фазы. Основная часть могил этого периода, достаточно мелких, округлых или овальных в плане, как легкие хижины, в которых умершие обитали при жизни. Умерших хоронили в скорченном положении, с согнутыми перед лицом руками. Их заворачивали в циновки и/или в шкуры животных. Иногда тело укладывали на носилки. Погребальный инвентарь ограничен сосудом или несколькими сосудами. В могиле устраивали ниши, в которых оставляли различные предметы, входящие в число сопровождающих умершего даров. На ранних фазах редкие богатые инвентарем погребения также были круглыми или овальными, но с фазы Нагада II они приобретали прямоугольную форму, становились более тщательно оформленными. По-прежнему они находились на территории общих некрополей. Эти могилы принадлежали значимым в социальном плане умершим. Именно наполненность вещного материала позволяет реконструировать представления, отраженные в ритуалах, предусмотренных погребальным обрядом. Наличие богатых погребений дает основание говорить о социально-имущественной иерархии, существовавшей на ранних фазах культуры Нагада. Собственно говоря, уже в предшествующей и частично одновременной амратской фазе культуры Нагада Бадарийской культуре в Среднем Египте начался процесс дифференциации общества с выделением аристократических родов. На некрополях этой культуры найдены богатые погребальным инвентарем и тщательно оформленные погребения, хотя и очень редкие⁸.

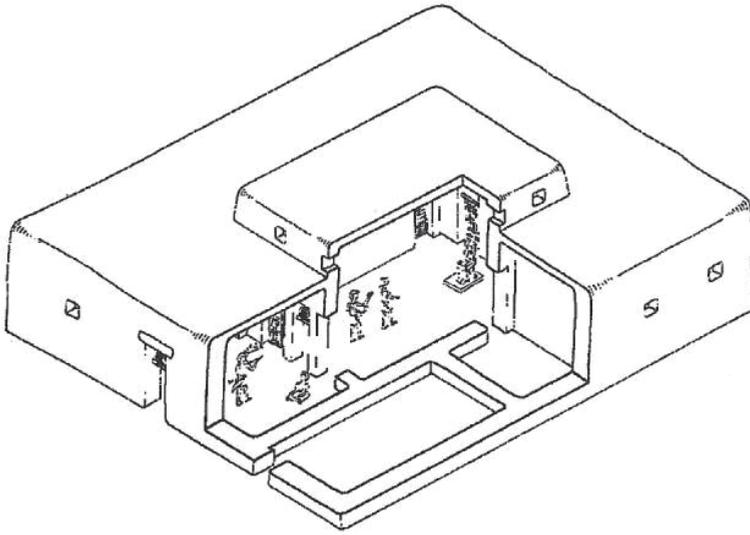
⁸ Anderson W. Badarian burials: evidence of social inequality in Middle Egypt during the Early Predynastic Era // Journal of American Research Center of Egypt. Princeton, 1992. Vol. XXIX. P. 51–66.

Наряду с большими некрополями в Иераконполе и на входящих в его регион территориях, где были обнаружены и исследованы протогорода, существовавшие начиная с ранних фаз в Нагаде, были найдены малые некрополи, в которых были похоронены представители местной элиты (Т, В и G), датированные Нагадой II⁹ и Нагадой III¹⁰. В додинастическом городе Иераконполе уже в амратско-герзейский период существовал культовый центр бога Хора, который почитался в образе сокола. В 2,5 км в сторону Западной пустыни находился элитный некрополь со сложной планировкой вокруг каждого погребения, окруженного изгородью. Они являлись центрами комплексов, включая поминальные сооружения, сопровождающие человеческие погребения, а по внешнему кольцу — могилы животных. Такие комплексы, датированные IC – ПАВ культуры Нагада (ок. 3700–3600 гг. до н. э.), происходят из некрополя НК6¹¹. Здесь были найдены самые ранние маски, которые надевали на лица покойных¹². Однако эти могилы были нарушены при новых захоронениях в протодинастический период. К фазе Нагада IIC (3400–3300 гг. до н. э.)¹³ относится гробница 100 с панно, на котором изображены сцены с нильскими кораблями и мотивами, характерными для искусства этого периода¹⁴. На панно представлена вереница кораблей, на одном из которых в наосе происходит ритуальный бег царя во время празднования *hb-sd*, переходного обряда подтверждения легитимности его правления. На черном корабле лежит умерший царь, погребенный в этой гробнице (рис. 1).

Рис. 1. Панно из гробницы 100. Иераконполь¹⁵

- ⁹ Davis W. Cemetery T at Nagada // *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts Abteilung Kairo*. Mainz am Rhein, 1983. № 39. P. 23.
- ¹⁰ Hoffman M. A. *Egypt before the Pharaohs*. Ljondon, 1991. P. 116.
- ¹¹ Friedman R. The cemeteries of Hierakonpolis // *Acheo-Nil*. 2008. Vol. 18. № 1. P. 8–29.
- ¹² Friedman R. Masking in Early Egypt: A View from Hierakonpolis // *The Physicality of the Other. Masks from the Ancient Nearen and the Eastern Meditteranean* / ed. by A. Berlejung and J. E. Filitz. Tübingen: Mohr Siebeck, 2018.
- ¹³ Adams B., Cialowicz K. M. *Protodynastic Egypt*. London, 1997. P. 5, 36–40. (Shire Egyptology, 25).
- ¹⁴ Hierakonpolis II / plates of discoveries, 1898–99, with description of the site in detail, by F. W. Green; description of the discoveries, by J. E. Quibell. London, 1902. Pl. LXXV–LXXIX.
- ¹⁵ Ibid.

Рис. 2. Реконструкция гробницы Скорпиона I. Умм эль-Кааб¹⁶

Элитные могилы имели прямоугольную форму, а стенки были облицованы сырцовым кирпичом. Само погребение отделялось от всего пространства могильной ямы невысокими стенами. В протодинастический период гробницы стали превращаться в многокамерные сооружения с наземной частью, своего рода дома для умерших в загробном мире. Одной из ранних была гробница царя нулевой династии Скорпиона I из большого некрополя в Умм эль-Каабе (Абидос)¹⁷ (рис. 2). В нем находились погребения всех фаз культуры Нагада, включая и самые поздние. К югу от него расположен некрополь царей нулевой династии — Ири-Хора, Хора-Каа (Нагада IIIA1–IIIB (3300–3100 гг. до н.э.)) и Хора-Нармера (IIIC1 (3100–3000 гг. до н. э.))¹⁸, а еще южнее — некрополь царей I и II династий. Эти гробницы представляли собой грандиозные постройки с наземной и подземной частью, как и царские мастабы в Саккаре¹⁹.

На всех этапах развития культур Нижнего, Среднего и Верхнего Египта умерших хоронили в скорченном положении, с руками перед лицом, на правом или левом боку, головой на север или юг и лицом, обращенным на запад или восток. И эти факты, собранные на основании раскопок, предоставляют информацию о представлениях, причастных к погребальному обряду. При этом поворот лица на восток или запад, видимо, играет наиболее важную роль. Хотя нельзя сказать, что существовала полная унификация положения скелетов, речь может идти о доминирующем способе.

¹⁶ Dreyer G. Op. cit. P. 130, fig. 14.6.

¹⁷ Dreyer G. Tomb U-J: a royal burial of dynasty 0 at Abydos // Before the pyramids. The origins of Egyptian civilization. Chicago, 2011. P. 127–136.

¹⁸ Hendrickx S. The emergence of the Egyptian State // Cambridge Worlds Prehistory. Vol. 1. Cambridge, 2014.

¹⁹ Шеркова Т. А. Аспекты изучения сакральной архитектуры в додинастическом и раннединастическом Египте // Бюллетень науки и практики. 2022. Т. 8. № 4. С. 567–583.

В Северном Египте в культуре Меримде (V тыс. до н. э.) преобладала ориентация *головой на юг и лицом на восток*, хотя были и «*глядящие*» на запад. В культуре Эль-Омари (IV тыс. до н. э.) головы скелетов *обращены на юг и лицом на запад*. В Маадийском культурном комплексе (частично одновременном верхнеегипетской культуре Нагада I – ПАВ (3600–3400 гг. до н. э.) умерших хоронили *головой на юг и лицом на восток*. Однако на некоторых памятниках, умершие лежали *головой на северо-восток и лицом на запад, реже — на восток*.

В Бадарийской культуре, распространенной в Среднем Египте, преимущественно хоронили *головой, обращенной на юг, лицом на запад, реже — на восток*. В культуре Нагада на ранних фазах в Среднем Египте (Абадие, Ху, Диосполис Парва, Матмар, Бадари, Мостагедда) скелеты лежали *головой на север, лицом на запад*. В Верхнем Египте, в регионе Абидоса, в Махасне в основном скелеты лежали *головой на юг, лицом на восток, реже — на запад*; в Эль-Амра — *лицом на восток*. В Иераконполе — *головой на юг, лицом на запад*; позднее в фазе Нагада III – I династия — *головой на север, лицом на восток*.

Если обращенность лица принимать за основную черту в ориентации покойных, то напрашивается вывод о том, что носители додинастических культур Нижнего и Верхнего Египта ориентировались по движению Солнца, восходящего и заходящего, с чем были связаны доминирующие в тот или иной период представления об уходе умерших в загробный мир, основанные на развитом культе предков и/или идее о солярном источнике нового рождения. Однако оба принципа сочетались, поскольку наблюдения за движением Солнца по небесной сфере объединялись в целостность, что в дальнейшем нашло свое отражение в солярных представлениях, в образах солнечных богов и Осириса, мыслившегося как вчерашнее Солнце — царь загробного мира. Празднование в честь Осириса в Абидосе происходит от ритуалов, связанных с погребением царей раннединастического времени в регионе Абидоса. Этот праздник возник в Древнем царстве в результате мифологизации древнего погребального ритуала раннединастического периода, когда в Абидосе находился царский некрополь²⁰, т. е. праздник возник на базе представлений о культе царских предков. Однако культ предков сложился в еще более раннее время и был распространен среди носителей додинастических культур. Универсальные для древних и традиционных культур мифологические представления содержали мотив о началах мира и происхождении людей от первопредков. Древнейшие мифы, рожденные в первобытные времена, свидетельствуют о невыделенности человека из природы. Представления о свободном переходе общинников из образа человека в почитаемое животное и наоборот, присущие тотемическим обществам²¹, свидетельствуют о единстве человека и природы на первобытных стадиях развития социума. В додинастическом Египте тотемические

²⁰ Ассман Ян. Египет. Теология и благочестие ранней цивилизации. М., 1999. С. 276.

²¹ Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1990. С. 82, 354, 359, 539; Костюхин Е. А. Типы и формы животного эпоса. М., 1987. С. 34–36.

представления сохранились, и номовые боги изображались в виде животных; этой традиции следовала культура на протяжении всей древней истории. В материалах культуры Нагада I и II часто встречаются статуэтки антропоморфной богини с ликом птицы, руками, сложенными в виде рогов коровы и кистями рук, сжатыми в кулачки, имитирующими змеиные головки (рис. 3). Образ богини-коровы представлен и на расписных сосудах типа D герзейской фазы²², на панно из гробницы 100 (Нагада IIС) в Иераконполе (см. рис. 1).

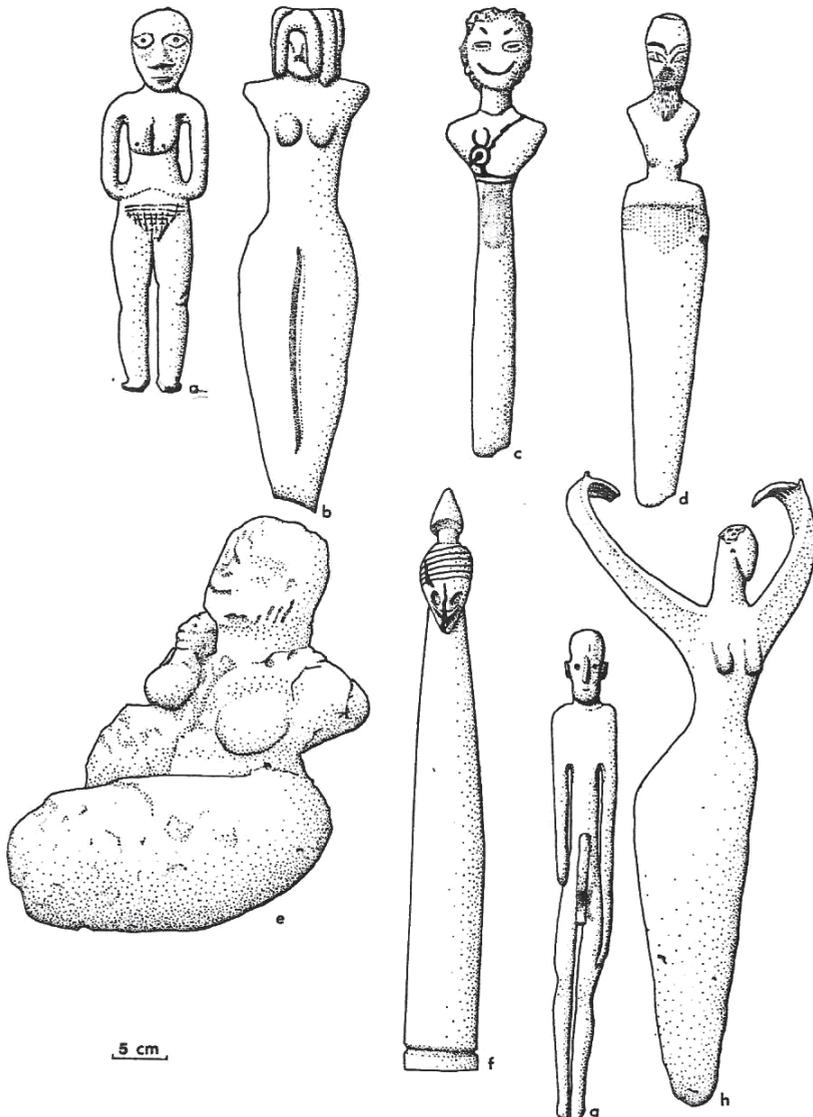

Рис 3. Амратская фигурка (a)²³, бадарийская фигурка (h)²⁴

²² Шеркова Т. А. Образы и мотивы на расписной керамике типа С и D в додинастическом Египте // Бюллетень науки и практики. 2024. Т. 10. № 11. С. 443, рис. 18.

²³ Adams B. *Predynastic Egypt*. London, 1988. Fig. 35, h.

²⁴ Ibid. Fig. 35, a.

Основным средством передвижения в Египте были нильские корабли и лодки. Модели лодок находились в числе положенных в могилы предметов начиная с амратской фазы. Реальные крупные лодки найдены возле гробниц царей нулевой и первых династий в Умм эль-Каабе. Возле Западной мастабы так называемых заупокойных храмов царей I–II династий, принадлежавшей анонимному царю, находилось захоронение 14 деревянных лодок длиной по 25 м²⁵; в царском некрополе в Саккаре, возле мастабы основателя I династии Хора-Аха находилось захоронение нильской лодки длиной в 20 м²⁶. Традиция захоронения нильских кораблей и лодок хорошо известна по раскопкам на плато Гиза, где возвышаются великие пирамиды царей IV династии с теофорными именами — Хафра и Менкаура — «сыновей Ра», культ которого стал государственным при V династии²⁷. Представления о ладье солнечного бога существовали уже в раннединастическое время. Во всяком случае, такое предположение позволяет сделать изображение на гребне из кости царя I династии Хора-Джета из Абидоса. На ладье восседает солнечный бог Хор в образе сокола, а бог Ра почитался при царях II династии, о чем свидетельствуют теофорные имена царей Небра и Неферкара²⁸.

Из вышеприведенных материалов следует, что в представлениях носителей культуры Нагада не только царь, но и простые общинники перемещались в иной мир на лодках задолго до становления монархии. Иначе говоря, элементы высокой культуры берут начало в культуре народной. В контексте культурной памяти можно принимать то обстоятельство, что ядро древнейшей обрядовой мифологии сохранилось в ритуалах, причастных к религиозным представлениям об Осирисе в «Текстах пирамид». В них говорится о том, что почивший царь переправлялся в иной мир на лодке (Pyr. Utt. 270, § 383–385) или на крыле птицы — бога Тота (Pyr. Utt. 270, § 387). По мнению М. Лихтгейм, переправа совершалась по воде, разделяющей небо и землю²⁹.

Независимо от богатства или бедности погребений, в них содержались предметы, причастные к обязательным ритуалам: подаче питья, символизированного сосудами; еды, представленной передней ногой особи крупного (иногда мелкого) скота и окрашиванию глаз зеленой краской — малахитовой зеленью. Обычай окрашивать веки глаз прослеживается по наличию в могиле туалетной палетки или целого набора причастных к нему предметов (кусочков малахита, голышей, раковин, миниатюрных сосудов и туалетных ложечек для приготовления порошка и его смеси с вяжущим веществом — жиром или камедью. Обычай окрашивать веки глаз малахитовой зеленью или свинцовым блеском распространялся на всех членов общины, как живых, так и умерших.

²⁵ *Bestock L.* The early dynastic funerary enclosures of Abydos // *Archéo-Nil*. 2008. Vol. 18. № 1. P. 45. Fig. 3.

²⁶ *Emery W. B.* *Archaic Egypt*. London, 1961. Fig. 17.

²⁷ *Кеес Г.* Заупокойные верования древних египтян. От истоков и до исхода Среднего Царства. СПб., 2005. С. 49.

²⁸ *Савельева Т. Н.* Храмовые хозяйства Египта времени Древнего царства. М., 1992. С. 34.

²⁹ *Lichtheim M.* *Ancient Egyptian literature*. California, 1975. P. 35, note 1.

На различных артефактах с изображением животных или антропоморфных образов глаза являются средоточием внимания из-за их преувеличенных размеров. Уже с Бадарийской культуры и амратской фазы Нагады была известна техника инкрустированных глаз наряду с их окрашиванием. В погребениях культуры Нагада ранних фаз находились женские стеатопегические статуэтки «венер» с очень пышными телами — воплощения богини-матери. Наилучшей сохранности была голова статуэтки высотой в 10 см, происходящая из богатой могилы Н 97 в Махасне. Широко раскрытые ее глаза обведены толстой линией зеленой краски³⁰. Аналогичные воплощения найдены и в других некрополях культуры Нагада. Широко раскрытые, преувеличенных размеров глаза на предметах мелкой пластики отражают верования о символике глаз, связанные с солнечным культом, а в ритуальном окрашивании глаз на статуэтках богини-матери отражены представления о загробном воскресении, новом рождении. Следует подчеркнуть тождественность образа богини-матери и символики сосуда. Сосуд, как и водная стихия, являлся одним из центральных древнейших архетипических символических образов Великой Матери. Этот естественный образ женского тела-сосуда ассоциировался с лоном-вместилищем, кормящим, укрывающим, согревающим, защищающим, вынашивающим плод и выпускающим его в мир³¹.

Кроме названных предметов, в могилах находились кремневые ножи с раздвоенной рукояткой в виде рыбьего хвоста (рис. 4). Их обрабатывали ретушью, а по длинным сторонам наносили фасетки, заостряющие рабочий край³². Об их ритуальном характере свидетельствуют «Тексты пирамид».

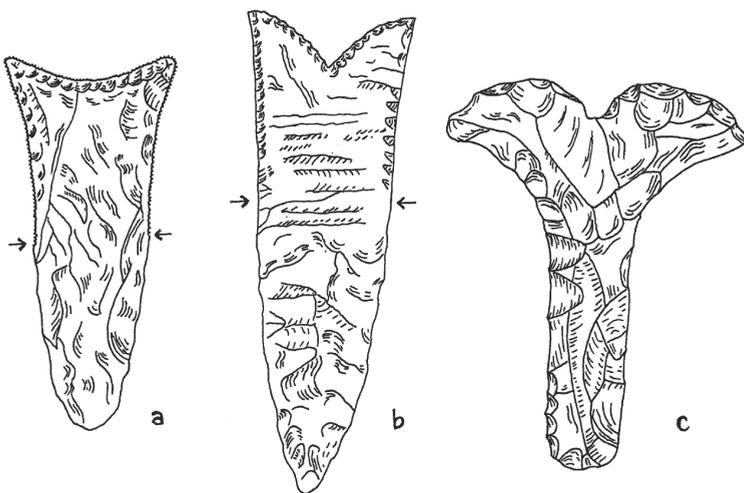

Рис. 4. Ножи psš-kf³³

³⁰ Ayrton E. R., Loat W. L. Predynastic cemetery at El Mahasna. London, 1911. P. 13. Tabl. XV, 1.

³¹ Об этом же см.: Нойманн Э. Великая Мать. М., 2012. С. 48, 51.

³² Adams B. Op. cit. P. 38. Fig. 20 b, c.

³³ Roth A. M. The psš-kf and the 'Opening of the Mouth' ceremony: a ritual of birth and rebirth // The Journal of Egyptian Archaeology. 1992. Vol. 78. № 1. Fig. 4.

Речь идет о ритуале «отверзания уст», существовавшем в Египте практически до конца древнеегипетской цивилизации. Однако сам ритуал восходит к додинастическому времени. Представления о том, что после смерти умерший возрождается в могиле, символически тождественной материнскому чреву, в котором плод созревает, получает питание и дыхание, из которого он появляется на свет, соотносят два самых важных в жизни человека обряда перехода. Так осуществлялся перенос всех процедур, связанных с рождением младенца, на умершего (ср. скорченную позу умершего, как у эмбриона). Этот обряд раскрывает представления о понятии цикличности времени, в котором начало и конец соединены в неразрывную целостность.

В «Текстах пирамид» царя V династии Унаса подробно описаны процедуры, связанные с ритуалом «отверзания уст», т. е. с оживлением покойного, тождественным ритуалу, связанному с рождением младенца. Набор инструментов (в том числе в виде моделей) для проведения ритуала назывался *psš-kf* (где слово *kf* означает материал — кремень; *psš* — «то, что разделяет») ³⁴. Процедура ритуального оживления покойного сопоставима с рождением младенца, в котором этим ножом отрезали пуповину новорожденного, после чего он, отделенный от матери, начинал сосать ее грудь. Археологически в вещной форме ритуал маркирован местоположением ножа в могиле. В додинастических погребениях нож *psš-kf* клали перед лицом покойного (хотя в других случаях нож лежал позади него) ³⁵, что должно символизировать раскрытие, отверзание (= очищение) рта младенца для сосания материнского молока. Этому этапу предшествовали собственно роды, завершающиеся отрезанием пуповины ножом *psš-kf*. И этот этап ритуала «отверзания уст» также прослежен по археологическим находкам.

В одном из погребений культуры Нагады был найден нож *psš-kf* и фрагменты веревки, имитирующей пуповину (пупочный канатик), соединяющую плод с плацентой, отождествляемой с двойником — *ka* (слово, связанное с термином *kaw* — пища), которую отрезали у новорожденного ножом *psš-kf*. В материнской утробе (= могиле) плацента обнимает своими руками плод — Унаса ³⁶. В Иераконполе найдены керамические модели ножа *psš-kf*, окрашенные красной и черной краской ³⁷. Красная краска имитировала кровь, которая истекала во время отрезания пуповины. Керамический миниатюрный амулет в виде ножа *psš-kf* происходит из гробницы 23 элитного некрополя Нк 6 ³⁸. Находки ножа *psš-kf* в могилах культуры Нагада не редкость ³⁹, что говорит о существовании в додинастическое время ритуала «отверзания уст», который в «Текстах пирамид» фиксирует осирические ритуалы.

³⁴ Adams B. Op. cit. P. 116.

³⁵ Roth A. M. Finger, stars and the 'opening of the mouth': the nature and function of the NTRWJ-blades // The Journal of Egyptian Archeology. 1993. Vol. 79. P. 63.

³⁶ Roth A. M. The *psš-kf* and the 'Opening of the Mouth' ceremony... P. 116.

³⁷ Adams B. Op. cit. P. 38.

³⁸ Roth A. M. Finger, stars and the 'opening of the mouth'... P. 63.

³⁹ Шеркова Т. А. Рождение Ока Хора. Египет на пути к раннему государству. М., 2004. С. 139.

Заключение. Итак, в додинастическое и раннединастическое время в погребальном обряде существовали ритуалы, сохранившиеся в исторической перспективе, смыслы которых раскрываются через определенные предметы, причастные к мифологическим представлениям и раскрывающимися в ритуальных действиях. Основная идея погребальных обрядов перехода состояла в верованиях о новом рождении, подобно тому как сама природа ежегодно циклически возрождается с сезонными разливами Нила, началом сельскохозяйственных работ, ежедневным рождением Солнца; после того как Нил становился низким, наступал период жатвы, а Солнце каждый день проваливалось в яму за западным горизонтом. В системе трех этапов переходных обрядов физическая смерть соответствует *отделению* умершего от мира живых, затем следуют похороны как пребывание между небом и землей, в социальном безвременье и на третьем этапе покойный включается в мир почитаемых предков и богов, трижды символически переступая порог (*limen*); изменяется, трансформируется его состояние в процессе инициации при проведении ритуалов. Ритуальные действия в переходном погребальном обряде являются частным случаем в мирозерцании древних египтян в бинарных представлениях о победе космоса над хаосом.

Литература

1. Ассман Я. Египет. Теология и благочестие ранней цивилизации / пер. с нем. Т. Баскаковой. М.: Присцельс, 1999. 365 с.
2. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с. (*Studia historica*).
3. Геннеп А. ван. Обряды перехода: систематическое изучение обрядов / [пер. с фр. Ю. В. Ивановой, Л. В. Покровской]. М.: Восточная литература, 2002. 198 с. (Этнографическая библиотека).
4. Кеес Г. Заупокойные верования древних египтян: от истоков и до исхода Среднего царства / пер. с нем. И. А. Богданова; под науч. ред. А. С. Четверухина. СПб.: Журнал «Нева», 2005. 489 с. (Александрийская библиотека. Серия Египет).
5. Костюхин Е. А. Типы и формы животного эпоса М.: Исследования по фольклору и мифологии Востока, 1987. 269 с.
6. Лич Э. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов: К использованию структурного анализа в социальной антропологии / [пер. с англ. И. Ж. Кожановской]. М.: Восточная литература, 2001. 141 с. (Этнографическая библиотека).
7. Нойманн Э. Великая Мать / [пер. И. Ерзина]. М.: Добросвет; КДУ, 2012. 406 с. (Глубинная психология и психоанализ).
8. Савельева Т. Н. Храмовые хозяйства Египта времени Древнего царства: (III–VIII династии). М.: Восточная литература, 1992. 179 с.
9. Токарев С. А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 619 с.
10. Топоров В. Н. Мифология. Статьи для мифологических энциклопедий. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2014. 595 с.
11. Топоров В. Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М.: Наука, 1988. С. 7–61.

12. Шеркова Т. А. Аспекты изучения сакральной архитектуры в додинастическом и раннединастическом Египте // Бюллетень науки и практики. 2022. Т. 8. № 4. С. 567–583. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/77/69>
13. Шеркова Т. А. Рождение Ока Хора. Египет на пути к раннему государству. М.: Праксис, 2004. 369 с. (Historia rerum).
14. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Издательство Московского университета, 1994. 143 с.
15. Adams B. Predynastic Egypt. London: University College, 1988. 76 p.
16. Adams B., Ciałowicz K. M. Protodynastic Egypt. London: Shire, 1997. 72 p. (Shire Egyptology, 25).
17. Anderson W. Badarian burials: evidence of social inequality in Middle Egypt during the Early Predynastic Era // Journal of American Research Center in Egypt. 1992. Vol. 29. P. 51–66. <https://doi.org/10.2307/40000484>
18. Bestock L. The early dynastic funerary enclosures of Abydos // Archéo-Nil. 2008. Vol. 18. № 1. P. 42–59.
19. Dreyer G. Tomb U-J: A royal burial of dynasty 0 at Abydos // Before the pyramids. The origins of Egyptian civilization. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago, 2011. P. 127–136.
20. Friedman R. Masking in Early Egypt: a view from Hierakonpolis // The Physicality of the Other. Masks from the Ancient Near and the Eastern Mediterranean / ed. by A. Berlejung and J. E. Filitz. Tübingen: Mohr Siebeck, 2018, P. 49–65.
21. Friedman R. The cemeteries of Hierakonpolis // Acheo-Nil. 2008. № 18. P. 8–29.
22. Friedman R. F. The early royal cemetery at Hierakonpolis: an overview // Recent discoveries and latest researches in Egyptology: the proceedings of the First Neapolitan Congress of Egyptology (Naples, June 18th–20th 2008). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010. P. 67–86.
23. Hendrickx S. The emergence of the Egyptian State // Cambridge Worlds Prehistory. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 259–278.
24. Hierakonpolis II / plates of discoveries, 1898–99, with description of the site in detail, by F. W. Green; description of the discoveries, by J. E. Quibell. London: William Clowes & Sons, 1902. 57 p., 40 pl. (Egyptian Research Account. Fifth Memoir).
25. Hoffman M. A. Egypt before the Pharaohs. London: ARK Paperbacks, 1991. 391 p.
26. Lichtheim M. Ancient Egyptian literature. California: University of California Press, 1975. 345 p.
27. Roth A. M. The psš-kf and the ‘opening of the mouth’ ceremony: a ritual of birth and rebirth // The Journal of Egyptian Archaeology. 1992. Vol. 78. P. 113–147.
28. Roth A. M. Finger, stars and the ‘opening of the mouth’: the nature and function of the NTRWJ-blades // The Journal of Egyptian Archeology. 1993. Vol. 79. P. 57–79. <https://doi.org/10.1177/030751339207800107>

References

1. Assman Ya. Egipet. Teologija i blagochestie rannei tsivilizatsii [Egypt. Theology and Piety of Early Civilization] / perevod s nemetskogo T. Baskakovoi. Moscow: Pristsel's, 1999. 365 p. (In Russ).
2. Assman Ya. Kul'turnaia pamiat'. Pis'mo, pamiat' o proshlom i politicheskaia identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti / perevod s nemetskogo M. M. Sokol'skoi. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004. 368 s. (Studia historica). (In Russ).

3. Gennep A. van. Obriady perekhoda: sistematicheskoe izuchenie obriadov / perevod s frantsuzskogo Yu. V. Ivanovoi, L. V. Pokrovskoi [Rites of passage: a systematic study of rituals / [translated from French by Yu. V. Ivanova, L. V. Pokrovskaya]. Moscow: Vostochnaia literatura, 2002. 198 p. (Etnograficheskaia biblioteka). (In Russ).

4. Kees G. Zaupokoinye verovaniia drevnikh egiptian: ot istokov i do iskhoda Srednego tsarstva / perevod s nemetskogo I. A. Bogdanova; pod nauchnoi redaktsiei A. S. Chetverukhina [The funeral beliefs of the ancient Egyptians: from the origins to the exodus of the Middle Kingdom / translated from German by I. A. Bogdanov; edited by A. S. Chetverukhin]. St. Petersburg: Zhurnal «Neva», 2005. 489 p. (Aleksandriiskaia biblioteka. Seriiia Egipet). (In Russ).

5. Kostyukhin E. A. Tipy i formy zhitovnogo eposa [Types and forms of the animal epic]. Moscow: Issledovaniia po fol'kloru i mifologii Vostoka, 1987. 269 p. (In Russ).

6. Leach E. Kul'tura i kommunikatsiia: Logika vzaimosviasi simvolov: K ispol'zovaniuu strukturnogo analiza v sotsial'noi antropologii [Culture and communication: the logic by which symbols are connected. An introduction to the use of structuralist analysis in social anthropology] / [perevod s angliiskogo I. Zh. Kozhanovskoi]. Moscow: Vostochnaia literatura, 2001. 141 p. (Etnograficheskaia biblioteka). (In Russ).

7. Noimann E. Velikaia Mat' / perevod I. Erzina [The Great Mother / translated by I. Erzina]. Moscow: Dobrosvet; KDU, 2012. 406 p. (Glubinnaia psikhologiiia i psikhoanaliz). (In Russ).

8. Savelyeva T. N. Khramovye khoziaistva Egipta vremeni Drevnego tsarstva: (III–VIII dinastii) [Temple farms of Egypt during the Ancient Kingdom: (III–VIII dynasties)]. Moscow: Vostochnaia literatura, 1992. 179 p. (In Russ).

9. Tokarev C. A. Rannie formy religii [Early forms of religion]. Moscow: Politizdat, 1990. 619 p. (In Russ).

10. Toporov V. N. Mifologiiia. Stat'i dlia mifologicheskikh entsiklopedii. T. 1 [Mythology. Articles for mythological encyclopedias. Vol. 1]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2014. 595 p. (In Russ).

11. Toporov V. N. O rituale. Vvedenie v problematiku [About the ritual. Introduction to problematics] // Arkhaicheskii ritual v fol'klornykh i ranneliteraturnykh pamiatnikakh [Archaic ritual in folklore and early literary monuments]. Moscow: Nauka, 1988. P. 7–61. (In Russ).

12. Sherkova T. Aspekty izucheniia sakral'noi arkhitektury v dodinasticheskom i rannedinasticheskom Egipte [Aspects of studying sacred architecture in pre-dynastic and early dynastic Egypt] // Bulletin of Science and Practice. 2022. Vol. 8. № 4. P. 567–583. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/77/69> (In Russ).

13. Sherkova T. A. Rozhdenie Oka Khora. Egipet na puti k rannemu gosudarstvu [The birth of the Eye of the Choir. Egypt on the way to an early state]. Moscow: Praksis, 2004. 369 p. (Historia rerum). (In Russ).

14. Eliade M. Sviashchennoe i mirskoe [Sacred and secular]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1994. 143 p. (In Russ).

15. Adams B. Predynastic Egypt. London: University College, 1988. 76 p.

16. Adams B., Ciałowicz K. M. Protodynastic Egypt. London: Shire, 1997. 72 p. (Shire Egyptology, 25).

17. Anderson W. Badarian burials: evidence of social inequality in Middle Egypt during the Early Predynastic Era // Journal of American Research Center in Egypt. 1992. Vol. 29. P. 51–66. <https://doi.org/10.2307/40000484>

18. Bestock L. The early dynastic funerary enclosures of Abydos // *Archéo-Nil*. 2008. Vol. 18. № 1. P. 42–59.
19. Dreyer G. Tomb U-J: A royal burial of dynasty 0 at Abydos // *Before the pyramids. The origins of Egyptian civilization*. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago, 2011. P. 127–136.
20. Friedman R. Masking in Early Egypt: a view from Hierakonpolis // *The Physicality of the Other. Masks from the Ancient Near and the Eastern Mediterranean* / ed. by A. Berlejung and J. E. Filitz. Tübingen: Mohr Siebeck, 2018, P. 49–65.
21. Friedman R. The cemeteries of Hierakonpolis // *Acheo-Nil*. 2008. № 18. P. 8–29.
22. Friedman R. F. The early royal cemetery at Hierakonpolis: an overview // *Recent discoveries and latest researches in Egyptology: the proceedings of the First Neapolitan Congress of Egyptology (Naples, June 18th–20th 2008)*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010. P. 67–86.
23. Hendrickx S. The emergence of the Egyptian State // *Cambridge Worlds Prehistory*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 259–278.
24. Hierakonpolis II / plates of discoveries, 1898–99, with description of the site in detail, by F. W. Green; description of the discoveries, by J. E. Quibell. London: William Clowes & Sons, 1902. 57 p., 40 pl. (Egyptian Research Account. Fifth Memoir).
25. Hoffman M. A. *Egypt before the Pharaohs*. London: ARK Paperbacks, 1991. 391 p.
26. Lichtheim M. *Ancient Egyptian literature*. California: University of California Press, 1975. 345 p.
27. Roth A. M. The psš-kf and the ‘opening of the mouth’ ceremony: a ritual of birth and rebirth // *The Journal of Egyptian Archaeology*. 1992. Vol. 78. P. 113–147.
28. Roth A. M. Finger, stars and the ‘opening of the mouth’: the nature and function of the NTRWJ-blades // *The Journal of Egyptian Archeology*. 1993. Vol. 79. P. 57–79. <https://doi.org/10.1177/030751339207800107>

Научная статья

УДК 94(38)

DOI: 10.24412/2076-9105-2024-456-159-172

Мирзоев Евгений Бахлулович

кандидат исторических наук, доцент

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

evgenymirzoev@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-2075-6783

**КОНФЛИКТ ПТОЛЕМЕЯ КЕРАВНА
С ГАЛАТАМИ В 279 г. до н. э.:
ХОД КАМПАНИИ И ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ
МАКЕДОНЯН**

Аннотация. Вторжение галатов в Македонию и сопредельные области в 279 г. до н. э. было скоординированным нападением трех армий. Военные ресурсы Птолемея Керавна были ослаблены внутренними конфликтами в Македонии и оказались разъединены из-за угрозы вторжения с разных направлений. Сведения об обстоятельствах гибели царя проливают свет на характер сражения с галатами и позволяют считать, что среди причин поражения Птолемея были численное превосходство противника и неудачное использование в сражении боевых слонов.

Ключевые слова: Птолемей Керавн, галаты, Болгий, Бренн, Македония, дарданы.

Для цитирования: Мирзоев Е. Б. Конфликт Птолемея Керавна с галатами в 279 г. до н. э.: ход кампании и причины поражения македонян // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 4 (56). С. 159–172. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2024-456-159-172>

Original article

UDC 94(38)

DOI: 10.24412/2076-9105-2024-456-159-172

Mirzoev Evgeny B.

Candidate of Historical Sciences, Associated Professor

Moscow City University

Moscow, Russia

evgenymirzoev@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-2075-6783

**THE CONFLICT BETWEEN PTOLEMY CERAUNUS
AND THE GALATIANS IN 279 BC.:
GENERAL COURSE OF THE CAMPAIGN
AND REASONS FOR THE DEFEAT OF THE MACEDONIANS**

Abstract. Galatian invasion in Macedonia and adjacent areas in 279 BC was a coordinated attack by three armies. The military resources of Ptolemy Ceraunus were weakened by internal conflicts in Macedonia and were divided by the threat of invasion from different directions. Information about the circumstances of the death of the king sheds light on the feature of the battle with the Galatians and suggests that numerical superiority of the enemy and the unsuccessful use of war elephants in the battle were among the reasons for the defeat of Ceraunus.

Keywords: Ptolemy Ceraunus, Galatians, Bolgios, Brennus, Macedonia, Dardani.

For citation: Mirzoev E. B. The conflict between Ptolemy Ceraunus and the Galatians in 279 BC.: general course of the campaign and reasons for the defeat of the Macedonians // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 4 (56). P. 159–172. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2024-456-159-172>

Введение. Вторжение галатов в Македонию в 279 г. до н. э. привело к разгрому ее армии, гибели царя Птолемея Керавна, разграблению страны и стало катализатором политического кризиса в Македонии начала 270-х гг. Это вторжение являлось частью целой серии походов галатских армий, которые затронули не только Балканы, но и территорию Малой Азии. В данной статье мы сконцентрируем внимание на вооруженном столкновении Птолемея Керавна с галатами, попытаемся наметить контуры военной кампании в Македонии в начале 279 г. до н. э., прояснить обстоятельства решающего сражения Керавна с галатами, а также причины поражения македонского царя. Упомянутые события весьма скудно и фрагментарно освещены в дошедших до нас письменных источниках, наиболее важным из которых является эпитома сочинения Помпея Трога, составленная Марком Юнианом Юстином. Тем не менее в исследовательской литературе предпринимались попытки реконструкции общего хода событий, приведших к гибели Керавна, а также возможных причин и мотивов действий Птолемея и его противников¹.

¹ Наиболее подробно эти события рассматривались в монографиях Х. Хайнена (*Heinen H. Untersuchungen zur hellenistischen Geschichte des 3. Jahrhunderts v. Chr. Zur Geschichte der Zeit*

Ход и результаты исследования. Известные нам названия племен галатов² и имена галатских предводителей³ указывают на их кельтоязычность. Павсаний и другие античные авторы, рассказывая о вторжении галатов, не упоминают ни о каком массовом участии в этом мероприятии иллирийцев или смешанного иллирийско-кельтского населения⁴. Следовательно, сомнения в кельтоязычности галатов, прошедших через Балканы в Малую Азию, не обоснованы⁵. Данные археологии указывают на продвижение носителей латенской культуры в IV в. до н. э. (фаза LT B1) с запада на территорию Венгрии, Словакии, Румынии⁶, Сербии⁷. В III в. до н. э. характерные для латенской культуры объекты в изобилии обнаруживаются в Болгарии. Их анализ указывает на территории Богемии, Моравии и Карпатского бассейна как на районы происхождения основной массы пришедших в Болгарию мигрантов⁸. Следует оговориться, однако, что анализ находок из погребений говорит не о массовых единовременных переселениях целых племен, а, скорее, о передвижении на восток отдельных групп населения, происходивших из разных сообществ⁹. По-видимому, наиболее мобильной частью населения являлись отряды воинов. На то что армии галатов в III в. до н. э. представляли собой объединения воинов, происходивших из разных племен, указывают данные письменных источников. В Азию с Балкан переселилось

---

des Ptolemaios Keraunos und zum chremonideischen Krieg. Wiesbaden, 1972. (Historia Einzelschriften, 20)) и К. Штробеля (*Strobel K. Die Galater. Geschichte und Eigenart der keltischen Staatenbildung auf dem Boden des hellenistischen Kleinasien. Band 1: Untersuchungen zur Geschichte und historischen Geographie des hellenistischen und römischen Kleinasien. Berlin, 1996*), а также в статье В. Шпикермана (*Spickermann W. Blitz gegen Blitz. Neue Überlegungen zur Niederlage des Ptolemaios Keraunos gegen die Kelten 279 v. Chr. // Gymnasium. 2010. Bd. 117. H. 4. S. 345–366*).

- ² Например, тектосаги, другая группа которых обитала в районе Тулузы на юге Галлии (Strabo IV.1.13).
- ³ Например, Бренн, который носил то же имя, что и вождь галлов, разграбивших Рим около 390 г. до н. э.
- ⁴ На иллирийском компоненте делается акцент в работах Д. Дзино (*Džino D. The Celts in Illyricum-whoever they may be: the hybridization and construction of identities in South-eastern Europe in the fourth and third centuries BC // Opuscula archaeologica. 2007. Vol. 31. P. 58*) и Ф. Л. Санчеса (*Sánchez F. L. Galatians in Macedonia (280–277 BC): invasion or invitation? // War, warlords, and interstate relations in the Ancient Mediterranean / ed. by T. del Hoyo, F. L. Sánchez. Leiden; Boston, 2018. P. 191*).
- ⁵ *Sowa W. Linguistic and cross-cultural relations in and around Galatia (3rd Century BC–3rd Century AD) // Galatian victories and other studies into the agency and identity of the Galatians in the Hellenistic and early Roman periods. Colloquia antiqua. Vol. 33 / ed. by Coşkun Altay. Leuven, 2022. P. 239–241*.
- ⁶ *Strobel K. Op. cit. P. 154–157; Szabó M. Les Celtes de l'Est. Le second Âge du Fer dans la cuvette des Karpates. Paris, 1992. P. 13–23*.
- ⁷ *Rustoiu A. The Celts and indigenous populations from the Southern Carpathian Basin. Intercommunity communication strategies // Iron Age rites and rituals in the Carpathian Basin: proceedings of the International colloquium from Târgu Mureş / ed. by S. Berecki. Târgu Mureş, 2012. P. 362*.
- ⁸ *Anastassov J. The Celtic presence in Thrace during the 3rd century BC in the light of new archaeological data // The Eastern Celts. The Communities between the Alps and the Black Sea / ed. by M. Guštin, M. Jevtić. Koper-Beograd, 2011. P. 236*.
- ⁹ *Rustoiu A. Op. cit. P. 369*.

три основных племенных объединения галатов: толистобогии, трокмы и тектосаги¹⁰ (Liv. XXXVIII.16.11; Memnon FGrH 3B 433.11). Плиний Старший упоминает о расселении в Галатии и ряда других племенных групп (Plin. V.146). При этом Страбон (Strab. XII.5.1) утверждает, что все галаты в Азии говорят на одном языке. Таким образом, есть основания считать, что армии галатов, угрожавшие в 279 г. до н. э. Македонии, состояли из контингентов разных племен, но были в массе своей кельтоязычными.

Армии галатов возглавлялись военными вождями (*dux* у Юстина), которые, судя по данным Павсания, выступали в качестве инициаторов (Paus. X.19.5) и организаторов (Paus. X.19.4) походов. Письменные источники указывают на такие цели вторжения галатов, как стремление к захвату военной добычи и получению выкупа (Paus. X.19.4-5; Liv. XXXVIII.16.3; Just. XXIV.5.1). Основная масса армии галатов состояла из пехоты, вооруженной для ведения ближнего боя. Такая пехота описывается как стремительно атакующая противника после обстрела метательным оружием (Paus. X.21.2; X.22.4). Кельтская знать сражалась верхом в сопровождении всадников-оруженосцев (Paus. X.19.6).

Информация источников позволяет считать, что значительная часть армии Птолемея Керавна в 280–279 гг. до н. э. состояла из контингентов, оказавшихся в его распоряжении после убийства Селевка Никатора. По сообщению Мемнона, после убийства Селевка Керавн сумел заручиться поддержкой людей, находившихся в Лисимахии, прибыл из города к воинам только что убитого им Никатора и те «по необходимости приняли его и назвали царем» (Memnon FGrH 434 F 8.3). У Юстина в прологе к книге XVIII говорится, что Керавн был «избран войском в цари вместо Селевка» (Trog. ProL. 18). Есть основания полагать, что это войско по крайней мере отчасти состояло из солдат недавно разбитой Никатором армии Лисимаха. В исследовательской литературе уже обращалось внимание на то, что именно присутствие в армии Селевка большого числа бывших воинов Лисимаха может объяснить согласие войска провозгласить убийцу Никатора царем¹¹. По словам Юстина, Керавн старался добиться расположения у народа «как мститель за смерть Лисимаха» (Just. XVII.2.6).

Убийство Селевка не делало Керавна автоматически правителем Македонии. Большим влиянием здесь пользовалась вдова Лисимаха (и единокровная сестра Керавна) Арсиноя¹². Согласно рассказу Юстина, Керавн уговорил Арсиною вступить с ним в брак, но вскоре коварно убил младших сыновей сестры, которой он позволил бежать (Just. XXIV.3.7). Старший сын Арсинои по имени Птолемей нашел убежище у иллирийского правителя Монуния и при его поддержке начал войну с Керавном (Trog. ProL. 24). Эти драматические события могли негативно

¹⁰ Страбон писал об участии тектосагов и в походах на Балканах в 279 г. до н. э. (Strabo, IV.1.13).

¹¹ Heinen H. Op. cit. P. 61–62; Spickermann W. Op. cit. P. 351; Grainger J. D. Seleukos Nikator. Constructing a Hellenistic Kingdom. London, 1990. P. 189; Vujčić N. The army of Lysimachus after Corupedium // *Antiquité Vivante*. 2019. Vol. 69. № 1–2. P. 112–114.

¹² Согласно прологу к книге XXIV Помпея Трога у Юстина, Арсиноя обладала «властью над городами Македонии» (Trog. ProL. 24).

повлиять на лояльность бывших сторонников Лисимаха и его семьи по отношению к Керавну и ослабить его армию¹³. Характерно, что, согласно тому же Юстину, Птолемей двинулся против галатов «с небольшим нестройным (*incompositi*) войском» (Just. XXIV.4). В. Шпикерман выдвинул предположение о том, что после изгнания Арсиной Керавн столкнулся с существенной оппозицией внутри Македонии и оказался в условиях, похожих на гражданскую войну внутри своего царства¹⁴. Однако такая оценка представляется не вполне обоснованной, так как сохранившиеся источники не сообщают об открытой оппозиции Керавну внутри Македонии после изгнания Арсиной. Нам известно, что сына Арсиной поддерживали иллирийцы, но о его поддержке македонцами ничего не сообщается. Тем не менее следует учитывать возможную связь сообщения Юстина о состоянии войска Керавна с политической обстановкой в Македонии.

О составе и вооружении армии Керавна можно судить на основе информации Юстина о контингенте, которые этот царь передал по соглашению Пирру для его похода в Италию. Юстин упоминает пять тысяч пехотинцев, четыре тысячи всадников и пятьдесят слонов (Just. XVII.2.14)¹⁵. С учетом многочисленных описаний армий эпохи диадохов в труде Диодора Сицилийского можно утверждать, что в армии Керавна, несомненно, присутствовали по крайней мере отряды македонской (и вооруженной по-македонски) конницы, пехотинцев-сариссофоров, всегда составлявших основу боевого строя, а также боевые слоны (о которых прямо сообщается в источниках).

Согласно данным Порфирия, Керавн правил в течение года и пяти месяцев (FGrHist 260: F 3.9). Убийство Селевка датируется августом – сентябрем 281 г. до н. э., а гибель Керавна в сражении с галатами — февралем 279 г. до н. э.¹⁶. В этот короткий промежуток времени Керавн оказался вовлечен в целый ряд конфликтов, последовательность которых определить затруднительно. Юстин упоминает о столкновениях с Птолемеем, сыном Лисимаха, и поддерживавшим его Монунием, с Антигоном Гонатом, а также с Антиохом, сыном Селевка. Согласно Юстину, Керавну удалось вытеснить из Македонии Антигона, заключить мир с Антиохом и установить контроль над всей Македонией (Just. XXIV.1.1; Trog., Prol. 24). Однако о заключении мира с сыном Лисимаха и Монунием не упоминается. Антигон также должен был по-прежнему рассматриваться как потенциальная угроза. Можно предположить, что Керавн к концу 280 г. до н. э., скорее всего, продолжал военное противостояние с Монунием

¹³ *Hammond N. G. L. Which Ptolemy gave troops and stood as protector of Pyrrhus' kingdom? // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 1988. Bd. 37. H. 4. P. 407; Vujčić N. Op. cit. P. 117.*

¹⁴ *Spickermann W. Op. cit. P. 355.*

¹⁵ Гипотеза Н. Хаммонда (*Hammond N. G. L. Op. cit. P. 406–409*) о том, что не Керавн, а Птолемей II передал войска Пирру выглядит малообоснованной (см.: *Heinen H. Op. cit. P. 71; Spickermann W. Op. cit. P. 352*).

¹⁶ *Heinen H. Op. cit. P. 55, 57; Nachtergaeel G. Op. cit. P. 137; Hammond N. G. L.; Walbank F. W. A History of Macedonia. Vol. 3. Oxford, 1988. P. 580–581.*

и Птолемеем, сыном Лисимаха, а значит, должен был располагаться со своей армией где-то в западных районах Македонии — по соседству с иллирийскими владениями Монуния¹⁷. Часть сил он должен был держать на южных рубежах своих владений, чтобы нейтрализовать возможную угрозу со стороны Антигона¹⁸, действовавшего в Греции (Justin. XXIV.1.3-4). Такое положение дел должно было ограничить численность основной армии Керавна, о чем и сообщает Юстин. Передача части войск Пирру позволила на время исключить этого опасного соседа из борьбы за Македонию, но в то же время еще более сократила военные ресурсы Керавна.

В описании Павсания вторжение трех галатских армий в 280–279 гг. предстает как скоординированное наступление на трех направлениях в рамках единого стратегического замысла: «Начальники разделили войско на три части, и каждая из них должна была отправиться на особую страну. На фракийцев и на племя трибаллов должно было двинуться войско под начальством Керефрия; начальниками тех, которые шли на Пеонию, были Бренн и Акихорий; Болгий двинулся на Македонию и Иллирию (ἐπὶ Μακεδόνας τε καὶ Ἰλλυριοὺς ἦλασε) и вступил в сражение с Птолемеем, который был тогда македонским царем» (Paus. X.XIX.4). В этом рассказе армии галатов предстают, по сути, как единое войско, разделенное предводителями на три части для наступления по трем направлениям. На то что продвижение трех армий галатов в 280–279 гг. до н. э. происходило параллельно, указывает и другое сообщение Павсания. Рассказывая о вторжении кельтов в Грецию, которое последовало после нападения на Македонию, он отмечает, что греков беспокоила информация о «тех ужасах, которые были совершены галатами при прежнем их вторжении над македонянами, фракийцами и пэонийцами» (Paus. X.20.1). Информация Юстина о передвижениях отдельных кельтских армий также указывает на тесную связь между ними. Рассказывая о событиях сразу после разгрома Птолемея Керавна, он утверждает, что вождь Бренн, войско которого действовало в соседнем районе, был якобы недоволен тем, что галаты, разбившие царя, покинули Македонию, не захватив ее сокровищ, и направил в Македонию свою армию (Just. XXIV.6.1-3).

В 280 г. до н. э. под властью Керавна находилась Македония, но он едва ли мог контролировать сколь-нибудь значительные районы во Фракии¹⁹. Следовательно,

¹⁷ Ф. Уолбанк допускает, что война Керавна с Монунием продолжалась в момент кельтского вторжения (Hammond N. G. L.; Walbank F. W. Op. cit. P. 249). По мнению К. Штробеля, Керавн в конце 280 г. до н. э. действовал против Монуния на территории Орестиды (Strobel K. Op. cit. P. 217).

¹⁸ Strobel K. Op. cit. P. 217.

¹⁹ По оценке Р. М. Эррингтона, через несколько лет после вторжения галатов в правление Антигона Гоната Македония не контролировала большую часть Фракии и восточные границы Македонии проходили по р. Нест (Errington R. M. A History of Macedonia. Berkeley; Oxford, 1990. P. 163). Думается, что даже если Керавн формально не отказывался от владений Лисимаха во Фракии, реально он не мог контролировать эти территории в условиях постоянной борьбы с соседями и внутренними соперниками за власть в Македонии.

оценка вторжения трех армий как согласованного нападения на владения Керавна²⁰ представляется неточной. Тем не менее угрозу Македонии создавала не только армия Болгария, которая, очевидно, прошла в Македонию через Иллирию. Войско Бренна, войдя в Пеонию, оказалось непосредственно у северных границ Македонии.

Источники не содержат информацию о каких-либо контактах галатов с противниками Керавна в борьбе за власть в Македонии. Соответственно, трудно согласиться с мнением о том, что кельтское вторжение являлось частью крупномасштабного конфликта, другими участниками которого были иллириец Монуний и сын Лисимаха Птолемей²¹. Тем более лишена оснований гипотеза Ф. Л. Санчеса, согласно которой конфликт галатов с Керавном был вызван их стремлением интегрироваться в военно-политическую структуру Македонии, в результате чего они якобы были втянуты в борьбу за престол в Македонии на стороне противников Керавна²². Эти построения не находят опоры в источниках и противоречат информации Павсания и Юстина о целях и мотивации галатов.

Вторжение на территорию окруженной горами Македонии с севера и северо-запада было возможно только по некоторым горным проходам. Один из путей вторжения с севера проходил по долине р. Вардар (Аксий)²³: именно он открывался для армии Бренна после прохода в Пеонию. Данные археологии позволяют отнести гибель укрепленных поселений в долинах рек Морава и Вардар (в том числе в районе Скопье) к началу – первой половине III в. до н. э и связать их с вторжением галатов 280–279 гг. до н. э.²⁴ Армия Болгария продвигалась в Македонию через Иллирию и могла проникнуть в македонскую область Орестиды с запада, через проход Цангон (*албанск.* Cangonj) в районе г. Пелий к югу от Охридского и Преспанского озер или к северу от озер, где позднее проходила римская дорога *Via Egnatia*²⁵. Выход двух кельтских армий к границам Македонии с разных направлений поставил Керавна в сложное положение. Царь предпочел вступить в бой с армией Болгария, которая

²⁰ См. *Spickermann W.* Op. cit. P. 356.

²¹ *Džino D.* The Celts in Illyricum-whoever they may be: the hybridization and construction of identities in Southeastern Europe in the fourth and third centuries BC // *Opuscula Archaeologica.* 2007. Vol. 31. P. 59.

²² *Sánchez F. L.* Op. cit. P. 195–197.

²³ *Hammond N. G. L.* A history of Macedonia. Vol. 1. Historical Geography and Prehistory. Oxford, 1972. P. 207.

²⁴ *Mitrevski D.* The treasure from Tremnik and some traces of the Celts in the Vardar valley // *The Eastern Celts. The communities between the Alps and the Black Sea / ed. by M. Guštin, M. Jevtić.* Koper; Beograd, 2011. P. 206; *Rustoiu A.* Thracians – Illyrians – Celts. Cultural connections in the Northern Balkans in the 4th – 3rd centuries BC // *Starinar.* 2017. Vol. 67. P. 39.

²⁵ К. Штробель предполагает, что Болгарий двигался через Иллирию на юг в район Охридского озера по долине р. Черный Дрин и далее по маршруту *Via Egnatia* (*Strobel K.* Op. cit. P. 216; 218). Д. Кэмпбелл явно в противоречии с данными Павсания предполагает, что Болгарий двигался через Пеонию и встретился с Керавном в районе Скопье (*Campbell D. R. J.* The so-called Galatae, Celts, and Gauls in the Early Hellenistic Balkans and the attack on Delphi in 280–279 BC. PhD thesis. University of Leicester. Leicester, 2009. P. 185; 210).

уже вторглась на территорию его страны²⁶ (скорее всего, в область Орестиды), но не мог игнорировать также угрозу вторжения Бренна из Пеонии. Таким образом, можно предположить, что македонский царь разделил свои силы, оставив часть войск на защиту прохода через р. Вардар. Если принять это предположение, то находит свое объяснение сообщение Диодора о том, что Птолемей вступил в сражение с Болгием, не дождавшись подкреплений, а также указание Юстина на небольшую численность армии Керавна (см. ниже). К этому времени основная армия Керавна уже могла находиться в Орестиде, где действовала против Монуния и Птолемея, сына Лисимаха.

Хронология событий этой войны не ясна. Гибель Керавна в сражении с галатами обычно датируют февралем (или январем – февралем) 279 г. до н. э.²⁷. Учитывая, что галаты Болгия прошли в Македонию через горные проходы, представляется маловероятным, что они проделали весь этот путь зимой, когда перевалы были покрыты снегом. Вероятно, галаты начали кампанию осенью²⁸, пока движение по горным проходам было не очень сложным. К началу зимы, в конце 280 г. до н. э., они оказались в Орестиде, где их встретил Керавн²⁹. Какое-то время ушло на переговоры между сторонами³⁰ (см. ниже).

В какой-то момент между началом похода трех галатских армий и гибелью Птолемея Керавна произошли переговоры между македонским царем и посланниками племени дарданов (или дарданцев), живших на территории современного Косово, о которых сообщает Юстин. По его словам, Керавн «с пренебрежением отнесся к предложению дарданов, предложивших ему через послов доставить в помощь (*in auxilium offerentem*) двадцать тысяч вооруженных воинов» (Just. XXIV.4.9). Эти переговоры не могли состояться после продвижения армий галатов во Фракию и Пеонию, так как их маршрут пролегал через территорию дарданов³¹ либо между землями дарданов и Македонией. Это делало бы крайне маловероятным успешное путешествие дарданских послов к Керавну и лишало посольство смысла, так как дарданское войско должно было уже сконцентрироваться на обороне собственной территории и было бы

²⁶ Мемнон говорит о том, что сражение произошло, после того как галаты напали на Македонию (Memnon, FGrH 434 F 8.8), из чего следует, что армия Болгия вступила в пределы владений Керавна.

²⁷ Аргументацию датировки гибели Керавна на основе комбинации данных Юстина, Мемнона и Порфирия см.: *Heinen H.* Op. cit. P. 55–57; *Nachtergaeel G.* Op. cit. P. 137; *Hammond N. G. L.; Walbank F. W.* Op. cit. P. 580–581.

²⁸ *Hammond N. G. L.; Walbank F. W.* Op. cit. P. 581; *Spickermann W.* Op. cit. P. 357.

²⁹ Примерно так хронологию этой кампании представляет себе К. Штробель (*Strobel K.* Op. cit. P. 216).

³⁰ *Spickermann W.* Op. cit. P. 363.

³¹ Тит Ливий прямо сообщает о прибытии галлов под предводительством Бренна в Дарданию (Liv. XXXVIII.16.3). Диодор (Diod. 22.9) сообщает, что в конце 279 г. до н. э. при возвращении после неудачного вторжения в Грецию часть галатов погибла в стране дарданов. Это косвенно указывает на то, что маршрут наступления армии Бренна также пролегал через территорию дарданов.

отрезано от Македонии армией Бренна. Следовательно, посольство дарданов должно было прибыть в Македонию еще осенью. В. Шпикерманн предположил, что дарданы, оценив свои силы, предлагали Керавну союз против галатов, но потребовали плату за помощь, которую Керавн не мог или не захотел выплатить³². Так как галаты в тот момент угрожали скорее самим дарданам, а не Керавну, было бы странно, если они предлагали ему прислать свое войско в Македонию. Более вероятно, что дарданы предлагали выставить 20 тыс. воинов для совместных действий против кельтов у пределов собственных владений. Керавн не принял их предложения, так как не имел основания рисковать своей армией за пределами собственного царства и не мог себе позволить втянуться в еще один конфликт, не завершив противостояния с Монунием.

Реконструируемая нами ситуация, сложившаяся в начале 279 г. до н. э., была по-своему опасна как для Керавна, так и для Болгия. Царь должен был понимать, что, если боевые действия против войска Болгия затянутся, галаты Бренна могут вторгнуться в Македонию из Пеонии (что Бренн и сделал позднее в том же году), и он вынужден будет иметь дело уже с двумя вражескими армиями на македонской земле. С другой стороны, войско Болгия оказалось зимой во враждебной стране вблизи армии македонского царя, которая, без сомнения, не давала галатам беспрепятственно грабить округу. В такой ситуации кельты неизбежно должны были испытывать трудности со снабжением³³. Думается, что для Болгия вполне логичной альтернативой генеральному сражению с грозной македонской армией было мирное соглашение, которое позволило бы галатам с честью отступить или получить доступ к продовольствию. Именно о такой попытке заключить договор сообщает Юстин. По его словам, «галлы, которыми предводительствовал Бельгий, чтобы испытать, каково настроение македонян, отправили к Птолемею посольство, предлагая мир, если он захочет его купить. Птолемей же среди своих хвастался, будто галлы добиваются мира, потому что боятся с ним воевать», послам же македонский царь якобы ответил, что «не согласен даровать галлам мир, если они не выдадут ему в качестве заложников своих старейшин и не сдадут оружие» (Just. XXIV.5.1, 2)³⁴. Птолемей Керавн отклонил мирное предложение, так как, судя по всему, был уверен в силе своей армии и едва ли был готов позорно купить мир с Болгием. Кроме того, с севера Македонии уже угрожала другая галатская армия и мир с Болгием вовсе не защищал Керавна от новых нападений галатов.

Тем не менее, похоже, что Керавн изначально весьма серьезно отнесся к силе войска Болгия. Диодор упрекает македонского царя за то, что перед сражением

³² *Spickermann W.* Op. cit. P. 359–360.

³³ На это обстоятельство обратил внимание К. Штробель. См.: *Strobel K.* Op. cit. P. 217–218.

³⁴ Следует согласиться с предположением В. Шпикермана о том, что предложение галатов было связано с перспективой провести зиму в Македонии (*Spickermann W.* Op. cit. P. 360). В данной конкретной ситуации выкуп позволил бы галатам прежде всего обеспечить себя продовольствием.

с галатами он не прислушался к совету друзей дожидаться некие войска, которые задерживались с прибытием (Diod. XXII.3). Эти подкрепления могли состоять в том числе из тех отрядов, которые были оставлены царем для прикрытия южных границ от Антигона и северных — от Бренна. Похоже, что после получения мирного предложения от Болгия Керавн считал его войско ослабленным³⁵ и был готов теперь вступить в битву с наличными силами. Такое решение могло быть продиктовано также требованиями его подданных пресечь грабежи галатов и информацией о продвижении армии Бренна в Пеонии. Царю было выгоднее разгромить армии галатов по частям. Болгий же теперь отчаянно нуждался в решающей битве и победе над Керавном, чтобы получить возможность беспрепятственно грабить македонские селения для решения проблемы со снабжением. Через несколько дней после провала переговоров произошло генеральное сражение (Just. XXIV.5).

Источники не сообщают прямо о численности противоборствующих армий, но содержат данные, которые позволяют судить хотя бы о масштабах вовлеченных в конфликт вооруженных сил. Рассказывая о вторжении в Грецию армии Бренна через несколько месяцев после гибели Керавна, Диодор (Diod. XXII.9.) и Павсаний (Paus. X.19.6) называют огромные цифры (более 150 тыс. человек), что является явным преувеличением. Тем не менее нет оснований считать эту армию отрядом «умеренной численности, который не мог бы угрожать Македонии в лучшие ее времена»³⁶, так как из рассказа Павсания мы узнаем, что в одно и то же время отдельные отряды войска Бренна действовали в Этолии, другое значительное войско атаковало Дельфы, в то время как остальная часть его армии находилась в тылу. Кроме того, Тит Ливий сообщает об отделении от армии Бренна до ее вторжения в Грецию 20 тыс. человек, из которых 10 тыс. были воинами (Liv. XXXVIII.16.2-4). Таким образом только часть войска, отделившаяся от армии Бренна достигала 10 тыс. человек. Численность армий Бренна и Болгия должна была исчисляться десятками тысяч человек каждая. Керавн, по словам Юстина, выступил против галатов с небольшим войском (Just. XXIV.4.8). Его рассказ о предложении совместных действий против галатов со стороны дарданов также указывает на то, что войско Керавна уступало в численности галатам. Это подтверждает и сообщение Додора о подкреплениях, которые двигались на помощь к царю Македонии. Информация о 20 тысячах дарданов у Юстина едва ли точна: эта цифра как минимум округленная. Но если она хотя бы приблизительно отражает численность дарданского войска, то можно считать, что силы Болгия далеко превосходили 20 тысяч. С другой стороны, со времен Филиппа II македонские цари в ходе крупных кампаний действовали во главе армий по крайней мере не менее 11 тыс. человек³⁷.

³⁵ *Spickermann W.* Op. cit. P. 360.

³⁶ *Vujčić N.* Op. cit. P. 117.

³⁷ В ряде случаев численность македонской армии IV в. до н. э. указана в сочинении Диодора: менее 11 тыс. в сражении Филиппа II с иллирийцами (XVI.4.3), около 23 тыс. в битве против фокейцев (XVI.35.4), 32 тыс. в битве при Херонее (XVI.85.5), менее 14 тыс. у Антипатра

Исходя из этих соображений, можно предположить, что в решающем сражении столкнулись македонская армия численностью примерно 10–20 тыс. воинов и галатское войско числом более 30 тыс. В. Шпикерман объясняет небольшую численность армии Керавна тем, что сторонники Арсиной в Македонии не предоставили царю всех необходимых военных сил³⁸, но прямого указания на такой саботаж в источниках нет. Как мы уже отмечали, какие-то военные силы в распоряжении Керавна еще были, и он даже ожидал их прибытия.

В источниках сохранилось мало информации о решающем сражении Птолемея Керавна с галатами. Наиболее ценные сведения содержатся у Юстина: «Спустя несколько дней произошло сражение. Македоняне были побеждены и перебиты. Птолемей, покрытый многочисленными ранами, попал в плен. Ему отрубили голову, надели на копье и для устрашения врагов пронесли перед всем строем. Немногие из македонян спаслись бегством; остальные были или взяты в плен, или убиты» (Just. XXIV.5). Важные подробности обстоятельств гибели Керавна сохранились в сочинении Мемнона, в котором сообщается, что галаты «напали на Македонию и вступили с ним в бой, он окончил жизнь достойно своей жестокости, растерзанный галатами. Ведь он был захвачен живым, когда слон, на котором он ехал, был ранен и сбросил его» (Memnon, FGrH 434 F 8.8). Краткое сообщение Павсания (Paus. X.19.4) не добавляет никакой новой информации к этим сведениям.

Прежде всего отметим, что на основании этих скудных сведений о битве можно заключить, что состоялось генеральное сражение, в котором участвовали основные силы обеих армий, причем источники не содержат никаких намеков на засаду или внезапное нападение на лагерь одного из противников. Судя по всему, речь идет о сражении, перед началом которого полководцы успели построить к бою свои силы. Как уже отмечалось, командующие обеих армий имели основания для того, чтобы стремиться решить исход противостояния в решающем сражении.

Если сопоставить вместе факты, упомянутые Юстином и Мемноном, то перед нами вырисовывается весьма необычная картина боя. Македонский царь лично участвует в битве, находясь верхом на боевом слоне (уникальный случай, более не засвидетельствованный в эпоху войн диадохов и в период раннего эллинизма), оказывается в гуще сражения (упоминается о ранении самого царя и его слона), попадает в плен к врагам и обезглавливается, а тем временем значительная (а может быть, и основная) часть македонской армии оказывается едва втянутой или еще не втянутой в сражение — именно в такой ситуации галаты могли пронести перед македонским строем копье с насаженной на него головой царя. Представляется, что такое положение могло сложиться только

в начале Ламийской войны (XVIII.12.2) и более 40 тыс. после прибытия подкреплений из Азии (XVIII.16.5). Накануне битвы при Ипсе Кассандр, который тогда контролировал Македонию, послал в Азию войско из 14 тыс. человек (XX.112.1).

³⁸ *Spickermann W.* Op. cit. P. 362.

в случае, если уже на начальном этапе сражения Керавн решил атаковать противника боевыми слонами, причем лично принял участие в этой атаке, оставив позади остальную македонскую армию, которая не смогла оказать помощь царю и частично даже не успела вступить в бой к моменту его гибели.

На то, что в сражении имела место именно атака слонов Керавна (а не наоборот — атака пехоты кельтов против слонов) указывают два обстоятельства: 1) только в этом случае царь на своем боевом слоне мог оторваться от остальных отрядов своей армии и оказаться в окружении врагов, 2) только так можно объяснить убийство царя галатами в момент, когда часть македонской армии едва успела вступить в сражение. Однако, как мы помним, кельты нередко начинали бой стремительной атакой массы своей пехоты. Таким образом, не исключено, что вскоре после начала атаки слонов Керавна кельтская пехота сама двинулась вперед, что ускорило окружение и изоляцию царского слона от македонской армии.

Отметим, что в античных источниках неоднократно описываются столкновения боевых слонов с конницей противника во время сражений эпохи эллинизма. Всякий раз исход такого столкновения неизменен: кони не могут вынести даже запаха слонов, поэтому конница обращается в бегство³⁹. Совсем иной исход нередко имела атака боевых слонов против плотных построений пехоты, которая могла закидать животных копьями и дротиками⁴⁰. Известно, что римская пехота, которая в 280 г. до н. э. впервые столкнулась с боевыми слонами Пирра, упорно сражалась с «луканскими быками» в отличие от конницы, которая обращалась в бегство при столкновении с элфантерией (Plut. Pyrrh. 17; Zon. VIII.3). Только масса галатской пехоты могла обезвредить слонов и пленить македонского царя. Это означает, что Птолемей Керавн решил в начале сражения атаковать боевыми слонами кельтскую пехоту. То, что нам известно о готовности Керавна идти на риск ради достижения амбициозных целей (см. выше), объясняет, почему он решился на столь рискованный тактический прием. В момент развертывания армий перед началом сражения (или раньше) Керавн мог убедиться в том, что противник имеет значительное численное превосходство. Логичным решением в такой ситуации он посчитал применение боевых слонов. Незнакомые кельтам огромные звери должны были посеять панику в рядах неприятеля. Желая воодушевить свои войска и заслужить громкую славу, Керавн решил лично возглавить эту атаку. Однако расчет на панику в рядах галатов явно не оправдался. Керавн совершил роковую ошибку, атаковав слонами массу кельтской пехоты в центре или на фланге боевого строя, оторвавшись при этом от других частей своей армии, а личное присутствие царя в дорогах доспехах, которого было хорошо видно на боевом слоне, превращало его для кельтов в наиболее важную цель и ценнейший трофей. После поражения слонов и гибели царя на начальном этапе сражения македонское войско оказалось дезорганизованным и начало отступать, что не спасло большинство македонцев от гибели или плена.

³⁹ См.: Liv. XXI.55.7; Plut. Pyrrh. 17; Luc. Zeux. 9–10; Diod. XIX.30.

⁴⁰ Как это произошло со слонами Ганнибала в битве при Заме (Liv. XXX.33.12–16).

Источники позволяют предполагать, что галатская пехота не поддавалась панике при виде боевых слонов Керавна не только в силу своего высокого боевого духа. Армии кельтов III в. до н. э. могли действовать на поле боя весьма организованно, использовать повозки для прикрытия флангов⁴¹. Кроме того, не исключено, что часть галатов, участвовавших во вторжении уже имела возможность видеть боевых слонов. Из отрывочных сообщений Павсания и Сенеки следует, что кельты, действовавшие на Балканах еще до 279 г. до н. э., сталкивались с эллинистическими армиями, в частности с армией Кассандра⁴², которая имела в своем составе боевых слонов⁴³.

В какой степени на исход сражения повлияла «неустроенность/непорядок» (по Юстину) в войске Керавна и предполагаемая некоторыми исследователями недостаточная лояльность к нему со стороны солдат, заключить из кратких сведений о событиях этой войны невозможно. Можно лишь утверждать, что источники не содержат указаний на неповиновение воинов или измену во время сражения.

Заключение. Можно заключить, что одной из причин поражения Птолемея Керавна в сражении (и в войне) с галатами стало численное превосходство противника. Оно, в свою очередь, было обусловлено передачей части войск Керавна Пирру, а также рассредоточением сил царя для прикрытия других направлений. На решение Птолемея вступить в сражение с галатами Болгия, видимо, повлияла угроза появления в Македонии второй галатской армии, что, несомненно, осложнило бы положение македонцев в случае затягивания конфликта. Ключевой причиной поражения Керавна в битве с галатами стало необдуманное применение боевых слонов против массы кельтской пехоты. Ошибочную тактику усугубило личное участие в атаке царя, гибель которого предрешила поражение македонской армии.

Литература / References

1. Anastassov J. The Celtic presence in Thrace during the 3rd century BC in the light of new archaeological data // *The Eastern Celts. The Communities between the Alps and the Black Sea* / ed. by M. Guštin, M. Jevtić. Koper; Beograd: University of Primorska, 2011. P. 227–239.

2. Campbell D. R. J. The so-called Galatae, Celts, and Gauls in the Early Hellenistic Balkans and the Attack on Delphi in 280–279 BC: PhD thesis / University of Leicester. Leicester, 2009. 355 p.

⁴¹ Об этом пишет Полибий в рассказе о битве при Теламоне (Polyb. II.28.5).

⁴² Павсаний сообщает о походе войска галатов во Фракию и об их столкновении с эллинами в период до вторжения 280 г. до н. э. (Paus. X.19.4), причем утверждает, что участники этого похода были в числе инициаторов вторжения Болгия (Paus. X.19.4). Сенека же упоминает о каких-то боевых действиях Кассандра против галатов (Senec. Quaest. Nai. III.11.3). Это столкновение может относиться к 298–297 гг. до н. э. (см.: *Strobel K.* Op. cit. 165–166).

⁴³ Диодор рассказывает о том, что Кассандр захватил боевых слонов Полиперхонта (Diod. XIX.35.7) и использовал их в кампании на Пелопоннесе (Diod. XIX. 54.3).

3. Džino D. The Celts in Illyricum-whoever they may be: the hybridization and construction of identities in Southeastern Europe in the fourth and third centuries BC // *Opuscula Archaeologica*. 2007. Vol. 31. 2007. P. 49–68.
4. Errington R. M. A history of Macedonia. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1990. 333 p.
5. Grainger J. D. Seleukos Nikator. Constructing a Hellenistic Kingdom. London: Routledge, 1990. 276 p.
6. Hammond N. G. L. A history of Macedonia. Vol. 1. Historical Geography and Prehistory. Oxford: Clarendon Press, 1972. 493 p.
7. Hammond N. G. L. Which Ptolemy gave troops and stood as protector of Pyrrhus' Kingdom? // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 1988. Bd. 37. H. 4. P. 405–413.
8. Hammond N. G. L.; Walbank F. W. A history of Macedonia. Vol. 3. Oxford: Clarendon Press, 1988. 692 p.
9. Heinen H. Untersuchungen zur hellenistischen Geschichte des 3. Jahrhunderts v. Chr. Zur Geschichte der Zeit des Ptolemaios Keraunos und zum chremonideischen Krieg. Wiesbaden: Franz Steiner, 1972. 229 S. (*Historia Einzelschriften*, 20).
10. Mitrevski D. The treasure from Tremnik and some traces of the Celts in the Vardar valley // *The Eastern Celts. The communities between the Alps and the Black Sea* / ed. by M. Guštin, M. Jevtić. Koper; Beograd: University of Primorska, 2011. P. 199–206.
11. Nachtergaele G. Les Galates en Grèce et les Sôtéria de Delphes. Recherches d'histoire et d'épigraphie hellénistiques. Bruxelles: Palais des Académies, 1977. 546 p.
12. Rustoiu A. The Celts and indigenous populations from the Southern Carpathian Basin. Intercommunity communication strategies // *Iron Age rites and rituals in the Carpathian Basin: proceedings of the International colloquium from Târgu Mureș* / ed. by S. Berecki. Târgu Mureș: Editura Mega, 2012. P. 357–390.
13. Rustoiu A. Thracians – Illyrians – Celts. Cultural connections in the Northern Balkans in the 4th – 3rd centuries BC // *Starinar*. 2017. Vol. 67. P. 33–52.
14. Sánchez F. L. Galatians in Macedonia (280–277 BC): invasion or invitation? // *War, warlords, and interstate relations in the Ancient Mediterranean* / ed. by T. del Hoyo, F. L. Sánchez. Leiden; Boston: Brill, 2018. P. 183–203.
15. Spickermann W. 'Blitz gegen Blitz'. Neue Überlegungen zur Niederlage des Ptolemaios Keraunos gegen die Kelten 279 v. Chr. // *Gymnasium*. 2010. Bd. 117. H. 4. S. 345–366.
16. Strobel K. Die Galater. Geschichte und Eigenart der keltischen Staatenbildung auf dem Boden des hellenistischen Kleinasien. Band 1: Untersuchungen zur Geschichte und historischen Geographie des hellenistischen und römischen Kleinasien. Berlin: De Gruyter Akademie Forschung, 1996. 296 p.
17. Szabó M. Les Celtes de l'Est. Le second Âge du Fer dans la cuvette des Karpates. Paris: Errance, 1992. 205 p.
18. Vujčić N. The army of Lysimachus after Corupedium // *Antiquité Vivante*. 2019. Vol. 69. № 1–2. P. 109–122.
19. Sowa W. Linguistic and cross-cultural relations in and around Galatia (3rd century BC – 3rd century AD) // *Galatian victories and other studies into the agency and identity of the Galatians in the Hellenistic and early Roman periods* / ed. by Coşkun Altay. Leuven: Peeters, 2022. P. 235–256 (*Colloquia antiqua*. Vol. 33).

Рецензия

УДК 93/94

DOI: 10.24412/2076-9105-2024-456-173-187

Ипатов Алексей Михайлович

кандидат исторических наук

Воронежский государственный педагогический университет

Воронеж, Россия

molot.tora@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5320-140X

РЕЦЕНЗИЯ НА:

Память о Второй мировой войне за пределами Европы: коллективная монография / под ред. А. И. Миллера и А. В. Соловьева. СПб., 2022. 264 с.

Аннотация. В статье представлена рецензия на опубликованную в издательстве Европейского университета в Санкт-Петербурге коллективную монографию «Память о Второй мировой войне за пределами Европы» (СПб., 2022). Подготовленные специалистами-страноведами, в том числе из Польши, разделы посвящены анализу официальной историографии и/или исторической памяти о трагических событиях 1939–1945 гг. в тех странах, жители которых, с одной стороны, принимали участие в боевых действиях, с другой — с самого начала воспринимали эту войну как «чужую», европейскую. В условиях, когда события Великой Отечественной войны как важнейшей и решающей составляющей Второй мировой войны являются неким репером для исторической памяти в Российской Федерации, а на Западе возрождаются ревизионистские оценки событий тех лет, большой интерес представляет опубликованное исследование, позволяющее увидеть альтернативные подходы к анализируемой проблеме и осознать причины, обуславливающие их.

Ключевые слова: Вторая мировая война, историческая память, СССР, Российская Федерация, Европа, Азия, Африка, Латинская Америка, нарратив.

Для цитирования: Ипатов А. М. Рецензия на: Память о Второй мировой войне за пределами Европы: коллективная монография / под ред. А. И. Миллера и А. В. Соловьева. СПб., 2022. 264 с. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 4 (56). С. 173–187. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2024-456-173-187>

Review

UDC 93/94

DOI: 10.24412/2076-9105-2024-456-173-187

Ipatov Alexey M.

Candidate of Historical Sciences

Voronezh State Pedagogical University

Voronezh, Russia

molot.tora@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5320-140X

BOOK REVIEW:**The memory of the World War II outside Europe:
a collective monograph / edited by A. I. Miller
and A. V. Solovyov. St. Petersburg, 2022. 264 p.**

Abstract. The article presents a review of the collective monograph “Memory of the World War II outside Europe” published by the publishing house of the European University in St. Petersburg. Sections prepared by specialists in regional studies, including from Poland, are devoted to the analysis of official historiography and/or historical memory of the tragic events of 1939–1945 in those countries whose inhabitants, on the one hand, took part in hostilities, on the other — many of them from the very beginning perceived this war as “alien”, European. In conditions when the events of the Great Patriotic War, as the most important and decisive component of the World War II, are a kind of reference point for historical memory in the Russian Federation, and revisionist assessments of the events of those years are reviving in the West, the published research is of great interest, allowing to see alternative approaches to the analyzed problem and to understand the reason behind them.

Keywords: World War II, historical memory, USSR, Russian Federation, Europe, Asia, Africa, Latin America, narrative.

For citation: Ipatov A. M. Book review: The memory of the World War II outside Europe: a collective monograph / edited by A. I. Miller and A. V. Solovyov. St. Petersburg, 2022. 264 p // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 4 (56). P. 173–187. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2024-456-173-187>

Несмотря на то что с каждым годом события Второй мировой войны все более отдаляются, их актуальность отнюдь не уменьшается. Напротив, можно наблюдать тенденцию к росту интереса к различным аспектам этого глобального вооруженного столкновения разных коалиций государств. Начало холодной войны в 1946 г., которое в отечественной традиции связывают обычно с так называемой фултонской речью У. Черчилля (*англ.* Sinews of Peace), привело к тому, что между недавними союзниками — СССР, США и Великобританией — начался своеобразный спор по поводу того, кто же внес основной вклад в разгром международного фашизма, кого в действительности следует считать победителем во Второй мировой войне. Практически одновременно на Западе началась подготовка идеологической

базы под появившуюся позднее теорию о равной ответственности Советского Союза и нацистской Германии за начало боевых действий, приведших к колоссальным людским и материальным потерям. Теория тоталитаризма была в свое время весьма популярна, о чем свидетельствует издание ряда монографий и проведение множества научных мероприятий, организаторы которых подводили к идее о том, что режимы и Сталина, и Гитлера являлись тоталитарными, и именно они развязали Вторую мировую войну, совершив совместное вторжение в «несчастную» Польшу.

После распада СССР и провозглашения президентом США Дж. Бушем — старшим победы в холодной войне, вероятно, на Западе рассчитывали, что благодаря разнообразным фондам (Сороса, Кеннана и др.) им удастся сформировать у граждан России и других постсоветских республик осознание и признание ведущей роли США и Великобритании в деле разгрома фашизма. Однако подобные установки, учитывая самые большие жертвы Советского Союза по итогам Второй мировой войны и ту роль, которую играет Великая Отечественная война в исторической памяти россиян, находили мало сторонников. В то же время в ряде бывших республик СССР, в значительной степени благодаря массивному идеологическому воздействию США и их союзников, утвердился такой подход, будто нацистская Германия стремилась освободить эти территории от советской оккупации. Национальное мифотворчество, характерное для ряда государств на постсоветском пространстве, имеет в значительной мере антироссийский характер, основанный на обвинении исторической России в многовековой «эксплуатации». Подобный расклад в рамках наблюдаемого с середины 2000-х гг. роста напряженности в отношениях между Россией и странами Запада, периодически принимающего конфронтационный характер, не является чем-то непривычным для рядового отечественного обывателя. Думается, разница в восприятии событий Второй мировой войны между США, Канадой, их европейскими союзниками, с одной стороны, и Россией — с другой, уже никого не удивляет.

Однако нередко можно наблюдать ситуацию, когда у российских политиков, ученых да и просто обычных жителей эмоциональную реакцию и неприятие вызывает оценка событий Второй мировой войны в какой-либо из стран за пределами Европы (исключая, понятно, США и Канаду). По ряду причин многим из нас кажется кощунственным, когда возникают сомнения или, более того, прямое опровержение ведущей роли СССР в победе над Третьим рейхом, его союзниками и сателлитами. Безусловно, в значительной степени это происходит из-за неосведомленности о том, как события 1939–1945 гг. (а в Китае, допустим, очень сильно стремление начать отсчет Второй мировой войны с японской агрессии) сохраняются и транслируются в исторической памяти в других государствах. Поэтому появление на свет коллективной монографии «Память о Второй мировой войне за пределами Европы» (СПб., 2022), изданной усилиями Центра изучения культурной памяти и символической политики Европейского университета в Санкт-Петербурге и журнала «Россия

в глобальной политике», призвано открыть для отечественного читателя белые пятна и неисследованные лакуны по крайне актуальной и становящейся все более политизированной проблеме. Подготовленная специалистами из разных городов и научно-образовательных учреждений книга позволяет понять, как происходит трансформация восприятия событий Второй мировой войне в Азии (Китай, Япония, Северная и Южная Корея, Монголия, Индия, Иран, Турция, часть арабского мира), Африке и Южной Америке.

Солидарен с высказанной авторами предисловия точкой зрения, согласно которой «нам важно понимать, как тема Второй мировой войны функционирует в коллективной памяти неевропейских стран» (с. 7). Справедливо и то, что общая память о совместной победе над фашизмом отступила на второй план, по сравнению с накалом противоречий между Россией и коллективным Западом. Высказанное Ф. И. Лукьяновым и А. И. Миллером мнение, что сохранение в России нарратива о Великой Отечественной войне стало едва ли не лейтмотивом государственной внутри- и внешнеполитической линии, также представляется убедительным, однако, вероятно, вызывает некие опасения. Связаны они с тем, что трагические, без всяких сомнений, и одновременно славные события 1941–1945 гг., как мне представляется, затмевают нередко другие важные вехи в отечественной истории и не позволяют ряду государственных деятелей отойти от риторики той эпохи, что, вероятно, не очень конструктивно сказывается на выстраивании российской дипломатией собственной внешнеполитической позиции. В целом относительно восприятия событий Второй мировой войны сложилась крайне противоречивая ситуация, когда разные стороны выдвигают собственную трактовку тех событий, стремясь закрепить ее в исторической памяти своего населения, но крайне болезненно реагируют на даже самое незначительное расхождение с ней в других странах. Это приводит к тому, что выражение «есть только одна правильная точка зрения — моя» принимает вполне осязаемые очертания. Однако подобный подход, характерный для большинства политических игроков на международном поле дипломатии, едва ли представляется конструктивным и приводит не к снижению напряженности, а напротив, к еще большей конфронтации.

Обратимся к анализу отдельных глав рецензируемой коллективной монографии. Первая из них посвящена исторической памяти о событиях Второй мировой войны в Китае (с. 12–27). Она была подготовлена профессором Российской академии наук и Санкт-Петербургского государственного университета Я. В. Лексютиной. Учитывая особенности общественно-политического строя КНР, нет ничего удивительного в жестком контроле со стороны правящей Коммунистической партии Китая (КПК) над содержанием и поддержанием нарратива о тех трагических событиях. Автор справедливо отмечает, что он не был единым с момента окончания Второй мировой войны и претерпел существенные изменения главным образом в оценках вклада самого Китая в разгром фашизма. Я. В. Лексютина выделяет три этапа в трансформации представлений китайцев

о тех трагических событиях. Для КНР, в отличие от СССР и современной Российской Федерации, главным противником в войне была не нацистская Германия, а Япония. Именно на ней фокусируется внимание общественности в ходе рефлексии о событиях Второй мировой войны. И если на первом этапе (середина 1940-х – конец 1980-х) антияпонская риторика была довольно сдержанной, то после событий на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 г. начинает наблюдаться поощряемый КПК рост китайского национализма и все чаще заявляется о так называемом потерянном столетии (1839–1949), в ходе которого Китай подвергался всевозможным унижениям со стороны ряда других государств. При этом некоторые китайские историки и общественные деятели выступают с инициативой начать отсчет событий Второй мировой войны с японской агрессии в Китае и Нанкинской резни 1937 г., что в значительной степени перемещает центр тяжести противоречий, приведших к началу глобального вооруженного конфликта, из Европы в Азию и в некоторой степени снимает с нацистской Германии вину за его развязывание.

Я. В. Лексютина подчеркивает, что третий этап в формировании официального китайского нарратива начался в 2012 г., с приходом к власти Си Цзиньпина. На смену идеологии «столетнего унижения» приходит концепт китайского героизма. Все больше подчеркивается активная роль Китая в деле борьбы с международным фашизмом. Параллельно происходит развитие двух процессов: ужесточение цензуры за «неверное» толкование событий Второй мировой войны и роли Китая в них и искусственное «увеличение» ее за счет выбора точкой отсчета уже не 1937 г., а 1931 г., когда произошел так называемый Мукденский инцидент в Маньчжурии, где правил последний император династии Цин Пу И, против которого японские войска совершили акт вооруженного нападения и фактически оккупировали северо-восточную часть Поднебесной. Автором главы высказана любопытная точка зрения, что подобная попытка увеличения срока продолжительности вооруженного конфликта вызвана не только геополитическими обстоятельствами, долженствующими подчеркнуть важную роль Китая в антифашистской борьбе, но и экономическими факторами, среди которых можно назвать существенное увеличение числа погибших от японской агрессии и резкий рост масштабов нанесенного стране материального урона.

Я. В. Лексютина обращает внимание на два важных обстоятельства, связанных с формированием официального китайского нарратива, которые могут в будущем осложнить взаимопонимание между Российской Федерацией и КНР: это все чаще высказываемое руководителями КПК число жертв в 35 млн человек, а также употребление вместо термина «Вторая мировая война» несколько специфичного понятия «мировая антифашистская война». Думается, она верно связывает данные обстоятельства со стремлением китайского руководства под видом пересмотра европоцентристского взгляда на анализируемые события обозначить наличие двух равнозначных фронтов в ходе Второй мировой

войны — советско-германского в Европе и китайско-японского на Дальнем Востоке. Фактически речь идет о претензии Китая объявить свою страну равнозначным Советскому Союзу победителем в войне.

Как подчеркивает автор, лейтмотивом политики исторической памяти в Китае в последние годы становится все усиливающаяся антияпонская риторика в купе с появлением заявлений антиамериканской направленности и стремлением совместно с российской стороной противостоять попыткам фальсификации истории, главным образом в странах Запада. В то же время невозможно не согласиться с высказанным Я. В. Лексютиной опасением, что в России должны пристальнее следить и реагировать на периодически проскальзывающие в выступлениях высокопоставленных китайских чиновников высказывания о том, что Китай мог бы и без поддержки Советского Союза и других стран антифашистской коалиции разгромить Японию. Подобное умаление вклада Красной Армии в разгром Квантунской армии должно вызывать справедливый протест как со стороны российской общественности, так и со стороны властей.

Глава, посвященная исторической памяти о Второй мировой войне в Японии, подготовлена доцентом Университета Васэда в Токио Я. А. Шулатовым (с. 28–56). Особый интерес она вызывает, во-первых, потому, что Япония не заключила с Россией мирный договор по итогам Второй мировой войны и имеет с ней территориальные споры; во-вторых, Япония является одним из агрессоров во Второй мировой войне. Впрочем, как отмечено автором, у официального Токио есть камень преткновения в виде оспариваемых территорий не только с Москвой, но и с Китаем и Южной Кореей. В отличие от Поднебесной, в Японии точкой отсчета событий Второй мировой войны считается Перл-Харбор, поэтому и главным противником предстают отнюдь не Советский Союз и Великобритания, а США. Следовательно, и поражение в целом в Азиатско-Тихоокеанском регионе (а именно эти территории встраиваются в японский нарратив о войне) приводит к осознанию того, что главный победитель — это Вашингтон. А Советско-японская война в Маньчжурии воспринимается обособленно, не как составная часть Второй мировой войны (!!!).

Более любопытный момент, который анализирует Я. А. Шулатов, это попытка левых кругов японского общества на протяжении нескольких десятилетий представить население страны как нацию-жертву, используемую консервативными правящими кругами периода Второй мировой войны ради достижения своих целей. И в данном контексте ядерные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки воспринимаются как несправедливое наказание мирного населения, якобы не имевшего никакого отношения к преступлениям режима. Налицо, как и в Германии, попытка снять с широких слоев населения ответственность за развязывание наиболее жестокой и кровавой из всех войн в истории, переложив всю вину на военно-политическое руководство. Кроме того, сходство с послевоенной Германией наблюдается в том плане, что в японских кругах по мере отдаления событий Второй мировой войны все чаще, наряду с публично провозглашенным

на государственном уровне раскаянием за многочисленные преступления, совершенные военными Страны восходящего солнца, появляются и идеи о том, что самоуничжительный подход к восприятию жителями Ниппон своей роли в тех трагических событиях необходимо преодолевать. Вероятно, автор данной главы прав, доказывая, что непосредственное участие в подобном, «праворадикальном», крене в исторической памяти японцев принимают и правящие круги.

Показательным для российского читателя моментом являются приводимые Я. А. Шулатовым сведения о том, что, в отличие от Китая, Южной Кореи и ряда других государств Юго-Восточной Азии, Советский Союз (и Российская Федерация как его официальная правопреемница) не воспринимается в исторической памяти японцев однозначно как жертва агрессии. Еще более удивительным и парадоксальным в современной России может казаться тот факт, что отдельные японские круги рассматривают как акт агрессии вступление СССР в войну против милитаристской Японии в августе 1945 г. в нарушение договора о ненападении 1941 г. Весь сформированный комплекс советско-японских, а теперь и российско-японских противоречий оказывает существенное влияние на историческую память в Стране восходящего солнца. Отсюда и сложнейшее отношение к нашей стране не только официального Токио, но и широких кругов японского общества. Однако, как считает Я. А. Шулатов, происходит снижение «удельного веса “российского наполнения” исторического нарратива по сравнению с прошлым веком в пользу проблематики, связанной с японо-китайскими и японо-корейскими отношениями» (с. 56).

Две следующие главы посвящены анализу нарратива о событиях Второй мировой войны в коллективной памяти южных (с. 57–74) и северных (с. 75–96) корейцев. Подготовлены они были, соответственно, доцентом Школы востоковедения НИУ ВШЭ Н. Н. Ким и ведущим научным сотрудником Университета Кунмин в Сеуле Ф. К. Тертицким. Анализ представленного в этих главах материала позволяет осознать ту колоссальную разницу, с какой в обеих частях некогда единого государства воспринимают и транслируют информацию о еще относительно недавних событиях. Собственно, о северокорейском варианте рассуждать особенно не приходится, учитывая то обстоятельство, что только у государства имеется монополия на подготовку учебников по истории и выстраивание генеральной линии, отступление от которой не представляется возможным. По сути, как это блестяще представил автор, мы можем смело говорить не о сохранении в Северной Корее исторической памяти о Второй мировой войне, а о ее сознательном конструировании и транслировании населению. Ничем иным, как современным мифотворчеством действия в этой области официальных властей, назвать нельзя. Если в первые послевоенные годы на направление в освещении событий 1939–1945 гг. немалое влияние оказывал Советский Союз, то со временем исключительно в интересах партийно-политического руководства страны началось обозначенное выше мифотворчество. Их итогом стало то, что в историографии уже с 1967 г. стала транслироваться

идея, согласно которой «разгром Японии стал подаваться в стране как заслуга КНРА (якобы имевшая существование Корейская Народно-революционная армия. — *И. А.*) и Ким Ир Сена, а официальный северокорейский нарратив о войне практически полностью утратил связь с действительностью» (с. 92). Сложно не согласиться с данным выводом Ф. К. Тертицкого, если к тому же учесть, что Ким Ир Сену уже «написали» (!!!) 5 томов собрания сочинений.

Сложнее обстоит дело с исторической памятью о событиях Второй мировой войны в Южной Корее. Как справедливо подчеркивает Н. Н. Ким, «для корейцев — это, с одной стороны, память об освобождении от японского колониализма и сопряженных с этим событиях, а с другой — память о расколе как непосредственном следствии военного конфликта и обстоятельств освобождения» (с. 57). То обстоятельство, что Корея не была независимым государством, накладывает отпечаток и на восприятие тех событий, связанных и с трудовой мобилизацией корейцев Японией, и с борьбой за независимость, и в рамках националистического дискурса с нивелированием роли внешних сил — США и СССР в деле корейского освобождения. Две сверхдержавы в дальнейшем сыграют определяющую роль в событиях на Корейском полуострове, поэтому им уделяется немало внимания, однако критике подвергается позиция обеих стран в вопросе о готовности корейцев самостоятельно управлять своим государством. Примером может служить выдержка из учебника старшей школы Национального института истории Кореи: «Таким образом, вместе с раздельной оккупацией США и СССР произошел раскол нашей нации на правых и левых». В итоге нация, вступив «на путь раскола, так и не смогла создать единое независимое государство» (с. 70).

Сложно, исходя из анализа материала, не согласиться с выводом автора главы о том, что события Второй мировой войны, как бы нам это ни казалось странным, воспринимаются корейцами (и это к тому же культивируется на государственном уровне) как некий фон для процесса национального освобождения и дальнейшего трагического раскола нации. В связи с этим неудивительно, что память об освобождении страны советскими войсками и союзными силами с юга «перекрывается» акцентом на вкладе собственных сил в достижение независимости.

Подготовленная директором Центра среднеазиатских исследований Университета им. Адама Мицкевича в Познани И. О. Пешковым и его коллегой, научным сотрудником З. Шмытом глава о монгольском нарративе о Второй мировой войне (с. 97–113) демонстрирует, что в этой стране историческая память о тех трагических событиях существенно отличается от того, как сейчас вспоминают их в бывших странах восточного блока. Ученые подчеркивают, что в Монголии придают большое значение прославлению и героизации совместной с СССР борьбы против японских интервентов, ставят памятники не только своим военачальникам, но и советским, например Г. К. Жукову. Как и в случае с обеими Кореями, немаловажное значение в монгольском обществе придается фактору

освобождения страны в годы Второй мировой войны и построения собственного независимого государства. О сложностях, сопутствующих этому процессу, авторы главы пишут так: «...монгольская модель памяти включает социализм как путь к независимости, дружбу с СССР как путь к собственному государству, зависимую позицию и уничтожение традиционной культуры» (с. 100). Самое любопытное и удивительное заключается в том, что нередко установка того или иного памятника, приуроченная к какой-либо юбилейной дате, происходит не только за счет государства, но и за счет российско-монгольских фондов, что приводит к неразберихе и разногласиям по поводу концепции мемориальных комплексов. Для российского обывателя, вероятно, будет непросто осознать, что среди монгольского населения была не только благодарность Советскому Союзу за помощь в отражении японской агрессии и обретении независимости через отделение от Китая, но и некая обида за то, что значительный вклад монголов в обеспечение советского тыла фактически не раскрыт в российской историографии.

В целом стоит отдать должное авторам главы о Монголии, сумевшим убедительно продемонстрировать все сложности и всю неоднозначность с исторической памятью о событиях Второй мировой войны в этой стране. Удивителен и парадоксален и вывод авторов о том, что «ценности демократии, критическая оценка сталинизма, однозначно националистическая оценка прошлого превращают Монголию в неожиданного адвоката сталинской политики в регионе и хранителя памяти в боевом братстве монголов с советским народом во время Второй мировой войны» (с. 113).

Глава об Индии подготовлена руководителем группы Южной Азии и региона Индийского океана Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН А. В. Куприяновым (с. 114–129). Как и многие азиатские и африканские государства, Индия имеет один из наиболее сложных нарративов о событиях Второй мировой войны, значительную часть которого составляет восприятие этой войны как чуждой индийским национальным интересам. И в этом отношении крайне сложно примирить разные слои индийского общества, одни из которых в качестве героев почитают тех солдат и офицеров, что в разных уголках планеты сражались против войск держав «оси», другие же отдают почет и уважение Субхас Чандра Босу и его единомышленникам, видевших главного противника именно в британцах. Автор данной главы делает краткий обзор политических процессов, происходивших в индийском обществе и истеблишменте перед началом Второй мировой войны, справедливо указывая на ряд противоречий не только в рамках внутреннего дискурса, но и во взаимоотношениях с другими государствами, прежде всего с Великобританией. Это позволяет даже далекому от темы читателю сформировать определенное представление о той ситуации, в которой оказалась страна во время войны. И все дальнейшие трансформации в рамках политики памяти, безусловно, еще долгое время будут вызывать дискуссии в индийском обществе. Важным, особенно для российских

граждан, открытием А. В. Куприянова служит вывод о том, что «в Индии, как и в других азиатских странах, почти отсутствует рефлексия в отношении преступления нацистов в Европе» (с. 124); более того, в местных учебниках политика нацистов оценивается довольно нейтрально. Думается, прав автор главы, утверждающий, что это делается не ради того, чтобы сознательно замалчивать преступления Гитлера и его окружения, а просто потому, что события в Европе, фактически не касавшиеся Индостана, воспринимаются современными индусами как нечто крайне отдаленное, как хронологически, так и территориально. Сложнейший комплекс национально-территориальных противоречий и социально-экономических связей в Южной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе своим следствием имеет то, что в индийской исторической памяти происходит «примирение» с Японией, совершившей акт агрессии в северо-восточной части Индии. Оправданным и взвешенным воспринимается вывод ученого, согласно которому в Индии и дальше будет сохраняться двойственность нарратива о Второй мировой войне, а героизироваться будут как те, кто сражался против фашизма, так и те, кто с помощью Германии стремился добиться национальной независимости.

Не менее сложный комплекс представлений сформировался и в исторической памяти иранцев, о чем говорится в главе, подготовленной старшим научным сотрудником Института востоковедения РАН Е. В. Дунаевой (с. 130–149). Ее анализу иранского нарратива о Второй мировой предшествует краткая характеристика положения страны в предвоенные годы. То обстоятельство, что ряд десятилетий Иран был разделен на сферы влияния между Россией и Великобританией, по справедливому мнению Е. Е. Дунаевой, наложило весьма отчетливый отпечаток на восприятие событий 1939–1945 гг. местным населением. Для российских читателей, вероятно, несколько шокирующе будет звучать информация о том, что в этой исламской республике не празднуют День победы над фашизмом. Лишь улучшающаяся внешнеполитическая конъюнктура в российско-иранских отношениях приводит к появлению в местных СМИ в последние годы информации о проводимых в Москве и других российских городах парадах и о ведущей роли СССР в разгроме нацистской Германии и ее союзников и сателлитов. Оказывается, у иранцев, как и у монголов, есть некая «обида», на Советский Союз. По их мнению, роль Ирана как важнейшего транспортного коридора и поставщика нефти неза заслуженно «забыта» в советской и российской историографии, а И. В. Сталин стремился аннексировать территорию Иранского Азербайджана.

В тексте главы убедительно продемонстрированы перипетии складывания и трансформации иранского нарратива о Второй мировой войне. Факторами, влиявшими на это, были разногласия официального Тегерана с Москвой и Лондоном, не желавшими, по мнению ряда иранцев, предоставлять независимость и суверенитет их стране, а также прогерманские симпатии части населения республики, появившиеся после «заигрывания» Гитлера с исламом

и акцентирования им темы сотрудничества нацистов и исламистов в борьбе против западных демократий и Советского Союза. Болезненна для современной исторической памяти иранцев, как отмечает Е. В. Дунаева, и проблема невыплаты СССР Ирану компенсаций за пребывание советских войск на его территории и вывоз зерна, в то время когда в стране был массовый голод. Однако перечисленные выше аспекты, вызывающие неоднозначную оценку в исторической памяти иранцев, не имеют серьезного значения. К тому же автор главы приходит к справедливому выводу о том, что в целом иранское общество нечасто вспоминает события Второй мировой войны. А если и обращается к каким-либо сюжетам, то об СССР чаще рассуждают в негативном ключе, что переносится и на современную Россию как его правопреемницу. С сожалением приходится констатировать правоту автора этого текста относительно пассивности российской официальной пропаганды в данном направлении и следованию устаревшим шаблонам в попытках представить иранскому обществу отечественную версию событий Второй мировой войны как единственно правильную.

Не меньший интерес представляет подготовленная доцентом Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова П. В. Шлыковым глава об исторической памяти о событиях Второй мировой войны в Турции (с. 150–182). Для наглядности автор снабдил текст карикатурами и фотографиями первых полос ряда турецких газет, что, безусловно, повысило качество представленного им материала. Размышления об этапе 1939–1945 гг. органически вписаны им в более широкую канву перипетий турецкой истории XX в. и современных проблем, имеющих корни в прошлом. П. В. Шлыкову удалось на примерах доказать ошибочность отдельных выводов советских авторов, в то же время предложив собственную, аргументированную точку зрения. Не вызывает сомнений его вывод о политике лавирования турецкого руководства между США и Великобританией, с одной стороны, и Германией — с другой, вкупе с недружелюбной в целом позицией по отношению к СССР. Мы даже видим ситуацию некоего заигрывания с Гитлером, в данном случае на фоне ислама. Вызывает недоумение недооценка или непонимание ряда мусульманских деятелей, которые называли немецкого фюрера едва ли не ожившим пророком Мухаммедом, пришедшим наказать все враждебные религии.

Проанализировав турецкую историографию по проблемам исторической памяти, П. В. Шлыков приходит к выводу о господстве в этой области установки об активном нейтралитете страны в годы Второй мировой войны. При этом современные турецкие историки не склонны идеализировать прошлое, а, напротив, указывают на ошибки собственного правительства в международных отношениях в тот непростой период. От них не отстают и турецкие политики, в том числе президент страны Р. Т. Эрдоган, несколько раз публично критиковавший главу государства в 1938–1950 гг. И. Иненю и сравнивавший его с Гитлером. Автор главы подчеркивает, что турецкие историки, реагируя на периодически вспыхивающие обвинения в пассивности страны в рамках борьбы

против фашизма, парируют это тем, что «формальное неучастие в войне или нейтралитет Турции вполне укладывался в рамки международного права того времени» (с. 172).

В целом, вероятно, стоит считать справедливым вывод П. В. Шлыкова о некой периферийности восприятия в турецком историческом нарративе событий Второй мировой войны. Причина эта имеет более политический подтекст, так как нынешнее турецкое руководство стремится максимально дискредитировать кемалистов, в том числе путем уменьшения количества упоминаний о них. Одним из аспектов, который подчеркивается турецкими учеными и общественно-политическими деятелями, является массовое спасение евреев от нацистского преследования, что несколько выделяет Турцию в среде окружающих Израиль мусульманских государств. Все это, по мнению автора анализируемой главы, вписывается в антизападническую внешнеполитическую риторику Эрдогана. В то же время для нас важно, что Советский Союз оценивался турками с критических позиций, как государство, стремившееся распространить свое влияние на соседние страны.

У авторов трех заключительных глав рецензируемого издания задача была несколько сложнее, чем у их соавторов, ибо они анализировали историческую память о событиях Второй мировой войны не в отдельно взятой стране, а сразу в нескольких. И если профессор МГУ им. М. В. Ломоносова Г. Г. Косач (к сожалению, в ходе подготовке монографии ушедший из жизни), писал пусть о разных, но все же связанных единой традиционной культурой и религией арабских странах (с. 183–215), то анализ исторической памяти в столь разных государствах, как страны Африки и Южной Америки, крайне трудоемок и требует большого профессионализма от ученых.

Изучение памяти о событиях 1939–1945 гг. в арабском мире осложнялось еще тем обстоятельством, что часть входящих в него государств были независимыми, другие же — на положении колоний и полуколоний. Следовательно, вполне справедливо подчеркнутое авторами главы утверждение, что речь должна вестись не о едином арабском нарративе о событиях Второй мировой войны, но об их множестве.

Какие же главные сюжеты запечатлелись в памяти жителей арабских государств? Во-первых, это перипетии взаимоотношений со странами «оси», которые, прежде всего в лице нацистской Германии, как уже отмечалось выше, стремились сыграть на факте противоречий между Великобританией и Францией и их многочисленными колониями, а также акцентировали внимание на христианско-мусульманском противостоянии. Во-вторых, для многих арабов «война выглядела как средство, способное помочь завоеванию (либо расширить узкие рамки) политической самостоятельности» (с. 190), что напоминает ситуацию в Корее и Индии. В-третьих, уже тогда многие в арабском мире понимали, что обе воюющие стороны стремятся заручиться их поддержкой, чтобы иметь доступ к нефти, к Суэцкому каналу и территориям, которые можно использовать

как удобный плацдарм для ведения боевых действий. Оценивая в целом позицию различных арабских территорий, можно охарактеризовать ее как активный нейтралитет, политику лавирования между нацистской Германией и ее сателлитами, с одной стороны, и Великобританией, США и СССР — с другой.

Характерно, что в современном обществе арабских стран фактически, как подчеркивал Г. Г. Косач, нет осуждения сотрудничества со странами «оси», ибо это представляется как один из инструментов достижения национальной независимости. Делая вывод об арабских нарративах, автор подчеркивает их провинциальность, сфокусированность на событиях, имевших место в ареале расселения арабов. Для российского читателя, привыкшего к тому, что коренной перелом ассоциируется с битвами под Сталинградом и на Курской дуге, сложно принять тот факт, что в арабском мире он связан с битвой при Эль-Аламейне: «североафриканский театр военных действий превращается в ведущий, а Великобритания несет на себе основное бремя сражения с нацистской Германией (и фашистской Италией)» (с. 213). О роли Советского Союза в разгроме фашизма, как и в целом о его участии во Второй мировой войне, в арабской исторической памяти, как отмечал Г. Г. Косач, фактически нет упоминаний. Рискну предположить, что основной причиной этого является географическая отдаленность СССР от арабского мира.

Глава об историческом нарративе в Африке подготовлена старшим научным сотрудником Института всеобщей истории РАН Н. Г. Щербаковым (с. 216–243). Он справедливо отмечает, что, учитывая колониальный или полуколониальный статус всех стран на этом континенте, мы можем говорить о «чужой» Второй мировой войне для миллионов африканцев, вынужденных в составе войск союзников, главным образом Великобритании и Франции, участвовать в сражениях против держав «оси». Значительную часть статьи занимает анализ сюжетов, непосредственно связанных с участием африканцев в военно-политических событиях тех лет. Автор указывает, что после завершения войны была предпринята попытка подведения итогов этого участия на пятом Panaфриканском конгрессе. Однако на него были приглашены представители далеко не всех стран континента, а ряд выступающих высказывал точки зрения, вызывавшие неприятие других, поэтому к консенсусу прийти не удалось. К сожалению, анализ современного состояния исторической памяти в Африке, несмотря на все достоинства главы, в данном разделе отсутствует. Н. Г. Щербаков акцентирует внимание главным образом на дискуссиях, сопровождавших проведение конгресса. Фактически исследователь ограничивается сравнением африканского исторического нарратива о Первой и Второй мировых войнах, отмечая своеобразную «прогрессивность» второго. Он пишет: «В памяти военного поколения война стала играть роль своеобразной точки отсчета: африканцы вновь продемонстрировали преданность идеалам, ради которых европейские метрополии и США сражались в войне» (с. 243). Данный вывод представляется весьма дискуссионным. В целом же данная глава, увы, не дает представления о том, в каком состоянии находится

сейчас историческая память о событиях Второй мировой войны на Африканском континенте.

Заключительная глава коллективной монографии подготовлена авторским коллективом в составе научных сотрудников Института Латинской Америки РАН И. А. Гриценко и Д. М. Елесеенко, их коллеги, ведущего научного сотрудника Ю. Н. Кудеяровой, заведующего кафедрой международных отношений и внешней политики МГИМО МИД России Б. Ф. Мартынова и заместителя директора Института Латинской Америки РАН Д. М. Розенталя (с. 244–261). В целом убедительной представляется позиция авторов, доказывающих, что значительное расстояние, отделявшее Латинскую Америку от Европы, несмотря на наличие в отдельных странах довольно многочисленных немецких меньшинств, приводило к опосредованному восприятию происходивших в Старом Свете процессов в 1939–1945 гг. Оказывало определенное воздействие, безусловно, и колониальное прошлое южноамериканских государств. В совокупности с развитием интегрализма это делало вполне вероятной поддержку стран «оси» в начавшемся глобальном вооруженном конфликте. Так, противоречия в бразильском обществе, наличие большого числа японцев, итальянцев и немцев в стране, сложные взаимоотношения страны с США привели к тому, что даже после окончания Второй мировой войны у жителей Бразилии наблюдаются весьма определенные симпатии к праворадикальным идеологиям. Убедительным на этом фоне выглядит вывод о том, что «мировой конфликт оставил после себя противоречивую память» (с. 249). С одной стороны, вступив в войну на стороне союзников, Бразилия оказалась в числе стран-победителей, с другой — симпатии довольно значительных слоев населения были на стороне нацистской Германии и ее сателлитов.

Участие Мексики в войне на стороне своего соседа США, с которым были крайне сложные отношения, и память о завоеванных Штатами северных мексиканских территориях, было, казалось бы, не столь очевидным. Кроме того, «Германия не воспринималась угрозой для пацифистского общества латиноамериканской страны» (с. 252). Однако следует признать существенный вклад мексиканцев в обеспечение американского тыла путем отправки в США тысяч рабочих и поставок столь необходимой нефти и других ресурсов. В связи с этим представляется верным вывод о том, что участие Мексики во Второй мировой войне было не целью, а скорее средством внешнеполитической деятельности официального Мехико. Несмотря на то что многими современными мексиканцами события 1939–1945 гг. воспринимаются как «чужая», «вынужденная» война, участие в ней граждан Мексики героизируется в рамках причастности к борьбе против фашизма, проводятся многочисленные мемориальные мероприятия.

Еще сложнее ситуация с нарративом о Второй мировой войне в Аргентине, что предопределено особенностями самого участия страны в тех драматичных событиях и послевоенной позиции аргентинского руководства, «приютившего» в своей стране несколько тысяч нацистских преступников. На протяжении

ряда десятилетий праворадикальные идеи пользовались большим сочувствием в аргентинском обществе и лишь в последнее время проводятся активные мероприятия на государственном уровне с целью их преодоления. Касаются авторы и позиции русских эмигрантов в годы Второй мировой войны, однако, несмотря на все достоинства материала, так до конца непонятным остается вопрос, как же сейчас обстоит дело с восприятием перипетий 1939–1945 гг. в Аргентине.

Сходная ситуация по поводу участия во Второй мировой войне и послевоенного укрывательства нацистских преступников на своей территории была и в Парагвае. Во многом это было обусловлено наличием значительной немецкой диаспоры, усилиями которой была создана, пусть и довольно быстро запрещенная, Парагвайская национал-социалистическая партия. Представляется убедительным вывод авторов, что удаленность от основного театра разворачивающихся боевых действий в Европе и отсутствие сведений о нацистских преступлениях способствовали развитию в Парагвае, как и в других странах региона, восприятия Германии, Италии и Японии как государств порядка и дисциплины. Отсюда и определенные симпатии к ним. Вероятно, справедлив в отношении современного парагвайского общества вывод о том, что «глобальное противостояние и преступления нацизма остаются в тени национальной истории» (с. 260).

Таким образом, рецензируемое издание значительно расширяет наше представление об историческом нарративе о Второй мировой войне на неевропейских территориях. То, что он существенно отличается от исторической памяти в нашей стране, лишь на первый взгляд кажется удивительным. Однако более детальное изучение обстоятельств участия ряда государств во Второй мировой войне, сложности их взаимоотношений с Советским Союзом, США, Великобританией и Францией привели в итоге к тому, что события 1939–1945 гг. нередко находятся на периферии исторической памяти в этих странах, а где-то практически не знают о вкладе СССР в разгром фашизма. В некоторых государствах лишь в последнее время удалось преодолеть симпатии к странам «оси». Таким образом, необходимо однозначно приветствовать появление данной монографии и надеяться на то, что она подтолкнет к еще более интенсивному изучению сложной и противоречивой проблемы политики памяти о Второй мировой войне. А это, в свою очередь, может способствовать росту взаимопонимания между разными странами.

In memoriam

13 декабря 2024 года на 90-м году ушел из жизни заслуженный профессор Московского городского педагогического университета Евгений Иванович Хаванов.

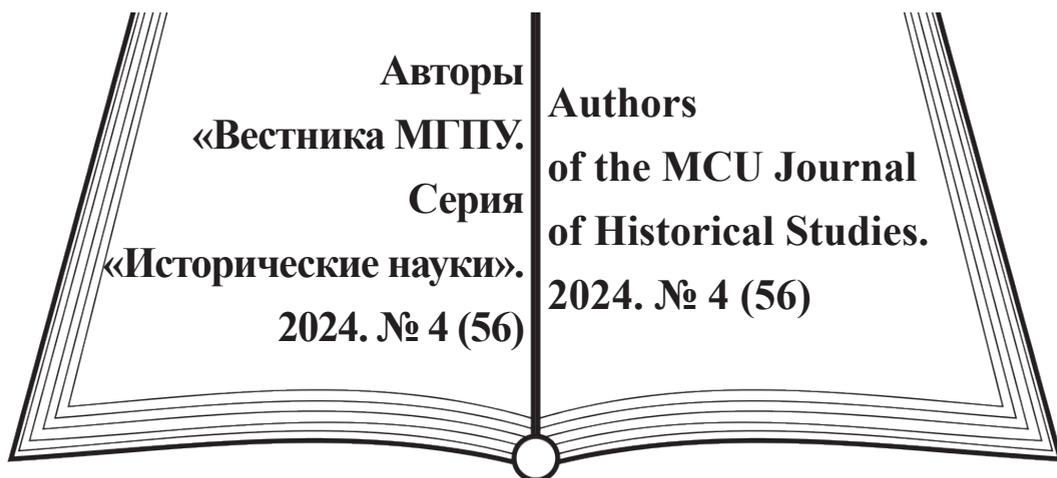
Более 30 лет жизненный и профессиональный путь Евгения Ивановича был связан с педагогической и научно-педагогической деятельностью в системе столичного образования. В университете Евгений Иванович работал с момента его основания в 1995 году, был первым деканом исторического факультета. Под его научным руководством было подготовлено пять докторов и пять кандидатов наук. Он автор более 130 научных и учебных работ.

Евгений Иванович Хаванов был членом экспертного совета комитета Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации по делам общественных объединений и религиозных организаций, членом Союза журналистов Москвы, членом Союза писателей России, имел почетные звания «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации», «Ветеран труда», был награжден медалью «В память 850-летия Москвы», а также многочисленными грамотами Департамента образования и науки города Москвы.

Человек широкой души и большого обаяния, Евгений Иванович неизменно располагал к себе собеседников, удивлял обширными познаниями, поражал творческой энергией, а порой и восхищал молодым задором.

Коллеги и ученики скорбят вместе с родными и близкими о невосполнимой утрате и сохраняют добрую, светлую память о Евгении Ивановиче.

Коллектив Института гуманитарных наук МГПУ

Авторы
«Вестника МГПУ.
Серия
«Исторические науки».
2024. № 4 (56)

Authors
of the MCU Journal
of Historical Studies.
2024. № 4 (56)

Буланова Анастасия Сергеевна — аспирантка департамента истории Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Bulanova Anastasia S. — Postgraduate Student of the Department of History of Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: anastasiaschar@yandex.ru

Васильев Дмитрий Валентинович — доктор исторических наук, доцент, профессор департамента истории Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Vasilyev Dmitry V. — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History of Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: dvvasiliev@mail.ru

Герман Роман Эдуардович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Технологического института сервиса (филиала) Донского государственного технического университета в г. Ставрополе; профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Ставропольского филиала Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации, Ставрополь, Россия.

German Roman E. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General Educational Disciplines of the Technological Institute of Service (branch) of the Don State Technical University in Stavropol; Professor of the Department of Social, Economic and Humanitarian Disciplines of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Stavropol, Russia.

E-mail: romger@mail.ru

Иванов Андрей Александрович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Ivanov Andrey A. — Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Modern History of Russia, Institute of History, Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Ипатов Алексей Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России гуманитарного факультета Воронежского государственного педагогического университета, Воронеж, Россия.

Ipatov Alexey M. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, Faculty of Humanities, Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia.

E-mail: molot.tora@mail.ru

Калюжная Ольга Васильевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского университета Федеральной службы исполнения наказаний, Санкт-Петербург, Россия.

Kalyuzhnaya Olga V. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Saint-Petersburg University of the Federal Penitentiary Service, St. Petersburg, Russia.

E-mail: kalyuzhka@list.ru

Князев Марк Андреевич — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского; учитель истории первой категории гимназии № 136, Нижний Новгород, Россия.

Knyazev Mark A. — Candidate of Historical Sciences, Junior Research Officer of the Department of Foreign Regional Studies and Local History of the Institute of International Relations and World History of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; first category history teacher at Gymnasium № 136, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: kn.mark.nn@mail.ru

Макаров Никита Александрович — ассистент кафедры социологии, психологии управления и истории Института государственного управления и права Государственного университета управления, Москва, Россия.

Makarov Nikita A. — Assistant of the Department of Sociology, Psychology of Management and History of the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management, Moscow, Russia.

E-mail: mackarov.nik2013@yandex.ru

Мирзоев Евгений Бахлулович — кандидат исторических наук, доцент, методист Института содержания, методов и технологий образования Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Mirzoev Evgeny B. — Candidate of Historical Sciences, Associated Professor, Methodologist of the Institute of Content, Methods and Technologies of Education of the Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: evgenymirzoev@rambler.ru

Огородникова Ольга Александровна — кандидат исторических наук, доцент, доцент департамента истории Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Ogorodnikova Olga A. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: OgorodnikovaOA@mgpu.ru

Павленко Алла Игоревна — аспирантка департамента истории Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Pavlenko Alla I. — Postgraduate Student of the Department of History of Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: kabantsovaai@mgpu.ru

Рудаков Владимир Николаевич — кандидат филологических наук, главный редактор журнала «Историк», Москва, Россия.

Rudakov Vladimir N. — Candidate of Philological Sciences, Editor-in-chief of the “Historian” Magazine, Moscow, Russia.

E-mail: ps-rudakov@yandex.ru

Шеркова Татьяна Алексеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра египтологических исследований Российской академии наук, Москва, Россия.

Sherkova Tatiana A. — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Center for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: sherkova@inbox.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Рецензируемый научный журнал «Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». **MCU Journal of Historical Studies** принимает к публикации оригинальные, не опубликованные ранее работы на русском и английском языках по конкретным историческим, историографическим и источниковедческим темам, содержание которых соответствует научным специальностям 5.6.1. Отечественная история и 5.6.2. Всеобщая история.

Материалы для публикации научной статьи следует направлять по адресу: vestnik_hist@mgpu.ru

Объем и форматирование

Объем научной статьи — до 40 000 знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы и графики, список литературы, без учета метаданных. Поля — по 20 мм справа, слева, сверху, снизу. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14. Интервал — 1,5. Красные строки — 1,25 (выставляются автоматически). Не допускаются разрывы между абзацами, автоматические переносы, автоматическая нумерация списков.

Рисунки, схемы, таблицы и графики выполняются в графических редакторах, поддерживающих векторные и растровые изображения (сканирование не допускается); нумеруются в порядке упоминания их в тексте. Все изображения, представленные в статье, должны иметь подписи и ссылки на источник, если они выполнены не самим автором. Подрисуночные подписи выполняются кеглем 12; отдельно предоставляются рисунки в формате *jpeg, не менее 300 dpi точек на дюйм.

Метаданные

Метаданные приводятся до основного текста статьи на русском или английском языке в зависимости от того, на каком языке написана статья, и затем повторяются на другом языке.

Данные указываются в обозначенной последовательности без разделения запятыми:

УДК (www.teacode.com/online/udc/)

Ф. И. О. (Иванов Иван Иванович / Ivanov Ivan I.)

ученая степень и ученое звание (при наличии)

место работы

город, страна

электронная почта; ORCID.

Ниже по центру размещается *название статьи* (не более 15 слов).

После названия научной статьи следуют *аннотация* (200–250 слов) и *ключевые слова* (7–10 слов). В аннотации указываются актуальность и цель исследования, а также его основные результаты. Ключевые слова должны соответствовать теме статьи, включать основные категории и понятия, отражающие ее содержание.

Ниже ключевых слов могут быть размещены благодарности, посвящения и сведения о финансировании исследований (при наличии).

Разделы научной статьи

Введение: постановка проблемы; научная новизна и актуальность исследования; историография вопроса; источниковая база исследования.

Ход и результаты исследования: должны соответствовать целям и задачам исследования, результаты исследования представляются в максимально доказательной форме (в том числе в виде таблиц, графиков, диаграмм и т. п.).

Заключение: содержит выводы по результатам исследования в кратком систематизированном виде, по желанию автора раскрываются перспективы продолжения проведения исследований в данном направлении, даются рекомендации для практического применения результатов исследования.

Ссылки на источники

Используемые в статье источники и литература должны быть отражены в подстрочных ссылках (сносках), при оформлении которых следует руководствоваться ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание: Общие требования и правила составления».

Подстрочные ссылки (сноски) на используемые в статье материалы автоматические, нумерация сквозная, кегль — 10; интервал — 1.

Литература и References

Ниже текста статьи должны располагаться разделы «Литература» и References, содержащие библиографические описания использованных научных работ (монографий, диссертаций, авторефератов и статей). В эти разделы **не включаются** источники, энциклопедии, справочники, электронные ресурсы, художественные произведения и т. п.

В разделе «Литература» приводятся названия работ на языке оригинала (русском, английском и т. п.), которые располагаются по алфавиту. Библиографические описания на языках с разной графикой оформляются в следующем порядке: 1) кириллица; 2) латиница; 3) другие виды графики, транслитерация (в русской транскрипции).

Список литературы должен составлять не менее 15 пунктов, в том числе опубликованных в зарубежных базах цитирования (Scopus, Web of Science) за последние пять лет (по отечественной истории — не менее 1/4 от общего количества пунктов, по всеобщей истории — не менее 1/3), с указанием DOI или URL национального архива для всех источников (при наличии).

В разделе References работы, написанные на русском или других языках, использующих кириллицу, приводятся в транслитерации (сайт для автоматической транслитерации: WWW.TRANSLIT.RU. Режим транслитерации — LC / Library of Congress). Их названия дублируются переводом на английский язык, заключенным в квадратные скобки. В конце библиографического описания для изданий на кириллице в скобках указывается язык оригинала: (In Russ.), (In Bulg.), (In Ukr.).

Если русскоязычный источник имеет зарегистрированные метаданные на английском языке, они приводятся в разделе References (например, MCU Journal of Historical Studies).

Литература, написанная на английском или других языках, использующих латиницу, приводится на языке оригинала. Порядок размещения работ в разделе References повторяет порядок в разделе «Литература».

Несоответствие разделов «Литература» и References предъявляемым требованиям (неполные, недостоверные и некорректные данные) является одной из причин отказа в приеме рукописи к публикации.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научный журнал / Scientific Journal

**Вестник МГПУ.
Серия «Исторические науки».**

**MCU Journal
of Historical Studies**

2024, № 4 (56)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-82088 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО *В. В. Рябов*

Заместитель главного редактора:

доктор исторических наук, профессор *И. В. Омелянчук*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник *Т. П. Веденева*

Редактор:

И. Е. Посоха

Корректор:

К. М. Музаилова

Техническое редактирование и верстка:

Г. П. Васильева, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 2.

Телефон: 8-499-181-50-36.

https://www.mgpu.ru/centers/izdat_centre/

Подписано в печать: 26.12.2024 г.

Формат: 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага: офсетная.

Объем: 12,25 печ. л. Тираж: 1000 экз.